

5/2026

Путеводная звезда

12+

школьное
чтение

Анатолий Валевский

Первая скрипка
не умирает

ГУМАНИТАРНЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
РЕКОМЕНДОВАН МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ДЛЯ ПРОГРАММНОГО
И ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ ПИСАТЕЛЬ
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
в 1996 году

Главный редактор:
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ

Редакционная коллегия:
ИРИНА АРЗАМАСЦЕВА,
критик, доктор филологических наук

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ,
писатель

ЛОЛА ЗВОНАРЕВА,
критик, доктор исторических наук

ИРИНА КРАЕВА,
писатель

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА,
писатель

Обложка, титул:

ПЕТР ЛЮБАЕВ

Художник:

АНАТОЛИЙ СЕМЕНОВ

Над номером работали:

ПОЛИНА МОРДОВИНА,
ИРИНА ЛЫСЦОВА

Корректор:

ОЛЬГА ЗАЙЦЕВА

Адрес редакции:

101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.
Тел.: (495) 625-8200, 623-5868,
факс: (495) 624-2490.
pzv@defond.org

Отпечатано в ООО «Кировская областная
типография».

610004, г. Киров, ул. Ленина, 28.
www.freepik.com
Тираж 3000 экз.

Журнал зарегистрирован МПТР РФ.
Свидетельство ПИ № 77-5947
от 21.12.2000 г.

Журнал издается при финансовой
поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации.

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются и не рецензируются.

При оформлении журнала использованы
иллюстрации с сайта www.pixabay.com

Учредитель:

Международная ассоциация детских
фондов, Д.А. ЛИХАНОВ
© «Путеводная звезда. Школьные чтения»,
2005

Почему я советую вам прочитать именно это

**Анатолий
ВАЛЕВСКИЙ,**
писатель, учитель истории
и обществознания МАОУ
«Лицей» г. Усинска
(Республика Коми)

Когда побеждает жизнь

Книга «Первая скрипка не умирает...» — это история о тихом, повседневном героизме, который заключается в том, чтобы просто продолжать дышать, просыпаться и делать следующий шаг, когда привычный мир рассыпался в прах. Рассказ ведется от лица детей неслучайно. Их взгляд на события войны острее, проще и от этого порой трагичнее. Две девочки, Марго и Гера, каждая со своим характером, страхами и мечтами, проходят сквозь три круга испытаний: холод и голод блокадного Ленинграда, полные опасностей дороги эвакуации, суровый и чужой мир сибирского детдома. Их детство было украдено, а на его место пришли лишения, страх и горечь утрат.

Но сила этой истории — не в перечислении ужасов, а в том, как вопреки всему в этих маленьких сердцах живет и побеждает жизнь. Их героизм — это преодоление отчаяния через крепкую, как сталь, дружбу. Преодоление холода — через тепло взаимной заботы. Преодоление ужаса — через солидарность и редкие, но тем более ценные мгновения детской радости, игры, смеха. Это история о том, как дух упрямо отстаивает право на свет даже в самой глубокой тьме.

Центральный образ повести — скрипка. Но это не абстрактный символ искусства, а живой, дышащий свидетель, участник и в каком-то смысле спаситель. Это личная реликвия, связующая нить с разрушенным миром «до». Она проходит через все испытания вместе со своими юными хранителями: терпит холод, голод, теряет и обретается вновь, становясь олицетворением той самой хрупкой, но неукротимой жизни. Ее история — это история силы духа в миниатюре.

«Первая скрипка не умирает» — это история, которая, кажется, не просто стоит того, чтобы ее рассказали, — она нужна нам, чтобы помнить, из чего на самом деле сплетено мужество и какую несокрушимую силу таит в себе хрупкая человеческая душа.

Анатолий Валевский

Первая скрипка не умирает

— 1 —

Санитарный поезд, к которому подцепили несколько вагонов-теплушек для эвакуируемых гражданских, продолжал свой путь.

У одной из станций паровоз притормозил. Надсадно гудел и фыркал, словно бы от раздражения. Несколько женщин вышли на железнодорожный путь и принялись махать белыми платками, заставив машиниста снизить скорость. В теплушки и вагоны матери забрасывали детей, которых не успели эвакуировать. Слышался крик и плач, где-то вдалеке раздавалась канонада.

С отвратительным воем самолеты с крестами на крыльях стали стремительно приближаться к земле. Прогрели несколько взрывов. Вечерний налет немецкой авиации был внезапным и непредвиденным.

Как только началась бомбежка, Марго, спрыгнув с верхней полки, спряталась под нижнюю. Вагон от взрывов трясло, словно человека в лихорадке. Потом потянулся тошнотворный удушливый запах дыма и гари.

Гера спрятаться не успела. Обезумев от страха, девочка застыла на месте, не сразу поняв, что кто-то ее прикрыл собой.

При налете немецкой эскадрильи изрешеченный осколками и пулями последний вагон поезда отбросило и откатило метров на сто от обломков основного состава.

Марго еле оторвала руки от ушей: казалось, они к ним намертво приклеились. Поразила невероятная тишина.

...Почти такая же, помнится, встретила ее, когда она очнулась в палате ленинградского госпиталя после операции по удалению из груди осколка авиа-

бомбы, взрыв которой настиг Марго и других стоявших в очереди за хлебом.

На соседней койке лежала девочка лет пяти-шести. Марго заметила, что маленькая незнакомка с живым интересом разглядывает ее. Наконец та решилась: на одной ноге, опираясь на маленький деревянный костыль, перепрыгнула от своей койки до койки Марго.

— Меня зовут Октябрина, — бойко представилась непоседа и захихикала.

Марго насторожилась: не могла понять, почему смеется девчонка.

— Ты королева Марго, — объяснила егоза. — С тобой была книга, — растолковывала Октябрина. — Ты никак не хотела ее отдавать.

— Книга... — не могла взять в толк Марго. Она едва шевелила губами из-за жуткой послеоперационной слабости.

— Да! — Октябрина показала рукой на прикроватную тумбочку.

Марго с усилием повернула голову вправо, увидела пробитую осколком книгу, напрягла зрение и прочитала на обложке: «Александр Дюма. Королева Марго».

Шум в голове и беспрестанная болтовня девочки мешали Марго сосредоточиться. Она отчетливо помнила, что вышла из дома без «Королевы Марго».

Марго прислушалась к звукам за пределами больницы. Хотелось одного: чтобы никто не тревожил, мысли плыли вялые, неспешные. Состояние, когда радость ушла и где-то надолго заблудилась.

Марго закрыла глаза. Сознание путалось.

— Возле меня Гера, но она не жила, — с горечью вздохнула неугомонная девчонка. — Медсестра Шура говорит, что у нее на глазах во время бомбежки погибли сестренка и братишка. Шура считает, что дело в стрессе и это пройдет. Только вот почему-

Анатолий Валеvский

Анатолий Михайлович Валеvский родился в 1969 году во Львовской области Украинской ССР. Закончил Томский государственный педагогический университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Прошел педагогический путь от учителя до директора. Долгие годы работал в системе детских домов и интернатов. Большой друг семьи Со-рокиных (Ростовская область), глава которой — Татьяна Васильевна, воспитавшая 85 детей, стала лауреатом

первой премии «Совесть», учрежденной Российским детским фондом совместно с Фондом сохранения творческого наследия Альберта Лиханова. Учитель года Республики Коми — 2025. Член Союза писателей России, член Союза детских и юношеских писателей. Лауреат международной литературной премии им. П. Ершова (2024) за книгу «Горький вкус мандаринов». Финалист международной премии им. С. Я. Маршак и общероссийской литературной

премии «Дальний Восток» им. В. К. Арсеньева. Лауреат Республиканской премии «Книга года Республики Коми — 2024» в номинации «Детская книга года» за книгу «Жабыч». Публикуется в литературных журналах «Нева», «Москва», «Дружба народов», «Путеводная звезда», «Петровский мост», «Крещатик», «Арт». Сфера творческих интересов — подростковая проза, военная проза периода Великой Отечественной войны, современная проза.

то никак не проходит, — по-взрослому посочувствовала Октябрина. — У меня тоже все умерли, — продолжила девочка. — Представляешь, я осталась одна во всем нашем доме.

— Ужас, — в голосе Марго звучало сострадание. Она протянула руку и погладила Октябрину по голове.

— Не надо меня жалеть, я большая, — девочка мягко, но настойчиво отстранила ладонь.

Марго посмотрела на потолок и неожиданно вспомнила не только то, откуда у нее взялась книга, но и весь тот день с самого утра...

Утренние налеты вражеской авиации были обманчивым затишьем — ад начинался ближе к полудню.

Марго проснулась от воя сирен, за которым тут же последовали взрывы. Бежать в бомбоубежище означало почти верную гибель. Взрывы становились все ближе, стекла в окнах звенели и дребезжали. Марго закрыла глаза и попыталась вспомнить что-нибудь хорошее, что могло бы отвлечь от ужаса. Вспомнилась бабушка Люда, с которой она жила в этой комнате. «Страх — это всего лишь тень. Не дай ему поглотить тебя».

Марго попыталась успокоиться, дышать ровнее. Страх все еще был рядом, липкий и холодный, но она старалась оттолкнуть его.

Внезапно все стихло. Марго медленно поднялась и осторожно выглянула в окно. На улице клубилась пыль, в воздухе стоял запах гари.

Свет прожектора вырвал из темноты заклеенные крест-накрест окна. То ли бледный зимний свет, скупно пробивающийся сквозь щели, то ли причудливая игра теней, но в этом геометрическом узоре Марго вдруг увидела нечто прекрасное и строгое — словно готический витраж, рожденный войной. Она подошла ближе и провела пальцем по клейкой ленте, этой хрупкой баррикаде, воздвигнутой против бомбежек и ледяного дыхания зимы. Никогда прежде эта нехитрая защита не привлекала ее внимания. В памяти всплыло, как бабушка Люда, несмотря на свой возраст и слабость, с какой-то удивительной сосредоточенностью и даже торжественностью клеила эти полоски бумаги. «Мы должны верить, Риточка», — говорила она, ее голос был тихим, но твердым. «Вера — это то, что у нас никогда не отнять, — продолжала она. — Как сказано в Писании: „И свет во тьме светит, и тьма не объяла его“». Голос бабушки звучал как молитва против надвигающейся беды.

Луч прожектора переместился, и узор на окне изменился, но образ готического витража, рожденного войной, остался в сознании Марго.

Когда после налета Марго выбежала на улицу, ее охватил ужас. Чудовищный фугас обрушился на дом

в Никольском переулке, и словно гигантский нож отсек его часть. Неподалеку от руин стояла женщина, прижимавшая к себе грудного ребенка.

— Ваш дом?

— Владлен и мама... — прошептала женщина и зарыдала.

Со временем страх перед бомбежками притупился, покрылся толстой, грубой коркой. Марго находила в себе силы пробираться сквозь руины, собирать щепки мебели для прожорливой буржуйки, выискивать среди развалин хоть какую-то одежду. Декабрьская стужа сорок первого года терзала город беспощадной хваткой ледяного зверя.

Возле дома Марго увидела бабуку Миронику из первого подъезда, лежащую на грязном снегу, укутанную в тряпье. Старуха всегда казалась немного не от мира сего. Ходили слухи, что она потеряла всю семью.

Марго подошла к ней.

— Что с вами, бабушка?

— Война — это не гром, это шепот смерти, — старуха кашлянула, и из ее потрескавшихся губ вырвался сгусток крови. — Война внутри нас, девонька. Она грызет кости, как голодный волк, точит душу, словно червь яблоко. Снаружи тишина, а внутри — ад крошечный.

Мирониха замолчала, тяжело дыша. Ее взгляд блуждал по заснеженному двору, выискивая что-то. Марго заметила, как дрожат ее руки, покрытые бурыми венами.

— Я сейчас позову на помощь, — торопливо проговорила Марго.

Старуха слабо улыбнулась, обнажив беззубый рот.

— Господи... — простонала Мирониха, — спасибо, что забираешь... Только тишина... и молитва... — прошептала она, и слова ее растаяли в морозном воздухе.

Жизнь обитателей огромной коммуналки сводилась к одному — к поискам пищи. Каждое утро соседи расходились «по делам», на самом деле ездили в пригороды, еще свободные от немцев, собирали картофель, овощи на полях, оставленных населением.

Марго боялась выбираться из города, и потому ее оставляли ответственной за отоваривание хлебных карточек, кроме того, она приглядывала за больной бабушкой Людой.

Однажды Марго возвращалась из школы и увидела разбомбленный книжный магазин. Люди входили в полуразрушенное здание, выносили охапками книги, грузили их на санки и увозили домой — на растопку. Марго вошла внутрь. На полу валялись обугленные томики Гоголя, Пушкина, Фурманова, Фадеева... На чудом уцелевшем столике возвышалась аккуратная стопка собраний сочинений Сталина, не тронутая огнем, словно символ несгораемой власти.

Ленинградское блокадное утро в их доме начиналось почти всегда одинаково. Тетя Валя, консьержка, совершала обход квартир и простуженным голосом спрашивала:

— Все живые?

— Живые, — отвечала за всех в комнате Марго.

С этого же вопроса начинала первый урок учительница в школе, открывая журнал и устраивая перекичку. Так было и в этот раз.

— Ваня Авдеев?

— Здесь, — раздался сиплый голос.

— Миша Вяткин?

Тишина.

— Миша Вяткин! — еще раз, погромче, произнесла учительница и подняла глаза, надеясь найти ученика.

— Умер, — со всхлипом отозвалась его соседка по парте.

Учительница помолчала и продолжила перекичку.

— Лена Лармина.

Снова тишина. Класс также молчал. Учительница горько вздохнула и назвала следующую фамилию.

— Рита Полякова.

— Пришла, — ответила, поднявшись, Марго.

Урок длился минут двадцать — двадцать пять. Во многих кабинетах гулял ветер: оконные стекла полопались от постоянных бомбежек, отопление не работало. Чернила замерзали. Но в ленинградские школы ходили не только за знаниями — ведь там еще и кормили после четвертого урока, обычно жиденьким супчиком, который варился из ремней или сапожных обрезков, разбавлялся клейстером. Многие приходили с алюминиевыми кружками, чтобы школьную похлебку унести домой братишкам и сестренкам.

С каждым днем классы в школе пустели все больше. Дети гибли либо от бомбежек, либо от голода. Первое время Марго громко твердила, как заклинание, громко, во всеуслышание, внушала себе и другим: «Я не голодная, я не голодная, я не голодная», — но через некоторое время слова ее становились тише и тише.

Бабушка Люда умерла в пятницу. Через несколько дней Марго услышала плач Варвары Ивановны из соседней комнаты, поняла сразу: пятилетняя Сталина умерла. Именно тогда Марго поймала себя на отчаянно-спасительной мысли: «Я живая... Я живая... Я ни за что не умру...»

Варвара Ивановна укутала умершую дочь вязаной кофточкой. Тельце девочки лежало в углу комнаты. Трупы обычно складывали прямо во дворе, ближе к вечеру приезжал грузовик и увозил на превращенный в огромный крематорий кирпичный завод № 1, что на Московском шоссе. Там их и сжигали. Рабо-

чие укладывали покойников на ленту транспортера, включали его и отправляли трупы в печь. У Марго одноклассница жила на Васильевском острове, так оттуда умерших отвозили на Смоленское кладбище.

Круг жизни для Варвары Ивановны после смерти дочери сомкнулся. Женщина лежала в пальто на холодном полу и безучастно смотрела в потолок.

Марго зашла и увидела двух крыс, шныряющих возле умершей девочки. Не отогнала. Бесполезно. Крысы заполонили дом и вели себя в нем похозяйски: покойники в каждой квартире, есть чем поживиться, так что на живых не нападали. От большой коммуналки веяло мертвечиной.

Вновь ожил, издав треск и скрип, большой четырехгранный раструб громкоговорителя напротив дома:

— Внимание: тревога! Внимание: тревога!

Второй за утро налет был неожиданным. Где-то вдалеке послышались взрывы.

Марго приготовилась укрыться в убежище, в подвале соседнего дома. В прошлый раз там набилось слишком много народу, особенно детей. Они громко плакали, цеплялись за юбки матерей. Марго удивилась, увидев в толпе Клавдию Ивановну, учительницу истории, парторга школы, которая с искаженным от ужаса лицом судорожно крестилась, шепча что-то бессвязное себе под нос.

Марго — в заплатанном ватнике, бледная, с пугающей синевой под глазами, — только собралась выйти из комнаты, как в дверях появилась тетя Света.

— Маргарита, — обратилась она, — мне надо на работу, просьба у меня большая: отведи Димочку на перевязку в поликлинику, что на Красной улице? Она чудом уцелела после вчерашней бомбежки.

— А тревога как же? — робко спросила Марго.

Тетя Света прислушалась к нарастающему гулу в небе и махнула рукой.

— До нас не дойдет, — невозмутимо ответила она.

Ее хладнокровие успокоительно действовало на Марго.

— Тогда хорошо, — согласилась девочка. — У нас как раз сегодня отменили уроки.

— Почему? — насторожилась соседка.

— Учительницы математики и русского языка... — Марго замялась... Тетя Света поняла все и без слов, по одному лишь взгляду. — Сказали, уроки у нас будут завтра.

— Ясно, — кивнула соседка, отводя глаза.

В поликлинике Марго наставляла пятилетнего Димку с ввалившимися от голода глазами и распухшими ногами: «Не надо плакать, когда медсестра будет снимать, а точнее, отдирать старую, присохшую к ранам повязку. Стыдно плакать. Всем тяжело, больно, не только тебе. Сожми кулачки и молчи».

После поликлиники Маргарита отвела Димку домой, взяла санки и пошла за водой на Неву.

По совету соседки бабы Нади воду вытапливали из снега, но чистого вокруг домов уже не осталось, везде он был грязным, черным от копоти и взрывов. Марго поставила на санки детскую ванночку, привязала ее веревкой, а, чтобы не расплескалась вода, поверх бросила палки. Они плавали в посудине, как маленькие лодочки, и не давали разгуляться волнам от тряски.

Добыть воду было настоящим испытанием. Сначала нужно было наполнить ведро, а затем, преодолевая скользкий лед, подняться с ним от реки на набережную. И так раз за разом. Многие карабкались на четвереньках, цепляясь за обледеневшие камни. Этот изнурительный труд отнимал последние силы. Но и это было лишь началом. Наполненную ванну предстояло дотащить до дома. Гололедица превращала путь в муку: санки то и дело переворачивались. Хуже того, случалось, что более сильные отбирали у обессиленных горожан драгоценную ношу, отбрасывая их в сторону и увозя с собой санки с жидкой водой.

В очередях за продуктами горожане томились долгими часами: ждали, когда распахнутся двери магазина, когда продавщица извлечет заветную учетную книжку и отметит карандашом выданное. Но дольше всего ждали хлеб на пайку. Можно было и не дожидаться. На перевозчиков хлеба охотились. Грабежей было много. Особенно процветало детское блокадное воровство. Голодающие исхудавшие мальчишки, словно стая волчат, набрасывались на женщин, вырывая из их рук заветный ломоть. Бросали его на грязный снег, ложились на него всем телом и ели, ели, ели, стремясь урвать как можно больше, пока не отняли.

У ослабевших отнимали последнее, вырывая вместе с продуктами, карточки и паспортами шанс обмануть голодную смерть. Блокада сорвала с людей маски, обнажив не только светлые, но и самые темные, звериные стороны их душ.

Иногда, в этих отчаянных схватках за выживание, проявлялась и другая сторона человеческой натуры. Случалось, что мальчишки, обокравшие женщину, делили добычу с такими же голодными товарищами. Встречались и те, кто отдавали свой хлеб старикам или детям, не в силах смотреть на их страдания. Эти редкие проблески человечности казались яркими звездами в крошечной тьме блокадного города.

Блокада делала людей не только благородными, но и животными.

Женщина в очереди... Марго ее запомнила даже не потому, что та находилась рядом и читала книгу. «Странная», — подумала Марго. Но женщина слов-

но угадала ее мысли и, вымученно улыбаясь, сказала, что всегда с собой берет книгу: мол, так легче убить время. Марго снова удивилась. Потом женщине неожиданно стало плохо. Она не упала — просто тихо сползла на снег. Марго была рядышком, услышала, как ее негромко позвала та странная женщина: «Подойди!» Марго сделала несколько шагов. «Бери книгу, там карточки. Тебе они пригодятся». Марго наклонилась, взяла книгу и услышала крики из очереди: «Самолеты! Сейчас будут бомбить! В бомбоубежище всем!»

Марго выпрямилась, машинально прижала к себе книгу, и в этот миг ее взрывом отбросило на проезжую часть улицы. В грудь вонзилось что-то острое, но боли она не ощутила. Кто-то споткнулся и упал на Марго. Чужое тяжелое тело прикрыло ее.

Глаза Марго открыла уже в больничной палате. Несколько дней ее жизнь висела на волоске, но он оказался крепким — не порвался.

Через три недели на самолете командующего, улетавшего с докладом в Москву, Марго, Геру и еще четырех девочек и двух мальчиков вывезли из блокадного Ленинграда.

Людей эвакуировали по ледяной трассе Ладоги, которую называли Дорогой жизни. Сколько жизней и машин поглотило озеро — никто не считал. Дорога была страшна и мучительна, особенно для детей, изможденных голодом и страхом. Ехали стоя, тесно прижавшись друг к другу — не только чтобы вместились больше людей, но и чтобы успеть прыгнуть, если машина начнет проваливаться под лед во время бомбежки. Кто не успевал — уходил в ледяную воду навсегда. В больнице пересказывали жуткую историю о матери, потерявшей своих детей. Она ехала во второй машине, а в первой — ее кровиночки. И на ее глазах грузовик с детьми ушел под лед. Машина с матерью, не останавливаясь, обогнула по льду, где гибли ее дети, и помчалась дальше...

В Ленинграде люди стали привыкать к бесчисленным трагедиям. Смерть стала слишком обыденной, чтобы от нее шарахаться.

Москвы девчонки не увидели. Ночью всех эвакуированных детей подняли и на грузовике отвезли на Ярославский вокзал. Посадили в последний вагон, в котором ехали музыканты, и поезд тронулся в путь куда-то на восток...

Марго жалела лишь об одном — оставленном дневнике. Она его начала вести с первых дней блокады. Скупые, без эмоций, строки.

«Тетя Ира родила девочку. Она умерла вечером. Тетя Ира плакала от горя. Это был ее первый ребенок!»

«Вчера съели кошку Мусю. Ели и плакали».

«Тетя Лида отоварила карточки и одна все съела. Соседи стыдили ее, что она не подумала о детях, а тетя Лида рычала и бросалась на них».

«Я украла у соседей, когда они ушли и не закрыли комнату, кусок хлебной пайки и съела. Вечером тетя Аня принесла пайку и поделилась ею со мной. Она и словом не обмолвилась, что я воровка».

Марго предчувствовала, что, когда она вернется в Ленинград, блокадный дневник не найдется. И это было ее самым большим сожалением.

Абсолютная тишина пугала. Первой пришла в себя Гера. Она с трудом скинула с себя чье-то тело, и когда увидела, чье, — дико закричала. Марго среагировала на крик мгновенно — вылезла из укрытия, и так же пронзительно закричала, увидев Колю, мальчика-скрипача.

— Он мертвый? — заикаясь, спросила Марго.

Девчонки Колю хорошо запомнили, им даже показалось, что они подружились.

Длинный худой мальчишка в заношенной солдатской шинели ходил по вагону и растирал свои тонкие пальцы, приговаривая: «Вы не имеете права замерзнуть. Вы меня кормите». Именно это «кормите» врезалось в память. Гера пожалела парня и отдала ему варежки, подаренные медсестрой Женей перед отправкой на Большую землю. Музыкант обрадовался подарку. Через минуту он вернулся к девчонкам со скрипкой. В руках подростка скрипка вела себя как живая, то засыпая, то вновь пробуждаясь. Седые волосы юного музыканта притягивали взгляд.

Он не ждал похвал. Удивился, когда Гера спокойно произнесла:

— «Сентиментальный вальс» Петра Ильича Чайковского.

— Откуда знаешь?

— Знаю, — не объясняя, ответила Гера.

Она не захотела признаться, что училась на «отлично» в музыкальной школе на улице Некрасова, и что Петр Ильич ее любимый композитор, но главное, что она не один раз видела скрипача в коридорах школы. Их пути не пересекались лишь потому, что учились они на разных отделениях.

Гера обратила внимание на скрипку, гриф которой венчало украшение в виде мужской головы.

— Какая необычная у тебя скрипка, — не удержалась Гера. — Почему у нее такой завиток?

Коля улыбнулся:

— Семейная легенда гласит, что это прабабушка, заказывая скрипку, попросила мастера украсить ее изображением головы прадедушки. Так сильно она его любила!

— Романтично! — восхитилась Гера.

Коля весь вечер не отходил от девчонок: рассказывал что-то веселое, иногда снова брался за скрипку,

вежливо спрашивая соседей, не мешает ли он им своей игрой. Когда он ушел к себе, Марго шепнула подруге: «Красивый».

Гера потрогала руками Колино лицо — холодное, белое, окаменевшее. На нее навалился липкий холодный страх. Еще несколько часов назад в вагоне кипела жизнь, звучала музыка, незнакомые люди вмиг становились родными, а теперь в каждом отсеке убитые...

Марго сорвалась с места и побежала по вагону. Через минуту она вернулась.

— Там все убитые, — прошептала она.

С минуту девчонки крепились, а потом, как по команде, обе громко заплакали. Парень застонал и зашевелился.

— Не плачьте, я этого не люблю, — через силу произнес Коля.

— Живой! — радостно крикнула Гера на весь вагон.

— Пока живой, — медленно поправил Коля.

От его слов Геру пробрала дрожь.

— Нас в вагоне трое, — с готовностью воскликнула Марго, — ты, я...

— и... твоя странная подружка, — с трудом произнес Коля.

Марго промолчала: она еще не считала Геру подругой — скорее, спутницей по несчастьям.

Мальчик-музыкант застонал. До Марго и Геры дошло, что он ранен. Гера аккуратно расстегнула старую шинель и удивилась, увидев скрипку, простреленную в двух местах. Коля бережно прижимал ее к груди.

У Геры сжалось сердце.

— Она тебе настолько дорога? — спросила она.

— Да. — Коля обреченно посмотрел в огромные испуганные глаза девочки. — Сохрани скрипку, — попросил он. — Мой дед был первой скрипкой, отец был первой скрипкой, — слова давались Коле с трудом. — Я мечтал стать также первой скрипкой в оркестре. Теперь ты должна стать первой скрипкой, — обратился парнишка к испуганной Гере. — Скрипка не должна остаться сиротой, — глаза Коли наполнились мольбой.

В изрепеченном пулями и осколками неотапливаемом вагоне гулял ветер.

— Холодно... — простонал Коля.

Девчонки быстро собрали раскиданную по вагону одежду, укрыли парня и себя.

— Скрипку надо чем-то обмотать, — забеспокоился Коля. — Если она замерзнет, то не сможет звучать так, как прежде.

— Самим бы не замерзнуть, — буркнула Марго, но поднялась, нашла еще какое-то тряпье и укутала драгоценный инструмент.

В крошечной тьме, в продуваемом, словно дуршлаг, вагоне теплились три жизни. Коля периодически отключался.

— Как же холодно, — просипела Гера.

— Не замерзли в Ленинграде, не замерзнем и здесь, — возразила Марго. — Надо ходить по вагону, — приказала она себе и, растолкав Геру, тоже заставила ее двигаться.

Немного согревшись, девчонки по очереди принялись дышать на лицо мальчика, растирать ему руки. Гера несколько раз незаметно погладила Колю по волосам.

— У меня там внутри, — с трудом произнес мальчик, — все хрипит и хлюпает. — Речь его становилась отрывистой, бессвязной. Коля на минуту-другую терял сознание, умолкал, потом снова приходил в себя и вдруг неожиданно отчетливым голосом произнес: — Девчонки, спасибо, что были рядом...

Тень черных ресниц под глазами еще больше подчеркивала восковую бледность его лица, чуть припухшие бескровные губы вздрагивали.

Гера со страхом выдавила:

— Кажется, Коля не дышит...

Марго подошла и пощупала ледяную руку мальчика.

Не плакали, только Гера крепко прижалась к Марго.

— Скрипку надо сохранить, — шепнула Гера. — Он так ее любил.

— Сохраним!

Это была вторая клятва Марго. Первая — там, в больнице, когда она сказала Гере, что всегда будет с ней.

— Какая же долгая ночь! — вырвалось у Марго. — Главное, не замерзнуть до утра, но мы не замерзнем, — уверенно заявила она.

— Мама всегда мне говорила, что я живучая, — поддержала Гера.

Потом они провалились в сон...

Наступило утро. Марго первой открыла глаза и сразу принялась тормошить Геру.

— Ты ведь живая, — скулила она, как собачонка, — жива-а-я-я...

Гера молчала. Марго, плача, принялась растирать подруге ледяные пальцы, и та тихо застонала.

— Умница, что живая! — радостно вскрикнула Марго и тут услышала голоса. Родные, русские. Сил подняться не было, но их хватило, чтобы забарабанивать кулачками по деревянной стенке вагона...

— 2 —

Всех уцелевших после немецкого налета на санитарный поезд поселили в здании школы. Со всего города собрали кровати, матрасы, подушки, одеяла.

На следующий день детей отвели в класс. За столом сидела молодая женщина с бесцветными, с проседью, волосами. Она сообщила, что скоро их отправят куда-то далеко за Урал, в детский дом, в котором они будут жить до окончания войны.

— Лучше скажите, когда нас вернут домой, — поинтересовался парнишка возле окна.

— Когда война закончится, вы обязательно вернетесь домой, — повысив голос, твердо заверила женщина.

— Когда она закончится? — спросила худенькая, маленькая, безнадежно простуженная девочка.

— Правда, когда? — послышалось еще несколько требовательных выкриков из разных концов класса.

— Этого я не могу вам сказать.

Женщина выглядела растерянной. Честный ответ на какое-то время уgomонил прибой детского шума, но это было затишье перед бурей.

— Я не хочу в детский дом, — к столу, за которым сидела женщина, вышел коренастый пацан лет четырнадцати-пятнадцати. — Хочу на фронт или в партизаны, — заявил он, проводя языком по обветренным губам. — Я сбегу по дороге, — нахально заявил подросток.

Его поддержали другие. Установился невообразимый гвалт, прерванный окриком женщины, в голосе которой зазвенела сталь.

— Сбежать?! Я разве кого-то держу, но куда бежать-то?

Дети мгновенно стихли, почувствовав недовольный рык вожака стаи. Они не ожидали, что у этой, на их взгляд, малахольной тетki, такой мощный приказной голос. Первым опомнился пацан, обещавший сбежать.

— Че раскричалась-то, кто такая? — процедил он сквозь зубы.

— Будущая твоя воспитательница, — металла в голосе женщины не убавилось. — Еще раз мне чёкнешь — пожалеешь, — пригрозила она.

Парень решил в перепалку не вступать — себе дороже. Женщина отдышалась, почувствовав, что переломила ситуацию.

— Сейчас все выходите, и потом ко мне по одному. На каждого из вас необходимо завести карточку. Будете в коридоре шуметь — вызываю милицию. Церемониться ни с кем не буду. Внятно все объяснила? — Сама бы представилась! — крикнул снова кто-то из толпы.

— Меня зовут Мария Дмитриевна Орлова.

Никелированная оправка очков придавала ее облику холодную неприступность.

— У меня кошку дома звали Марусей, — послышался неуверенный детский голос из толпы.

Класс громко засмеялся.

— И где она сейчас?

— Немцы расстреляли.

Толпа ошеломленно затихла. Мальчишка оказался в центре внимания.

— Немец хотел ее погладить, а она его поцарапала. Он схватил автомат, и по ней. — Мальчишке понадобилось время, чтобы справиться с волнением и продолжить рассказ. — Еще он расстрелял сестренку и братишку.

— Расстрелял? — переспросила женщина.

— Да, — кивнул головой мальчишка. — Они рядом с кошкой играли. Немцу это не понравилось.

Класс потрясенно молчал, опустив глаза. Девчонки роняли слезинки. Война коснулась каждого, но дети свое горе, отчаяние прятали, не тратя на посторонних. Война их этому научила. И вот незнакомый мальчишка простодушно поведал, что немец из-за того, что его поцарапала кошка, взял и расстрелял двух ни в чем не повинных ребятишек, чувствуя себя хозяином в чужой стране...

Первой пришла в себя Орлова. Она обвела взглядом собравшихся.

— Хочется плакать, но не могу. Война выжгла мои слезы, — закусив губу, произнесла она.

— Война продолжается, — тихо промолвила Марго. — Слезы нам всем еще не раз пригодятся.

Она произнесла это спокойно, как повидавшая жизнь взрослая женщина.

— Ребята, тихо выходим, — попросила Орлова. — Ждем в коридоре, а затем по одному заходим ко мне. Нужно заполнить формуляр на каждого.

Гера с Марго зашли в кабинет последними. Орлова сидела за щербатой партой, утонув в ворохе бумаг и клубах сигаретного дыма.

— Имя? — спросила она, положив перед собой чистый бланк.

— Марго.

— Еще скажи, что ты королева Марго.

— Именно так, — не уступила девчонка.

Орлова пристально посмотрела на нее.

— Обойдешься Маргаритой, — раздраженно бросила она и глубоко затынулась.

— Курение не красит женщину! — не промолчала Гера.

Глаза Орловой вспыхнули гневом.

— Переживешь мое, еще не так закуришь, — злобно бросила она окурок в консервную банку. — Фамилия?

— Полякова, — спокойно ответила Марго.

— Откуда?

— Из Ленинграда.

Лицо женщины исказилось гримасой боли.

— Господи! — вырвалось у нее горько и надрывно. Орлова поднялась, сделала два шага к девчонкам

и обняла их крепко-крепко, прижала к себе, как родных. Потом отстранилась, с трудом взяла себя в руки и вернулась за парту.

— Как, Марго, зовут твою... подружку? Смотрю, вы не разлей вода.

— Это не подружка, это моя сестра.

Орлова устало обвела взглядом сначала Геру, потом Марго, словно пытаясь отыскать хоть какое-то сходство. Ничего общего, но общая беда.

— Мы двоюродные сестры, — Гера пришла на выручку Марго.

— Понятно! — Орлова потянулась за сигаретой, но в последний момент передумала, с лукавой улыбкой посмотрела на Геру, словно оценивая ее находчивость. — Сестры — значит, сестры. Так и запишем, только знайте, — предупредила она, — со временем все перепроверят. Поэтому, девчонки, между собой будьте сестрами, а в документах не надо мудрить, может боком выйти.

Внушение было сделано мягко и доброжелательно, что девчонки даже смутились, словно их поймали на чем-то нехорошем.

— Да, — после короткой паузы первой сдалась Марго, признавая правоту Орловой.

— Вот и умницы, — Орлова выдохнула с облегчением. — Сколько полных лет?

— Двенадцать, — ответила Марго.

— И мне двенадцать, — тихо произнесла Гера.

— Родители, родственники есть?

— Нет, — ответила за двоих Марго.

Взгляд Орловой упал на скрипку в руках Геры.

— Играешь?

— Да, но это скрипка Коли.

— Кто он? Как его фамилия?

— Мы не знаем, — Гера едва сдерживала слезы.

— Завтра всех, кто погиб в санитарном поезде, похоронят в братской могиле. Личность вашего Коли установят, это я вам обещаю, — заверила Орлова.

— Спасибо! — в один голос прошептали Марго и Гера.

На следующий день после обеда детей погрузили в автобусы с разбитыми окнами.

— Потерпите, — обратилась ко всем Орлова. — Это не самое неприятное, что нас ожидает, но главное — над головами будет мирное небо, остальное мы переживем. Нужно всегда идти только вперед.

— Почему? — поинтересовался рослый парень, чуть склонив голову набок.

— Потому что позади все уже выжжено!

Навстречу автобусам шли машины, нагруженные ящиками. Детей погрузили в товарные вагоны с нарами. Поезд стоял на запасных путях и ждал сигнала к отправлению.

Ночные сумерки обняли небо, покой снизошел на землю; даже звезды, которые поначалу беспрестанно перемигивались между собой, теперь излучали ровный свет.

В полночь поезд отправился в глубокий тыл, увозя уставших, сонных детей подальше от войны.

— 3 —

В дороге всем хотелось есть, желудки скручивало до боли. Гера изо всех сил старалась не думать о еде, но голод скреб когтями внутренности.

— Как в Ленинграде, — Гера хотела что-то еще сказать, но вместо сочувствия встретила осуждающий взгляд Марго.

— Мы не в Ленинграде, — сурово буркнула подруга. — И голод наш временный, — отрезала она.

Гера поняла: Марго лучше сейчас не трогать. Голод — он озлобляет. Гера вспомнила, как к ним в комнату, тяжело шаркая опухшими ногами, пришла Полина Андреевна, проработавшая всю жизнь в библиотеке.

— Любочка, — обратилась она к матери и опустилась на колени. — Умираю, но не хочу умереть голодной, — по ее морщинистому лицу покатались слезы. — Может, у тебя есть немножко хлебушка?

Мама открыла дверцу серванта, достала завернутый аккуратно и бережливо в полотенце хлеб. Отрезала. Посмотрела на жадный взгляд пожилой соседки.

— У меня есть еще немножко супа из турнепса, — не спрашивая, сняла с подоконника кастрюлю.

Полина Андреевна дрожащими руками взяла ложку, которую ей подала мама. Женщина долго смотрела на богатство на столе, не решаясь приступить к трапезе.

Гера запомнила последние слова Полины Андреевны, сказанные после еды.

— Теперь я счастлива и готова к последнему часу. Помоги мне, девочка, дойти до моей комнаты. Теперь мне ни капли не страшно, — шептала старушка.

Когда вечером Гера забежала к ней в комнату, чтобы угостить еще кусочком хлеба, Полина Андреевна уже не дышала. Ее лицо разгладилось, и на нем застыла счастливая улыбка.

На пятнадцатый день прибыли в Читу. Ребят покормили в привокзальной столовой, потом несколько часов изнурительной тряски в жестких дощатых кузовах по ухабистым проселкам — и вот оно, неизвестное село!

— Приехали! — крикнула Дмитриевна.

Детвора горохом посыпалась из машин.

— Кому передать детей? — первым делом спросила Орлова, зайдя в сельсовет.

Семьдесят ребят остались ждать свою предводительницу у порога длинного деревянного здания.

— Никому, — хмуро ответил председатель, небритый мужик в заношенном, давно не стиранном военном кителе. — Не назначили пока директора детского дома, так что временно сами будете за старшую.

— Ладно, — не стала перечить Орлова. — Показывайте, где детдом. Дети с ног валяются, отдохнуть бы им.

— Никакого детдома нет! — отрезал председатель. — Только неделю назад предупредили, что вы к нам едете.

— Мне что, с детьми на улице перед вашим сельсоветом замерзать? — продолжала напирать Орлова.

— Не надо на меня повышать голос, — недовольно буркнул председатель. — Освободили мы для вас пару бараков да старую конюшню, как могли, подремонтировали.

— Как конюшню?! — голос Орловой крепчал с каждой фразой.

— Простите, дворец не успели построить, — председатель сельсовета развел руками.

Это окончательно вывело женщину из себя.

— Если через час детей не накормят и не разместят в теплом помещении, — Орлова грозно буравила глазами председателя, — партийный билет на стол положишь, небритая власть!

Голос Орловой прекрасно слышала ребятня, припавшая к двери сельсовета.

— Дмитриевна орел, — похвалил Вовка Миненко, ставший в дороге ее правой рукой.

— Орлица! — восторженно поправила Марго.

— Заметано, — согласился пацан.

— 4 —

Воскресенское вольготно раскинулось на правом берегу реки Хилок. В конце села располагалось подворье бывшего кулака Нефедова, после раскулачивания его хозяйство отошло к колхозу.

Несколько спешно отремонтированных деревянных бараков, просторная конюшня, превращенная в столовую.

Орлова собрала детей в холодном помещении бывшей конюшни.

— Это теперь наш дом, — коротко объявила она. — Другого не будет!

— Не дворец, — съехидничал Вовка. — Председатель не соврал.

Детвора не удержалась и покатила со смеху. Орлова также рассмеялась.

— Главное, здесь нет войны, — вырвалось у Геры.

— Ты права, — за всех ответила Орлова. — Будем обживатьсь!

Отношения между сельскими и детдомовскими не заладились сразу. Вовка Миненко с пацанами без разрешения пошел гулять в село. Вернулись парни с синяками, но довольные, только и было разговоров, что о случившейся драке. Они и не поняли, отчего на них налетела Орлова.

— Нашелся мне боевой котяра, приехал метить чужую территорию! — разорялась она.

Вовка вытер распухшую губу рукавом:

— Они же первые начали...

— Разрешения ты у меня спросил, прежде чем пойти в село? Здесь столько работы, а они пошли сельских пугать...

— Гадство, — процедил сквозь зубы притихший Миненко. — Нас будут чморить, а сдачи дать нельзя? — Вовка искал поддержки среди ребятни, но те будто воды в рот набрали.

Марго хотела вмешаться, но ее остановила Гера.

— Не лезь, мама дело говорит, — тихо и со значением произнесла она.

— Мама?! — переспросила Марго, не веря своим ушам.

— Да! Сейчас она наша мама! — Гера выдержала недоуменный взгляд подружки.

— Предупреждаю всех, — строго предупредила Орлова, — в село только с моего разрешения. В школу — только со мной, после школы ждете дежурного воспитателя. Понятно всем?!

Но мир на этом не наступил. Кто-то пустил по селу слух, будто привезли детей врагов народа и что детский дом вскоре превратят в исправительную колонию.

— Только беспризорников не хватало на наши головы! — запричитали воскресенцы.

В субботу пацаны с Вовкой снова без спроса пошли в село. Через час в маленький кабинет Орловой, в котором она и жила, вбежали взъерошенные Марго и Гера.

— На речке сейчас наших будут убивать! — завопили обе.

Растрепанная воспитательница побежала туда, куда показывали девчонки. Успела. Выбежала на середину небольшой промерзшей речушки, где уже сходились для схватки две ватаги пацанов.

— Стойте! — хрипло крикнула Орлова. Ее слова эхом разнеслись по обе стороны реки. — Что мы вам плохого сделали? — обратилась она к сельским. Ее сердце лихорадочно колотилось, руки дрожали. — Посмотрите на моих детей: голодные, худые, изможденные. Немцы на их глазах расстреливали

родителей, сестер и братишек. Они никакие не враги. У многих родители погибли на фронте. Санитарный поезд, на котором мы ехали, разбомбили. Если вы звери — убейте нас, но первой меня! — давась слезами, кричала она, от холода ее трясло. — Я этих детей привезла. Я в обиду их не дам!

Слова воспитательницы дошли до сознания сельских, собравшихся устроить приезжим кровавую баню. Поутру на подводе к детдому подъехал председатель. Нашел Орлову.

— Чем можем — поможем, — коротко заверил он.

Орлову срочно вызвали в райисполком. Сразу пригласили в кабинет председателя.

— Мария Дмитриевна, мы назначаем вас директором детского дома, — сухо и отрывисто произнес мужчина в военном френче. — Молодцом, что не допустили конфликта на речке, наслышан, — продолжил председатель райисполкома уже более дружелюбным тоном. — Костяк детского дома составят ребята, которых вы привезли с собой, но дети будут еще прибывать.

Двадцать пятого апреля сорок второго началась история Воскресенского детского дома.

Первой проблемой, с которой столкнулась Орлова в начале директорства, стал педикулез. Вши безжалостно вгрызались в детские головы, оставляя обширные болезненные коросты.

— Будем стричь всех под ноль, — обдумав ситуацию, категорично заявила Орлова. — Первой начну с себя! Я — директор! Я должна быть для них примером!

Дмитриевна встала из-за стола, подошла к зеркалу, висевшему в углу кабинета, и решительным движением сдернула с головы платок. Взяв со стола ножницы, она без колебаний отрезала прядь за прядью, бросая их на пол. Воспитательница ахнула, тетя Вера зашептала молитву. Через несколько минут на полу лежал ворох темных волос, а Орлова, с ежиком на голове, повернулась к своим подчиненным.

— Вот так, — сказала она, проведя рукой по голове. — А теперь за дело.

И никаких возражений.

Личная гигиена стала неотъемлемым правилом для всех.

Еще одной напастью стала чесотка. С ней яростно боролись. Девчонки-санитарки мазали больных детей, особенно малышей, серной мазью, которую добыл в районе для детского дома председатель сельсовета.

Осенью Орлова сумела выпросить на каких-то складах ватные одеяла защитного цвета. Их должны

были давным-давно отправить на фронт, но что-то напутали в накладных. Время и сырость оставили на ткани предательские отметины — кое-где проступила землистая плесень.

«Мы из них такие пальто всем пошьем, сельские обзавидуются», — пообещала Орлова районному начальству. Усилиями кладовщицы тети Клавы и поварихи тети Веры, ночами корпевших на стареньких швейных машинках «Зингер», где-то раздобытых Дмитриевной, ребята получили добротные, хоть и неказистые, пальто. Строчки не всегда отличались безупречной ровностью, пуговицы порою смотрели в разные стороны. Но главное — они были теплые, надежные, способные защитить от лютых морозов. Пальто берегли, латали дыры, перешивали пуговицы, передавая потом младшим.

Всех рассмешил Валька Чумов из младшей группы. Прибежал в кабинет директора и, захлебываясь слезами, пролепетал о краже одеяла. На поиски подняли весь детдом, но пропажа как сквозь землю провалилась.

— Ты его подписал? — участливо расспрашивала Орлова, стараясь сохранить серьезность.

— Ага, — Валька кивнул, полный уверенности.

— И что же ты написал на бирке?

— «Мое», — гордо выпалил Чумов.

Волна хохота прокатилась по кабинету, но маленький Валька, нахмутив брови, никак не мог понять, в чем причина всеобщего веселья.

— А что я не так написал? — слезы снова навернулись на глаза. — Оно же мое!

— Твое, твоё, — утешала Орлова, с трудом сдерживая улыбку.

Одеяло нашлось в сушилке. Ночная нянечка, тихонько вздыхая, повесила его туда после ночного конфуза: Валька еще не расстался с детской привычкой.

Летом ходили босиком.

Девчонки вечерами, после ужина, помогали тете Тоне гладить, чинить белье, пришивать пуговицы, готовиться к банному дню.

Девочки убирали помещения. За каждой был закреплен свой участок.

Персонал для детского дома Орлова набирала на месте. Несколько учительниц из сельской школы согласились подрабатывать воспитателями.

Мужским оплотом стал дядя Яша, возникший на пороге детского дома словно из-под земли. «Без мужика, — прогремел его бас, — в таком хозяйстве не сдюжить». И стал он для детского дома незаменимым: и сторожем бдительным, и столяром умелым, и печником искусным.

Директор организовала несколько мальчишеских бригад. Вовка Миненко, как один из бригадиров, от-

вечал за заготовку дров.

— Отвечаешь за тепло в доме, — предупредила Орлова строго. — Подбери парней, которые будут тебе помогать.

Вовку словно подменили, он не ожидал, что ему доверят такой ответственный участок. Каждый день единственная подвода, с трудом выпрошенная в колхозе, уезжала на промысел в лес. Ребята привозили спиленные деревья. Утром другая бригада их пилила на чурки, колола.

Сырые дрова разгорались нехотя, поэтому их смешивали с сухими. Поленьями обкладывали буржуйки.

Однажды подвода не вернулась. Орлова побежала к председателю сельсовета, захлебываясь, обо всем ему рассказала, потом принялась стучаться в каждый дом, просить о помощи. Воскресенцы откликнулись. К утру нашли подводу и заблудившихся детей, которые спали, припорошенные снегом. После этого случая сельчане добровольно, кто сколько мог, привезли дрова.

Первую зиму детский дом с трудом, но перезимовал.

Детдом жил по жесткому расписанию: подъем в половине седьмого, отбой в одиннадцать.

Кормежка скудная — война как-никак. Четыреста граммов хлеба из кукурузной затирухи — суточная пайка. Дети голодали. Многие добывали дополнительное питание на стороне.

Были и случаи воровства. Некоторые детдомовцы воровали одежду у своих же и обменивали ее у местных на продукты. Таких обзывали «крысами».

Когда со склада украли сахар и крупу, Орлова срочно всех собрала в столовой.

— Мне тяжело это говорить, но среди моих детей завелись крысы, — в голосе директора звучали гнев и боль. — Ваши родители героически погибли или сражаются на фронтах. Не позорьте своими неблагоприятными поступками их имена. Даю срок — до вечера вернуть на склад ворованное, а не вернете, — Орлова обвела всех взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, — никого не пожалею, — безжалостно предупредила она. — Закончится война, и придет мир, и будет сытно и хорошо. Надо перетерпеть! — закончила Орлова свое выступление.

Сахар и крупу, однако, не вернули.

— Мария Дмитриевна, — Вовка с несколькими пацанами и Марго зашли в кабинет директора, — мы вычислим сами «крыс». Не зовите милицию. Не надо, чтобы о нашем Доме думали плохо.

— Володя, только без мордобоя, — предупредила Орлова.

— Я знаю, как мы накажем «крыс», — вмешалась Марго. — Дайте только слово, что не помешаете

нам. Так наказали в Ленинграде мародеров, которые обворовали продуктовый магазин.

Директор задумалась.

— Хорошо, — вымолвила она наконец.

Через два дня «крысы» были вычислены. Орлова даже смогла вернуть ворованные и проданные сельчанам продукты.

— Мы хотели есть, — твердили «крысы».

— Что будем делать с этими?.. — директор не закончила, ее лицо исказилось гримасой презрения.

— Мария Дмитриевна, мы вас с этими ждем в столовой, — ответила Марго.

— Зачем?

— Для казни. Вы обещали не мешать, — напонила Марго.

Когда Орлова вместе с воришками зашла в столовую, их ждали, выстроившись вдоль стен, все воспитанники Дома. Столы, кроме одного, сдвинули в угол.

— Вы хотели есть, — Марго указала виновникам на место у стола, находившегося в центре. — Мы вас накормим, — она показала на большую кастрюлю со сваренной ячменной кашей, заправленной тушенкой.

— Ешьте! — скомандовал подошедший Вовка Мищенко.

— Я не хочу! — заартачился маленький щупленький Димка Максимович, его квадратная, коротко стриженная голова пестрела шрамами.

— Хватит тупить! — Вовка повысил голос, воришки мгновенно сникли. — Сказали вам жрать — значит, жрите! Вы же у нас самые голодные. Вот мы вас и решили накормить до отвала, чтобы навсегда пропала охота быть «крысами».

Пацанята взяли ложки и принялись за кашу. Четверть часа спустя Димка заснул.

— Я больше не могу!

— Можешь! — рявкнула Марго. — Ты еще голодный, ты еще не наелся.

— Я больше не могу!!

— Тебе же сказали, что ты еще голодный, — Вовка подвинул кастрюлю ближе к Димке. — Жри, крыса!

— Я больше не буду!

— И я не буду, — заплакал другой.

Веснушки на его лице выделялись резко, словно капли разбрызганной оранжевой краски.

Марго с Вовкой пристально посмотрели на директора, молчаливо наблюдающую за экзекуцией.

— Достаточно с них, — произнесла она, выйдя в центр столовой. — Неприятная история. Я приняла решение: вы больше не будете воспитанниками нашего Дома. Вас переведут в другой детский дом, — жестко объявила она.

— Нет! — взмолился Димка. — Не отправляйте, я не хочу уезжать из Дома. Даю вам всем слово пацана, — он с надеждой посмотрел на всех. — Я больше не буду «крысой»!

Орлова, помедлив, спросила:

— Лупушников, а ты чего молчишь?

— Потому что я такого слова дать не могу, — честно признался лопухий мальчишка.

— Почему?

— Не знаю, — Лупушников пожал тощими плечами. — У меня все сидят за воровство: батя, братья, братья. — Он почесал затылок. — Когда-то сяду и я или, как мамка говорила, буду воровать, пока не прибудут.

Искренность Лупушникова ребят и поразила, и развеселила.

— Что будем с ними делать? — обратилась к толпе детдомовцев Орлова.

— Не отправляйте их, — за всех ответил Вовка. — Я их возьму в свою бригаду, может, труд их перевоспитает.

— На том и порешили, — со вздохом согласилась директор.

Детвора любила рисовать, только вот в детском доме быстро закончились краски, а главное, не было учителя. И вдруг из района прислали пожилого мужчину, почти дедушку — Иннокентия Павловича.

— Дети хотят рисовать, но у нас ничего нет для этого. Мы живем скудно!

Иннокентий Павлович понимающе улыбнулся.

— Комфорт — не русский продукт. Мне удалось привезти с собой немного красок.

Орлова подметила: умный человек, но с хитрецей. Художник достал несколько своих работ. Дмитриевна изучала их с особым вниманием: пейзажи, пропитанные тихой грустью, натюрморт, дышащий теплом домашнего очага.

— Наверное, сейчас нужно рисовать более резкими линиями, такими, знаете, мужественными, — аккуратно предположила Орлова, возвращая рисунки художнику.

Старик опешил, уставившись на директора с нескрываемым изумлением.

— Мужественные линии? — переспросил он задумчиво, словно пробуя вкус незнакомого слова на языке. — Возможно. Но разве в тихой грусти нет своей силы? Разве тепло домашнего очага не способно согреть замерзшую душу? А история, затаенная в глазах, — разве она не достойна быть рассказанной? Мне поздно менять свой стиль. Мой мир — он другой, — тихо произнес художник, словно извиняясь за свою непохожесть. — Я не умею рисовать войну.

— Вы думаете, я мечтала стать директором детского дома и отвечать за двести десять чужих судеб? Это все война. Она приучает к такой ответственности.

Старик неодобрительно взглянул на Орлову, но промолчал.

Лупушников не удержался и залез в лабаз одного из сельчан. Хозяин, дед Матвей, заколол вилами воришку, после чего пришел к директору: «Забери шкодника».

Приехали с разборками энкаведэшники. Деда забрали. Лупушникова тихо похоронили позади детского дома. На сельском кладбище председатель не разрешил: «Там ему не место».

Орлова спорить не стала.

Вернувшись в свой кабинет, она угрюмо подошла к затянутому паутиной окну, давно не открывавшемуся. Захотелось широко распахнуть его... Попробовала, но оказалось, что раму напрочь заело.

Вечером к Марии Дмитриевне с докладом о том, что все дети спят, зашла Гера, дежурная по корпусу малышей. Директор пригласила воспитанницу к столу.

— Я все не нахожу себе места из-за Лупушникова, — поделилась наболевшим Дмитриевна. — Не уберегла парня, а должна была.

Гера досадливо поморщилась.

— Не горюйте, — рассудительно и спокойно произнесла она. — Трудно не украсть, когда голоден, трудно не обмануть, когда нечестен, если ты существуешь словно на сквозняке.

Гера остолбенела, увидев Орлову в слезах.

— Я что-то не так сказала? — испугалась девчонка.

— Нет, — Дмитриевна достала подобие платка, сняла очки, вытерла слезы. — Ты все правильно сказала. Мы и в самом деле сейчас как на сквозняке. Удивительно, как ты это прочувствовала в свои двенадцать лет.

— Время такое...

— Какое? — поинтересовалась Орлова.

— В нашем подъезде на втором этаже жила одна неприятная пожилая женщина. Высокая, сухоощавая, напоминающая кузнечика. Весь дом от нее страдал, катком могла проехать по любому. Она умерла от голода. Когда вошли в ее комнату — она была пуста. Женщина все распродала, а говорили, что она из богатых. Потом признали, что большую часть своего пайка она относил в детский дом. Говорила моей маме, что те дети, как маленькие деревья без корней, поэтому они нуждаются в том, чтобы их поливали и заботились о них. Чем больше зверели немцы, обстреливая нас, закидывая Ленинград бомбами, фугасами, стараясь залить его слезами и кро-

вью, тем человечнее делались люди, — голос Геры под конец звенел от гнева.

— Время сильных, — со значением произнесла Орлова.

— 5 —

Орлова безмерно удивилась, когда увидела у себя в кабинете богомолку Ефросинью. Она была о ней наслышана.

Дмитриевна даже привстала, испытывая неловкость перед старухой.

— Не надо, девонька, — Ефросинья, одетая во все черное, подошла ближе к столу. Орлову изумил ее непроницаемый совиный взгляд. — Деток малых, вижу, у тебя на подворье много, это хорошо. Скоро праздник, и хоть ты и безбожница, но это ничего не значит, — у Орловой от услышанного очки медленно сползли по переносице, однако Ефросинья, не обращая внимания, продолжала, чувствуя себя в кабинете не гостьей, а хозяйкой. — Гостинцы женщины приготовили детишкам. Собрали: кто яичек, кто хлебушком поделился, кто молочком. Пришли-ка толкового парня ко мне в избу, чтобы унес.

Орлова с облегчением выдохнула, она почему-то боялась, что старуха начнет какую-нибудь проповедь. Она поблагодарила Ефросинью и пообещала прислать кого-нибудь из парней.

— Может, помощь какая нужна? — поинтересовалась Дмитриевна.

— Не надобно, — категорично заявила старушка. — Богородица защищает и заступится.

— Понятно, — коротко ответила директор.

Гера ночью то и дело просыпалась. Из оконных щелей сифонило, тонкое старое одеяльце не спасало. Девочка свернулась на панцирной железной кровати в калачик, подоткнула под себя куцее одеяло, обняла руками острые коленки.

Вспомнила, как в Ленинграде она с младшим братишкой собирала дрова для домашней печки-буржуйки.

— Вы с Максимкой спасаете семью от холода, — поучала мама. — Моя задача — чтобы вы не умерли от голода. Катя отоваривает карточки. Только так мы выживем.

Как-то под Новый год совсем недалеко от дома Гера с Максимом обнаружили срубленную голубую ель, рядом лежал замерзший подросток. Где-то же он нашел такую пушистую красавицу... Наверное, мечтал устроить своей семье настоящий новогодний праздник, но не успел. Замерз... или умер от голода... или просто остановилось сердце.

Гера с братом притащили ель в дом. Мать обрадо-

валась: «Будет на Новый год полезный витаминный хвойный отвар! Как же он сейчас всем нужен, чтобы не заболеть цингой! Еще кормилец, рыжий кот Васяка притащил в зубах снегиря. И суп у нас будет наваристый!» — радовалась мать.

Через день елка ушла в печку, но Гера сохранила несколько голубоватых веточек, вдыхая их новогодний запах. В доме хранился пустой флакон духов «Красная Москва». Отец рассказывал, как запустил часы одной странной особе:

— Принесла карманные часы. Дорогие, дореволюционные, знаменитой фирмы «Павел Буре». Вот это был механизм! Недели две я с ними возился, но сделал. Заплатила и спросила: «У вас есть жена, дети?» — «Да, есть. Жена, две дочери и сын». И тогда она достала из сумки красивый флакон. Это, дескать, вашим дамам от меня на память. Так и сказала, — повторил отец. — Вашим дамам...

Флакончик давно опустел, аромат выветрился, но Гера перед сном всегда открывала маленький замшевый мешочек, доставала из него стеклянный бутылек, открывала и жадно вдыхала. Ей казалось, что аромат никуда не испарился, просто затаился. Она со всей силы жадно втягивала воздух, и ей казалось, что перед ней проносится Москва, ее Москва, шумная, довоенная, с легким цветочным запахом, который везде: на площадях и бульварах, на широких улицах и в узких переулках. Везде, где смеются люди, везде, где есть жизнь.

Пустой фигурный флакон «Красной Москвы» с крышечкой-луковкой, так похожей на купола собора Василия Блаженного, был для Геры самой большой драгоценностью.

— Гера, я к тебе залезу, — попросилась Марго, — вместе теплее будет, укуремся двумя одеялами.

— Давай.

Марго схватила свое одеяло, словно кошка, перескочила на кровать к подруге и аккуратно постелила одно поверх другого, веря, что теперь-то тепла прибавится. Они легли друг к дружке лицом, чтобы можно было разговаривать.

— У тебя руки-ледышки, — Марго взяла ладони подруги и принялась на них дышать, чтобы хоть немного согреть.

В дальнем углу большой комнаты во сне громко закричала девочка, соседки ее разбудили: «Ленка, кончай орать!» — и снова воцарилась тягучая тишина, прерываемая чьим-то громким сопением.

— Я с детства мерзлячка и жуткая трусиха, — призналась Гера. — Страшно, особенно когда начинались ночные бомбежки.

— Не дрожи, — мягко, с материнской заботой произнесла Марго. — Сейчас нет бомбежек. Мы далеко от войны, фашисты сюда никогда не дойдут, — по-

сле некоторого молчания продолжила: — Мы жили недалеко от Сытного рынка. Немцы его специально бомбили каждое воскресенье. Люди даже знали, в какое время прилетят стервятники. Это никогда не выветрится из памяти.

Подружки немного согрелись.

— Нас спасали резиновые галоши. Мы с братом собирали их по пустым квартирам, их везде было много. Они плавилась в буржуйке, образуя на дне толстый слой резины, — Гера замолчала, вспоминая пережитое. Так и было. Сбирать по квартирам книги, выдалбливать деревянный паркет, приносить остатки чьей-то мебели было неэкономно. Все это быстро прогорало, и в комнате опять становилось холодно. Маме кто-то на хлебозаводе посоветовал топить галошами. Попробовали. Первое время буржуйка сильно чадила. Мать принесла с завода глину, обмазала ею буржуйку и трубу — дыма стало значительно меньше, а потом к нему совсем привыкли, не чувствовали. — Резина медленно горела, — продолжила Гера, — долго отдавала тепло.

— Мы мерзли, — Марго прижала к себе Геру. — Все, что могло гореть, сожгли. Жалко было книги.

В январе сорок второго года морозы в Ленинграде доходили до минус тридцати пяти, спали холода в феврале — до минус двадцати. Город жил без электричества, на многих проспектах застыли троллейбусы.

— В нашем доме тоже все книги ушли в печку. Если бы не галоши, — Гера печально вздохнула, — замерзли бы.

Какое-то время девочки молчали.

— Так часто хочется плакать, — вырвалось жалобно у Геры.

Марго, чтобы утешить подругу, крепко сжала ее руку.

— Нельзя! — твердо произнесла она. — Плакать будешь, когда война закончится.

Решительный тон подруги немного успокоил Геру.

— Папа говорил, что память человека изгоняет со временем все плохое, чтобы освободить место для хорошего. — Гера улыбнулась, будто вспомнила что-то приятное. — Зимой я обожала, когда папа отвозил меня на санках в садик, — делилась довоенной радостью Гера. — Папа торопился, бежал, и часто бывало, что я вываливалась из санок. Он не сразу замечал это. А я любила лежать на снегу и смотреть на красивое звездное, предутреннее небо. Оно такое было прекрасное...

Марго слушала внимательно и неожиданно резко скинула одеяла. В серой длинной майке и синих сатиновых мальчишеских трусах подошла к окну.

— Вставай! — решительно скомандовала она. — Одевайся и идем...

Через десять минут девчонки вышли во двор. Небо прояснилось, стало светло-опаловым, ударил легкий морозец. Ночью крупные хлопья снега в хороводе падали на землю.

Подружки завернули за угол корпуса и сразу же вошли в лес. За ними увязался детдомовский пес Гром, от удовольствия мотая хвостом всякий раз, когда Гера касалась рукой его черного загривка. Пришли к речке. Девчонки присели на сколоченную кем-то деревянную скамейку.

— Посмотри, какие звезды, — Марго указала пальцем на небо.

Гера завороченно смотрела на небо и не могла поверить, что оно может быть таким красивым, таким мирным...

— Знаешь, Марго, мне ночами снится Ленинград, — призналась Гера.

— И мне. Порой такое чувство, что живу с раной в сердце, — Марго вздохнула. — Нас эвакуировали, а сколько еще там осталось людей, детей... С этим трудно жить.

— Трудно, — согласилась Гера, — но нужно.

Неожиданно ее лицо окрасилось улыбкой.

— Ты чего? — напряглась Марго.

— Вспомнила... Однажды утром была абсолютная тишина, и в ней неожиданно: «Ку-ка-ре-ку-у!». Откуда в городе взялся петух, никто не мог объяснить, но его «кукареку» всех порадовало.

— Значит, жизнь продолжается...

Подруги обнялись. Ночь и луна — они роднят. Гера увидела слезы на бледном лице Марго. Когда двое впервые вместе плачут, они понимают, насколько близки.

Раз в неделю, по пятницам, по заданию Марии Дмитриевны один из детдомовцев, Илья Лобов, навещался к старухе Ефросинье, обитающей неподалеку от сгоревшей церкви на краю деревни. Илья приходил за корзиной с продуктами, которые собирала для детского дома старуха. У Ефросиньи часто собирались богомолки, каждая что-то с собой приносила. Они помогали детскому дому, потому что Ефросинья сказала: «Надо!»

Когда Илья в первый раз появился у старухи, он представился:

— Меня зовут Илья Лобов. Директор детского дома к вам прислала.

Ефросинья с интересом, пристально разглядывала парня.

— Откуда родом? — спросила.

— Из Ленинграда, — не без гордости ответил

Илья. — Меня успели эвакуировать, — в голосе парня сквозила печаль, это тронуло суровую старуху.

Лицо ее разгладилось, приобрело величавость.

— Богохульный город, — незлобиво буркнула Ефросинья.

— Ленинград очень красивый, — Илья сделал вид, будто не слышал того, что она сказала о городе. — И люди там красивые.

Слова парня озадачили Ефросинью.

— Чем же они красивые?

— Духом, — с уверенностью ответил Илья, чем еще больше изумил старуху.

Она попросила его подойти к ней поближе.

— Не бойся, — предупредила она, когда ее пальцы принялись ощупывать лицо Ильи.

— Вы слепая, — предположил парень.

Ефросинья не ответила. Они долго молчали, и в этом безмолвии им двоим было странно уютно.

Удивительно, но Илье не хотелось уходить из дома старухи. Старший сын Ефросиньи Поликарп сгинул в гражданскую. Совсем молодой был, даже не успел жениться. За Васей пришли в тридцать восьмом. Забрали. Что с ним, где он — мать не знала. Ездил в район, обивала пороги — отовсюду гнали, а в том доме, из которого приезжали комиссары, смеялись над пожилой женщиной. Упитанный майор грозился Ефросинью отправить к сыну в Магадан. Его челюсти ходили вверх-вниз, как будто он что-то постоянно жевал. Назад в деревню старуха вернулась пешком. За три дня управилась. Война забрала последнего — Мишутку. Похоронка пришла как раз на большевистский праздник. Пришагал председатель, сел на лавку и молчал, понутив голову. Ничего не сказал, но Ефросинья все поняла без слов.

— Ступай к себе, — прошептала она председателю.

Тот поднялся и ушел, оставив похоронку на лавке.

— Ленинградцы — они герои! — с юношеским запалом воскликнул Илья.

Ефросинья мрачно посмотрела на парня.

— Мученики они, — глухо ответила она. — Мученики.

Илья не совсем понимал значение слова, поэтому уточнил:

— И я, что ли, тоже мученик? — неожиданно спросил он.

Ефросинья покачала головой.

— Придет время, сам поймешь, — старуха поднялась, подошла к образам, перекрестилась. — Теперь иди, — приказала она. — Умаялась я...

Постепенно жизнь в Доме наладилась: ребята учились, выступали с концертами в сельском клубе, ле-

том трудились на своем огороде и помогали колхозу, собирали в лесу ягоды и грибы.

Случались и чудеса. Наде Колесниковой выпало редкое везение. Ее тяжелораненый отец после госпиталя был комиссован вчистую, каким-то чудом узнал, где находится дочь, и приехал за ней. Детдом провожал счастливицу с завистью и слезами. Каждый мечтал о подобном чуде, в тот вечер ребята долго не спали — грезили наяву...

Как-то директор остановила Илью.

— Что ты так часто делаешь у художника? — строго спросила она.

— Я у него рисую.

— Ты умеешь рисовать? — Дмитриевна озадачена уставилась на Илью.

— В Ленинграде я учился в художественной школе.

— И ты ни разу мне об этом не сказал? — еще больше удивилась женщина.

— Вы никогда не спрашивали, — вежливо ответил Илья.

Орлова сделала вид, что не услышала упрек воспитанника.

— Почему рисуешь не в той комнате, которую я выделила всем под мастерскую?

— Это очень личная картина, — Илья замялся.

— Что на этой картине? — любопытство распирало директора.

— Я рисую боль блокадного Ленинграда, — ответил Илья.

Мария Дмитриевна остолбенела.

— Разве это можно изобразить? — спросила она осторожно.

— Я стараюсь, — тихо ответил Илья.

— Тогда я не мешаю вам.

— 6 —

Беда случилась, когда никто не ждал, — в ночь на двадцать третье февраля чуть не угорели малыши пятого корпуса. Тревожно залаяли две собаки, которые находились внутри деревянного здания, словно звали на помощь. Сторож дядя Яша заторопился к корпусу. Открыв входную дверь, учуяв запах угара, он бросился к пожарному колоколу. Всех детей спасли, успели совместными усилиями.

Угоревшие ребята на чистом морозном воздухе начали быстро приходить в себя и к утру, к всеобщей радости, полностью оклемались от ночного ужаса.

Виновника ЧП искать не пришлось. К директору пришел каяться Славка Заварзин, светловолосый угрюмоватый парень, который в ту ночь дежурил истопником у малышей. Не дождавшись, чтобы го-

ловешки полностью прогорели, он закрыл печные вьюшки и улегся спать.

— Что будем делать со Славкой? — обратилась Орлова к собравшемуся в ее кабинете детскому совету.

Заварзина в детском доме уважали, считали надежным товарищем, ответственным и работающим. Он никогда не отлынивал от работы.

— Может, пусть он сам себе выберет наказание? — неожиданно предложила Гера. Под глазами у нее были тени. А на лбу — морщинка.

Славка вжал голову в плечи, стоял перед детсоветом ни жив ни мертв. И все увидели, как по его чумазым щекам потекли слезы.

Орлова горестно вздохнула. Она все поняла. Заварзин несколько ночей подряд дежурил, а утром школы, после обеда много другой работы по детдому... Парень вымотался, потому и уснул. Дети не железные.

— Слава, твоя задача — вместе с дядей Яшей и пацанами в недельный срок очистить корпус от копоти и гари и привести его в божеское состояние, чтобы детвора смогла снова в нем жить.

— Сделаю! — твердо пообещал Славка.

Орлова знала: парень не подведет. Запрокинув голову, она по-матерински посмотрела на изможденное, осунувшееся лицо воспитанника.

— Но сначала — выпипись. Сегодня я освобождаю тебя от дежурства.

Орлова сделала все группы разновозрастными. «Малышам и тем, кому по пять-десять лет, нужны старшие братья и сестры, — объяснила она свое решение. — Многие из вас потеряли родных братьев и сестер, — она перевела дыхание. — В этом виновата война, но вы можете стать настоящими братьями и сестрами для младших».

Со временем фактически все в детском доме считали друг друга братьями и сестрами. Малыши с привычной радостью говорили: «Я сейчас Васю позову, старшего брата» или «Спрошу у сестры, она старшая, она все знает». Особенно это чувство братского единения ощущалось, когда детдомовцы стиликовались с сельскими ребятами. Драк не было, но периодически инциденты случались, и тогда какой-нибудь Кирюшка грозился старшим братом.

Вовка Миненко, когда Орлова посоветовал ему взять под опеку одного ребенка, ответил:

— Все мы здесь братья и сестры, связанные странными узами.

— Быть кому-то братом, — Орлова посмотрела на Миненко, — это звание еще надо заслужить.

— И как его заслужить?

— Преданностью, — коротко ответила Орлова. — Она больше важна сегодня, чем в мирное время.

Драки между воспитанниками происходили редко. Славка стал свидетелем того, как слабый Вадька Кондратьев чуть не ударил по лицу явно более сильного Илью Лобова. Заварзин предотвратил стычку.

— Кондратьев, — Славка посмотрел на Вадьку исподлобья. — Он же тебя прибьет, как молоток гвоздь, — на лице Заварзина появилась насмешливая улыбка, но через мгновение оно стало серьезным. — Ты забыл наше правило, — сурово предупредил Славка. — Мы никогда не деремся!

— Я просто...

Заварзин остановил оправдания:

— Объясняться будешь на детсовете.

Вадька не стал усугублять конфликт. Ушел. На дворе смеркалось. Славка с Ильей направились к своему корпусу.

— Ты что, трус? — с раздражением спросил Заварзин.

— Нет, — мотнул головой Илья.

Славка остановился и посмотрел Лобову в лицо, но в темноте были видны только его смутные очертания.

— Так почему не наkostenyl Вадьке? — попытался Заварзин.

— Я не могу ударить человека! — смущаясь, признался Илья.

Славка от ответа опешил.

— А если надо?

— Все равно не смогу.

— А если это будет немец?

Теперь задумался Илья.

— Его — смогу, — уверенно произнес он. — Он враг! — с ненавистью ответил Илья.

Самое яркое событие в жизни ребят, вывезенных из блокадного Ленинграда, случилось девятнадцатого января тысяча девятьсот сорок третьего года. Было время обеда. В столовую вбежала Марго. Глаза ее неистово сверкали. Она встала в центре зала, высокая, худенькая и, переведя дыхание, громко и торжественно объявила:

— Наши прорвали блокаду. Блокада Ленинграда прорвана, — она не удержалась от слез. — Я знала, что этот день наступит!

«Мы не только остановили, но и разорвали на части кровавую гидру фашизма», — радостно писала местная газета «Путь Ильича».

Директор распорядилась: поварам испечь пироги с повидлом на ужин. Воспитанники читали стихи Ольги Берггольц. Всем запомнилось звонкое аканье Витьки Макарова: он произносил «о» как «а». Звучало его чтение забавно. Последней выступила Мария Дмитриевна со стихами собственного сочинения.

Седина на голове сорокалетней женщины выглядела уже снежно-белой.

Гера очень удивилась, когда увидела Славку Заварзина вяжущим носки. Здоровый парень и спицы — эти явления никак не собирались воедино, но будоражили девичье любопытство.

— Себе вяжешь? — как бы мимоходом поинтересовалась Гера.

— Отцу, — не отрываясь от дела, с гордостью ответил Славка. Чуть помедлив, добавил: — И его фронтовым друзьям.

Гера посмотрела на сосредоточенное лицо Славки: грубая лепка скул, носа, надбровий, короткий ежик волос на голове. Ничего привлекательного, но Гера нечаянно поймала себя на том, что ей нравится наблюдать за тем, как Славка лихо набирал петли деревянными спицами.

— Кто научил?

— Тетя Тася ночная научила, — ответил парень.

Голос не подходил к его грубой внешности, был глуховат и мягок. Чувствовалось, что парень доволен собой, своим умением, и главное, — тем, что скоро сможет отправить отцу и его товарищам собственноручно связанные носки.

Еще одно удивительное событие случилось месяц назад, когда отец Славки прислал сыну в детский дом письмо с фронта. Заварзин долго не открывал треугольник, словно чего-то боялся, потом пришел в кабинет к Марии Дмитриевне вечером и попросил ее прочитать письмо. Отец писал, что получил ранение, находится в госпитале, скоро его выпишут, и он снова будет бить фрицев.

Счастливому воспитаннику было невдомек, что это Орлова попросила знакомого майора разыскать отца Славки.

Письмо Заварзин оставил на хранение у директора, а ночью, когда дежурил у малышей истопником, спросил у ночной воспитательницы тети Таси:

— Что такого полезного можно отправить отцу на фронт?

— Скоро зима, теплые носки и рукавицы бы не помешали, — охотно ответила женщина. — Я своему сыну недавно отправила.

— Я не умею вязать, — Славка сокрушенно покачал головой.

— Тю, — рассмеялась тетя Тася, с озорством взглянув на парня. — Я тебя мигом научу, было бы желание.

Желание было, еще какое, — научила быстро.

Гера зачарованно смотрела, как Славка умело справлялся со спицами, и тут ее осенило. Ничего не сказав парню, она побежала в кабинет директора.

Там как раз находились Марго и Ленка Пантелеймонова.

— Мария Дмитриевна! — закричала с порога возбужденная Гера. — Я знаю, как мы можем помочь фронту!

— Как?

Гера поймала на себе испытующий взгляд не только директора, но и подруги.

— Мы можем вязать носки и варежки солдатам! Зима ведь! Зима, холодно.

С минуту Орлова обдумывала информацию. В ее взгляде читалось, что идея ей понравилась.

— Очень толковое предложение, — похвалила она Геру. — У нас сорок девчонок, — тут же начала вслух прикидывать Орлова. — Если только по одной паре — это уже сорок пар носков и рукавиц. А если по пять...

— Чего по пять, давайте по десять, — оживилась Гера. — Это четыреста пар. Еще мальчишек можно привлечь...

— От них толку не будет, — категорично отмахнулась Орлова.

— Зря вы так! — разгорячилась Гера. — Славка Заварзин научился у тети Таси и вяжет носки отцу и его фронтовым друзьям.

— Что ты говоришь? — директор искренне удивилась. — Молодец!

— Твое мнение, председатель детсовета? — Орлова обратилась к Марго.

— Поддерживаю, — коротко ответила та.

Любовь — она как цветы: распускается весной, опьяняя и одурманивая всех вокруг своим запахом.

Гера в последнее время испытывала особенное, радостное и вместе с тем тревожное предчувствие еще неизвестного счастья, когда смотришь на все окружающее влюбленными глазами и ощущаешь юность как неудержимый высокий полет.

В период весеннего паводка по реке начался молевой сплав бревен. Председатель колхоза сам предложил Орловой решить проблему заготовки дров на зиму.

— Дмитриевна, отправь несколько парней с баграми на лодках, пусть загоняют бревна к берегу.

— А можно? — поинтересовалась Орлова опасливо. Председатель намеков на воровство понял, лишь усмехнулся.

— Все этим занимаются, — развел он руками.

Через несколько дней Вовка с пацанами приступила к операции «Бревно», как они, смеясь, называли затеянное. Работали три бригады: две на берегу,

они вытаскивали бревна на сушу, третья во главе с Вовкой на двух лодках цепляла плывущие бревна самодельными баграми и подталкивала к берегу.

Вовка управлялся на одной лодке, дядя Яша на другой. Дело спорилось.

— Еще несколько дней — и будя, — веско сказал дядя Яша.

Вечер выдался слякотный, но теплый. Рваные облака низко тянулись над рекой. Дмитриевна позвала Марго с Герой к себе в кабинет.

— Не хотите мальчишкам отнести ужин на реку? — предложила Орлова и доброжелательно улыбнулась.

До нее давно дошли слухи, что у Вовки с Марго все серьезно. Он и сам в этом честно признался Дмитриевне.

— Она мне нравится.

— Зачем ты мне об этом говоришь? — удивилась Орлова.

— Не хочу, чтобы о нас сплетничали.

От дневного света у Дмитриевны серебрился клоч седых волос над высоким лбом.

Дмитриевна ничего не сказала, промолчала. Исподволь тревога окутала сердце.

— Так сходите? — спросила Орлова у девчонок.

— Конечно, с радостью! — ответила Марго.

Парни, что трудились на берегу, обрадовались девчонкам, принесшим еду.

— Надо Вовке с ребятами, которые в лодке, доставить ужин, — решительно произнесла Марго и посмотрела на Геру. — Ты со мной или подождешь тут? — С тобой.

Девчонки взяли солдатский котелок с перловой кашей и направились к мосткам, где была привязана лодка с веслами.

— Марго! — крикнули парни с берега. — Там сильное течение.

— Справимся.

Гера заскочила в лодку, села на заднюю скамейку. Марго веслом оттолкнулась от мостков. Гера смотрела на уверенные движения подруги зачарованно.

— Где ты так научилась?

— С Вовкой по вечерам катаемся отсюда к пристани, — Марго счастливо улыбнулась.

Гера промолчала.

Когда до Вовкиной лодки было рукой подать, Марго встала и крикнула:

— Парни, мы к вам с ужином!

В этот момент большое бревно с силой стукнуло о борт. Марго, потеряв равновесие, упала в воду, сильное течение стало уносить ее вниз по реке.

— Вова! — крикнула Гера. — Марго в воде!

И, ни минуты не задумываясь, сбросив обувь и старую шерстяную кофту, прыгнула в реку.

— Девчонки! — заорал Вовка. — Хватайтесь за любое бревно!

После чего рявкнул, обращаясь к Федьке и Максиму:

— Держитесь за бревна и ждите! Я за девчонками, потом к вам.

Те понимали, что на двухтактном моторчике «Октябренок» лодка с тремя пацанами большой скорости не наберет. Парни прыгнули в воду, подплыли к бревнам и повисли на них. Вовка поспешил за девчонками.

Через полчаса спасательная операция закончилась, все сидели вокруг костра, обсыхали. Мальчишки ели, девчонки с благодарностью смотрели на спасателя.

— Гера — настоящая подруга, — похвалил Вовка.

Будто нехотя выползла полная луна. Федька сбегал и предупредил Дмитриевну, чтобы не волновалась, что с бригадой все «чин чинарем» и, как сложат бревна, придут домой. О том, что случилось на реке, ни словом не обмолвился, потому что Марго сразу всем заявила: «Маме — ни слова, ей нервы трепки и так хватает». Все ее поддержали.

Мальчишки отправились вытаскивать бревна, подплывшие к берегу. Гера прислонилась к стволу большого дерева и смотрела сквозь темную листву на звезды, мерцающие в глубине спокойного неба.

Подошла Марго, присела рядом. Молчала, а потом сжала руки Геры и прочувственно произнесла:

— Спасибо, сестренка.

Война превратила детей в бесприютников. Воскресенский детский дом стал спасением и, как многие считали, временным пристанищем для многих эвакуированных.

Лучшим лекарством для детской души являлись воспоминания.

— Войну ведь ждали, — сделала неожиданное открытие Гера. — Каждую ведь весну Ленинград настаивался и все чего-то ждали. Помню, отец сказал, когда объявили о войне: «Сейчас у народа появится острая потребность в действии». Мама тихо всхлипывала. Она уже понимала, что папа запишется в добровольцы.

Марго внимательно слушала, сдвинув брови к переносице. Гера давно заметила, что подруга умела как-то по-особенному молчать: красиво и выразительно.

— Я всю жизнь мечтала, чтобы у меня была сестра, но мама твердила другое: «Достаточно тебя одной», — Марго перевела дыхание. — Я боялась, что всю жизнь буду одной.

Гера положила руку на плечо Марго, наклонилась к уху и шепнула:

— Теперь ты не одна. — Гера задумалась. — Папа всегда хотел, чтобы наша семья была большой. Ему так нравилось, когда мы все садились вечером за стол ужинать. Мама говорила нам, что папа — это человек с большой буквы, так его любила. Мы спрашивала: «Мама, а ты с какой буквы?» Она смеялась и говорила: «С маленькой». Мы никогда не расспрашивали, почему она себя считает с маленькой буквы, а не с большой. Для нас все было понятным: Папа — это Папа. Он большой. Мама — она, конечно, не маленькая, но Папа все же больше. Мама рассказывала, что влюбилась в папу так, что готова была бежать за ним босиком по снегу, — только позови. Он позвал. Папа говорил нам, что любовь расчеловечивает людей.

Марго хотела улыбнуться, но улыбка не вышла.

— Завидую таким отношениям.

Гера пристально глянула подруге в лицо, промолвила тихо:

— Мне иногда кажется, что кто-то собирает все наши слезы в большой кувшин, чтобы потом ими полить землю.

— Ничего там не вырастет, потому что слезы — это соль, — категорично заявила Марго.

— И не надо, чтобы что-то выросло, — запротестовала Гера. — Надо просто опорожнить этот кувшин.

— Чтобы в него набирались новые слезы?

— Нет, — Гера серьезно посмотрела на подругу. — Его после этого надо навечно закупорить.

— Найдутся другие кувшины, всех не закупоришь.

— Я бы из слез делала звезды, — продолжила Гера, — чтобы они всем ярко светили, когда исчезает причина печали, звезда падала, а люди на земле в ответ загадывали счастливое желание.

— Сказки тебе рассказывать, — рассмеялась Марго и обняла подругу.

— Я их и рассказываю малышам.

— Колю часто вспоминаешь? — неожиданно спросила Марго.

— Он даже снится мне.

Подруги замолчали. Каждая из них возвращалась к своим воспоминаниям, каждая из них в блокадном Ленинграде и в том разбомбленном поезде оставила нечто такое, что навсегда застряло в их памяти.

— Коля хорошенький был, — с грустью произнесла Марго.

Гера ничего не ответила, но по ее щекам потекли слезы. Это были слезы, от которых становится легко и ясно на душе, которые смывают всю душевную грязь: радостно после них дышать и жить.

Илья Лобов с высоко вскинутой головой и прищуренными глазами долго стоял возле кабинета

директора, не решаясь зайти. Среди воспитанников детского дома он был самым старшим, ему уже исполнилось семнадцать лет. Высокий, рослый, статный. Парень не отказывался ни от какой работы, но все отмечали его угрюмость, нелюдимость. Неудивительно, что он сошелся только со Славкой Заварзиным, таким же молчуном.

Илья никому не рассказывал о том, как отца арестовали из-за того, что тот с делегацией завода не почтил память С. М. Кирова, не явился на его похороны. Отец болел, кашель его усиливался. Он боялся заболеть сильнее, потому что являлся единственным кормильцем семьи. Опрометчивое решение и поведение! Кто-то написал донос. Через три дня за больным отцом приехали и забрали из дома.

Не рассказывал о той бедности, в какой они оказались потом, как тяжело сводили концы с концами. Не рассказывал о том, что младший брат ходил в школу во вторую смену в его ботинках. В носки ботинок запихивали скомканные газеты.

Илья рано понял, что молчание — лучший способ уберечь себя и свою семью.

Лобова пристроили в поезд, когда тот стоял в Котласе. В городе Илья с котелком побежал за водой, а когда прибежал — его поезд уехал. Его пожалел начальник вокзала, временно приютил. Перед самым отправлением Орловского поезда к ней подошел начальник вокзала.

— Забери парня с собой, — попросил он. — Намалялся парень жутко. Остался он в войну с матерью и еще двумя малолетними братьями. Младший у них умер от голода. Мать его куда только ни обращалась за помощью, везде отказывали. Не выдержала бедолага, наложила на себя руки.

— Ужас! — вырвалось у Марии Дмитриевны. — А брат-то его где?

— Когда их грузили на баржу, одно место оставалось. Пацан и погрузил младшего. Сказал, чтобы тот его ждал, что приплывет следующей баржей. Приплыл через два дня, только ту баржу с братом немцы утопили. Вот такие дела.

— Где он сейчас? — решительно спросила Дмитриевна.

— В депо с мужиками.

— Быстро приводи его в мой вагон — возьму парня.

Так Илья Лобов оказался в Воскресенском детском доме.

Лобов неуверенно зашел в кабинет директора.

— Илюша, что случилось? — по-матерински спросила она, и это подействовало на парня ободряюще.

— На фронт хочу, — грубовато произнес Лобов. — За братьев хочу отомстить, за мамку. Попросите военкомат, дайте справку, что мне уже восемнадцать. Вас послушают. Вы авторитетная.

— Подделка документов — это уголовная статья, — сухо возразила Орлова. — Подожди год.

— Не могу! — отчаянно ответил Илья. Он нахмурился, облизнув пересохшие губы. — Вдруг война закончится... Как мне тогда жить?

Директор молчала, обдумывая, как доступно донести до воспитанника мысль, что он нужен детскому дому.

— На войну невозможно опоздать, — с горечью ответила Орлова. — Она сама пришла в наши дома. А как жить? Живи по правде, как живут все советские люди. Думаешь, только ты один хочешь отомстить фашистам? Думаешь, только тебя одного война коснулась? Возьми личное дело каждого — и поймешь, что ты не прав.

— Я хочу на фронт, — угрюмо стоял на своем Илья.

Он никому не рассказывал, что мама не просто так наложила на себя руки. Она была уверена, что старший Илья будет младшему почти за отца: не бросит, не пожалеет ничего. Она так и написала в предсмертной записке: «Не осуждай, главное, чтобы выжили вы». В детский дом Илью и Мишу определили, потом всех стали эвакуировать. Но Мишка погиб со всеми остальными детьми в той барже. Илья остался один.

В мирное время Илья часто заходил в гости к соседу — пожилому врачу Марку Соломоновичу.

— Как вам удастся спасти человека во время операции? — спросил как-то Илья.

Седовласый старик улыбнулся.

— Как врач, конечно, я сделаю все возможное, чтобы не дать больному умереть, но все зависит еще от того насколько в нем развита анатомия силы.

— Анатомия чего? — не понял Илья.

— Анатомия силы, — доброжелательно объяснил сосед. — Она есть у каждого: у кого-то больше, у кого-то меньше, но есть. Ее надо в себе развивать.

До Ильи дошло, что анатомия силы — это человеческая жажда жизни. Марк Соломонович тихо умирал у себя в комнатке, рядом с ним находился Илья.

— Не умирайте, — глотая слезы, просил ребенок у старика. — Как же ваша анатомия силы? Не сдавайтесь, — умолял он.

Врач слабой рукой дотянулся до руки Ильи, из последних сил ее пожал.

— Ты обязательно станешь хорошим врачом, — он еще раз пожал руку Илье. — Это и будет твоей анатомией силы.

— Я не хочу, чтобы вы умирали! — закричал Илья.

Старик с сожалением посмотрел на мальчика, ему хотелось его погладить, но он понимал, что на это ему уже не хватит сил.

— Все умершие здесь — это анатомия сильных людей.

Когда на ленинградском пирсе Илья узнал, что

братишка погиб, он расплакался от отчаяния, от того, что остался один на белом свете, что рядом нет ни одного близкого человека. Ему казалось, что его анатомия силы иссякла.

В детском доме он ожил.

— Я хочу пойти на фронт, — настойчиво повторил свою просьбу воспитанник.

Его упорство заставило Орлову сменить тактику и перейти от увещаний к наступлению.

— Если все пойдут на фронт: ты, Миненко, Урюпин, Захаров, Пашин, Кулешов, Заварзин, с кем я останусь? Вы же здесь моя опора и сила! Кто дрова будет заготавливать, печки топить? Что ли, сам не видишь, сколько взрослой работы в доме?! Кто это будет все делать? Девчонок или малышей в лес пошлем? — уголки губ Орловой поползли вниз.

Растерянный Илья не знал, что ответить. Он никак не ожидал такого напора от директора.

— Илья, — Дмитриевна вздохнула. — Здесь такой же фронт, только трудовой, пойми это. Я вами горжусь и всем говорю, что детский дом без вас, пацанов, не выстоял бы. Прошу тебя не как директор — как мать: перестань думать о побеге на фронт! Война еще долго будет длиться, а если и закончится, сколько дел будет после нее! И везде нужны будут рабочие руки. Мужские руки, понимаешь?

Лобов стоял и не знал, что говорить. Он вспомнил маму. Она ему как-то вечером сказала, что война — это еще и проверка людей на заботу друг о друге. Что только так можно преодолеть блокаду. Илья часто видел вокруг совсем другое, однако в их доме все друг другу помогали, вместе радовались маленьким праздникам, вместе горевали.

— Я вправду нужен детскому дому? — переспросил Илья.

— Очень!!!

— Хорошо, тогда я остаюсь.

— Молодец, что меня понял, — обрадовалась Дмитриевна и обняла парня.

— 7 —

Буза случилась во второй группе — пятиклашки-пацаны категорически отказались учить немецкий.

Дмитриевна созвала у себя в кабинете детский совет.

— У нас проблема, — серьезно заявила она. — Сегодня отказывается учить немецкий вторая группа, завтра — детдом. Это недопустимо!

Руку подняла... Марго.

— Правда, зачем мы учим фашистский язык? — логично поинтересовалась она.

В кабинете повисла тревожная тишина.

— Уж от тебя-то, Маргарита, не ожидала такого провокационного вопроса, — возмутилась Орлова,

но Марго сделала вид, что пропустила мимо ушей грозное предупреждение.

— Вы не ответили на него.

— Язык врага надо знать, — убежденно сказала Орлова. — Как идти в разведку, не зная языка врага? — распалялась она все больше.

— Но не все же мы пойдем в разведку, — стояла на своем Марго.

Директор смерила ее холодным осуждающим взглядом.

— Маргарита, — голос Орловой ничего хорошего не предвещал. — Ты — единственная в нашем детском доме комсомолка. Очень странно слышать именно от тебя такие вопросы. Главное, не пойму, зачем ты уперлась рогом. Немецкий язык — это учебный предмет. Он обязателен. В Москве лучше знают, какой язык нам надо изучать, — Орлова пристукнула ладонью по столу, сдерживая гнев.

Марго опустила голову. Она принципиально была не согласна с позицией директора, но сдалась, улыбаясь, что «Москва лучше знает». С этим не поспоришь.

— Я просто хотела сказать, что немецкий язык — это язык фашистов, — насупившись, твердила в свое оправдание Марго.

— У тебя неправильная позиция, — с неудовольствием заметила Орлова. — Немецкий язык — это язык Карла Маркса и Фридриха Энгельса. На нем написаны «Капитал», «Манифест коммунистической партии», главный лозунг всех трудящихся и большевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — эмоционально воскликнула Орлова.

— Но это и язык Гитлера! — с ненавистью выкрикнула Марго.

Дмитриевна почувствовала, что им всем пора успокоиться.

— Марго, ты же знаешь, — Орлова доброжелательно, даже ласково посмотрела на воспитанницу, — в семье не без урода.

Напряжение спало, все это сразу ощутили.

— Мария Дмитриевна, я сама сегодня вечером поговорю с пацанами второй группы, — поднявшись, пообещала Марго.

— Только аккуратно, — попросила Орлова.

Открытие выставки рисунков, которого с нетерпением ждали, состоялось тридцатого апреля, в канун Первомая.

Орлову встревожило появление Ефросиньи. Ее никто не приглашал, хотя директор догадывалась, кто мог рассказать о выставке богомолке. Однако зачем конкретно она пришла, оставалось для Марии Дмитриевны загадкой. Она заметила, что Илья Лобов

стал часто отпрашиваться к старушке, чтобы наколоть дров, принести воды, подправить забор, вскопать огород.

Небольшая комната, которую директор выделила под мастерскую, превратилась в художественную галерею. Акварельные рисунки, развешанные на натянутых веревках вдоль всей комнаты в несколько рядов, распределялись по жанрам: портреты, натюрморты, «Красная армия всех сильней».

В центре комнаты на деревянной подставке возвышалась большая картина, накрытая серой застиранной простыней. Она-то и притягивала всеобщее внимание: всех интересовало, что это за картина и кто ее автор.

Иннокентий Павлович неспешно подошел к ней.

— Разрешите вам представить, — торжественно начал художник, — произведение моего талантливого ученика Ильи Лобова. Оно необычно, — руки Иннокентия Павловича изобразили непонятный пируэт.

Он снял простыню.

Темные ленинградские полуразрушенные дома. Неосвященная улица, несколько трупов, брошенные санки с ведром воды.

Первое впечатление — жуткое. Смерть победила жизнь.

Но если взглядеться — в некоторых окнах теплились огоньки от коптилок. Жизнь не совсем покинула улицу. Вдали виднелся купол Исаакиевского собора. От него исходил свет, а над ним — скорбящая мать с разведенными от горя руками.

— Что это? — растерянno поинтересовалась Орлова, обращаясь к Илье.

Она прекрасно поняла, что нарисовал Лобов, и картина не вызвала бы у нее вопросов, если бы не эта женщина, которая скорбно взирала на все, что внизу.

— Мой город.

Орлова почувствовала, что раздражается.

— Я вообще-то поняла, что на картине Ленинград, — повысила она голос, — меня интересует, кто изображен над ним.

— Блокадная Богоматерь, — с достоинством ответил Илья.

Вглядываясь в картину, директор детского дома прочувствовала всю силу обреченности и отчаяния, всю боль художника.

— Тебе удалось запечатлеть редчайшее явление. Не всем великим мастерам это удавалось, — негромко произнесла Дмитриевна.

— О чем вы говорите? — растерялся Илья.

— О душе, — тихим сдавленным голосом ответил старый учитель. — Из парня вырастет большой художник. Я в этом кое-что понимаю.

— Это не картина, — полушепотом изрекла Ефросинья. Она подошла, провела рукой по полотну. — От

нее исходит тепло. Это икона Богоматери-страдальцы. Сохрани эту икону — она убережет тебя и твой детдом.

Ефросинья еще раз коснулась полотна, перекрестила его и поцеловала сухими губами. Прощетала слова молитвы, но даже те, кто находился рядом, ее не расслышали.

— Сохрани икону.

Орлова некоторое время стояла у картины, потом подошла к Илье, обняла его.

— Сохраню обязательно, — клятвенно пообещала она.

Пришла глухая, дождливая осень. Казалось, серое небо навсегда прижалось к земле.

После четвертого урока в седьмой класс вошла завуч Антонина Васильевна, строго посмотрела на притихших учеников.

Сердце у Геры невольно екнуло от неясного волнения.

— Дети, будьте осторожны со Сталиной Никитиной, отец ее — враг народа, — объявила она всему классу.

Говорила громко, как с трибуны.

— Мой отец никакой не враг народа! — захлебываясь, доказывала девочка.

— Нам лучше знать, — завучу не понравилась истерика ученицы. — Доблестные органы НКВД никогда не ошибаются.

Она уже направилась к выходу, коснулась дверной ручки, как вдруг в спину ей прозвучал вопрос:

— Что такого сделал отец Сталины, что теперь для всех нас он враг народа? — отважилась поинтересоваться Марго.

Завуч резко развернулась и замерла в негодовании. Она хотела налететь на Полякову, которую не особо жаловала, но вспомнила предупреждение директора школы: «Есть команда: эту детдомовскую не трогать». — «Откуда команда?» — удивилась завуч Алдонова. «Оттуда, — пожилой директор показал пальцем на потолок. — Она не простая девочка», — заключил он. Антонина Васильевна поняла: не надо задавать лишних вопросов. Есть команда — значит, необходимо ее выполнять.

— Ее отец украл в колхозе лошадь и продал в городе!

— Он не крал лошадь! — взახлеб доказывала Сталина.

Класс безмолвствовал, многие боялись завуча Алдонову.

— Я тебе, Никитина, слова не давала, — жестко перебила ученицу Антонина Васильевна. — Полнейшее бесстыдство... В родном колхозе... Ума не

приложу, — распиналась завуч. — Позор школы! — перешла на визг Алдолина. — Завтра состоится заседание пионерской дружины, — предупредила она. — Тебе, Никитина, не место среди пионеров, но твое искреннее раскаяние дружина может рассмотреть, если откажешься открыто, публично от такого отца, — завуч сделала значимую паузу. — Возможно, дружина поверит, что ты честная пионерка.

— Как отказаться? Это же мой родной отец, — девочка растерянно посмотрела на класс, но ответом ей было молчание.

— Товарищ Сталин, — железным тоном, как на заседании парткома, отчитывала ученицу — завуч, — поставил четкую задачу славным нашим органам НКВД по борьбе с воровством. Запомните дети: быть вором — означает быть пособником фашизма.

Алдолина торжествующе оглядела класс, считая, что воспитательную беседу она провела блестяще. Главное: еще раз довела до всех линию партии и лично товарища Сталина.

— Совет класса со мной согласен? — завуч, хищно прищурившись, нацелила свой взгляд на Марго. — Полякова, — Антонина Васильевна следила за каждым движением ученицы, — выскажись, имеет ли право Никитина быть пионеркой после такого случая? Ты же у нас эта, — не унималась завуч, презрительно фыркнув, — королева Марго.

Класс наострил уши. Маргарита Полякова входила не только в совет класса, она еще являлась председателем детдомовского совета.

— Я полностью согласна с товарищем Сталиным, что воры — это пособники фашизма.

Алдолина еще раз оглядела класс и, удовлетворенная, пошла в учительскую писать докладную директору школы.

Вечером Марго налетела на подругу:

— Зачем убежала с урока, что случилось?

По воскресеньям в сельский клуб привозили кино. Вовка уговорил директора отпустить его вместе с Марго.

Фильм захватил с первых кадров. Несколько раз они соприкасались головами, шепотом комментируя понравившиеся сцены.

Внезапно Марго почувствовала робкое прикосновение. Она замерла, как и застыли пальцы сидящего рядом Вовки. Оба притворились, что ничего не происходит, но смятение и внутренняя дрожь овладели ими.

Вовка осторожно сжал пальцы Марго и поймал украдкой взгляд подруги, в котором читались благодарность и мучительная жажда нежности.

Они продолжали смотреть фильм и делать вид, что ничего не произошло, но это было не так. Реки эмоций бурлили в обоих, готовясь вырваться из-под льда. Они словно сняли с себя тяжелые оковы, после чего дышать сразу стало легче.

Так уже однажды случилось: Вовкина ладонь нежно коснулась лица Марго. Тогда они возбужденно смотрели друг другу в глаза, читая в них все то, о чем говорить не стоило и было важнее слов. У Марго подкосились ноги от охватившего ее трепета. Она закрыла глаза и почувствовала, как Вовкины губы коснулись ее губ. Поцелуй получился неумелый, да и откуда взяться умелому-то, но Марго испытала необыкновенное волнение.

Вовка бережно переложил пальцы Марго в свою руку, сжал их, чувствуя ее нервные токи.

Фильм закончился. Они вышли из сельского клуба обновленными.

— Погуляем еще? — несмело предложил Вовка.

Им не хотелось расставаться. Над ними нависло серое ночное беззвездное небо. Потом они остановились. Минуты две переминались с ноги на ногу, не зная, что сказать.

— Отвернись, я что-то напишу для тебя на снегу, — попросил Вовка.

Марго послушно сделала то, о чем ее просил Миненко. Вовка поднял с земли ветку и на снегу написал всего два слова.

— Теперь можешь повернуться, — произнес он смущенно.

Марго прочитала написанное, ее лицо озарила улыбка. Он подошла к Вовке и прижала губы к его холодному лицу.

Вовка засиял, как звезда в одиноком небе. От нахлынувшего счастья он засмеялся. Что-то говорил-говорил, а Марго слушала-слушала, улыбаясь, заряженная его весельем.

Потом они молчали. Хлопья пушистого снега падали на них с березы.

Вовка взволнованно прошептал:

— Как хорошо!

Марго прижалась к Вовке. Рядом с ним она чувствовала себя защищенной. Марго поцеловала Вовку в холодную щеку. Он от неожиданности на мгновение растерялся, потом на его лице заиграла счастливая улыбка. Он схватил Марго в охапку, крепко прижал к себе...

И они целовались, не замечая, что с березы на них обрушилась целая снежная туча. Ее подняла серая белка, которая изумленно поблескивала на них глазками, не понимая, что делают здесь эти двое.

— Навсегда запомню первый блокадный Новый

год, — делился Илья воспоминаниями. Его внимательно слушал Славка Заварзин. Они любили после отбоя шептаться, сдвинув кровати. — Мама решила устроить мне елку, как было до войны. У нас в комнате рос фикус. Мама хотела из него сделать елку. Но растение до того иссохло, что, когда дотронулись, оно рассыпалось в труху. На подоконнике лежала еловая ветка. Мама воткнула ее в пустую бутылку из-под молока, завернутую в белую ткань. Повесила несколько елочных игрушек. Нашла свечку. Разрезала ее на несколько частей, прикрепила к ветке. Из соседних комнат, опираясь на палки, медленно вышли родственники, закутанные, истощенные. Мама всех пригласила за скромно накрытый стол. В небольшой кастрюльке кипел суп из супреки, несколько зеленых котлеток из хвои лежали на десертной синей тарелке, в кружках — кисель из ламинарии. И главное богатство стола: тонко нарезанный маленькими ломтиками черный хлебушек. Глядя на стол, все вдруг заплакали. Дядя Миша, из-за дистрофии похожий на ходячий скелет, обрадованно произнес:

— Вот это настоящий Новый год.

Его вытаращенные безобидные глаза посмотрели на нас. Тетя Лена в ответ улыбнулась доброй чудаконатой улыбкой.

Мама погладила дядю Мишу по острой облысевшей голове. Я потом вышел во двор. Посмотрел на наш дом — на каждом этаже теплилась жизнь, мерцал свет от керосинок. Почему-то стало так радостно на душе: ведь мы все еще живы».

По щекам Славки текли слезы.

Когда Гера хотела посекретничать с подругой, она ее приводила к речному пирсу. И дело было не в том, что Гера боялась, что кто-то может подслушать их разговоры, — нет. На природе Гера чувствовала себя свободнее, раскованнее, чем в детском доме. Марго сразу поняла, что не просто так подружка потянула ее к реке.

— Говори, — чуть не приказным тоном потребовала Марго.

Гера не торопилась.

— Можно, я первой тебя спрошу о чем-то?

— Спрашивай.

— У тебя с Вовкой Миненко любовь? — у Геры от волнения пошло пятнами лицо.

Марго вздохнула.

— Я не знаю, что такое любовь, — честно призналась Марго. — Мне нравится видеть его каждый день. Понимаешь, я с ним себя чувствую сильной.

— Разве до Вовки ты не чувствовала себя сильной? — искренне удивилась Гера.

— Чувствовала, — призналась Марго, — но это была другая сила. Вот в Ленинграде я понимала, что выживу, только когда соберу себя в кулак. Ленинград — он же всех закалял, — Марго как-то по-особенному посмотрела на подругу. — Помнишь, что нам врач сказал в госпитале?

— Он сказал нам, что мы должны научиться себя мобилизовать.

Марго кивнула. Она немного помолчала и продолжила:

— Именно в Ленинграде я поняла, что меня не сломать, а когда приехала в детский дом, — Марго сглотнула, — я почувствовала, что моя сила куда-то улетучивается, но стоило Вовке оказаться рядом, и я снова чувствовала себя сильной. Мне нравится это чувство.

— Быть сильной?

— Быть рядом с Вовкой, — лицо Марго засветилось неожиданной веселой улыбкой.

Засмеялась и Гера. Она никак не ожидала такой искренности и открытости от Марго, которую многие в доме считали холодной, как снежная королева.

— К чему все эти вопросы?

Геру сжимало еще не изведенное счастье. Что-то подобное она испытывала, когда ее обнимал отец, говорил, какая она у него красавица, как он ею гордится. Гера чувствовала себя в такие моменты самой счастливой девочкой на свете. Чувствовала себя счастливой и тогда, когда ласкала мама и говорила, какая у нее дочь помощница, — это так окрыляло Геру! Но сейчас и родителей давно уже нет, и все уже по-другому, а счастье есть. И оно связано с именем Славки Заварзина.

— Кажется, я влюбилась.

Марго растроганно пожала руку подруге.

— В Славку Заварзина?

Гера, раскрасневшись, смущенно смотрела на подругу.

— Как ты догадалась?

— Просто увидела, как вы друг на друга смотрите в Доме, школе, — и все стало ясно.

— Мне страшно.

Марго с удивлением взглянула на подругу.

— Славка хороший парень. И знаешь, когда тебя любят, так хочется жить! Не бойся любви. С ней как-то легче жить, чем без нее.

Гере казалось так же.

— 8 —

Марго назначили ответственной за подготовку и проведение политинформации. Каждый понедельник после школы обитателей детдома собирали на час в большой пионерской комнате.

(Продолжение смотрите на странице 41.)

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ | 2/2026

Большая перетяга

Хочу сказать!

Дорога Памяти, или 1418 шагов к Победе

«Дорога Памяти» – замечательный музей Великой Отечественной войны, который находится в Московской области, в составе Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот». В музее тридцать четыре зала, каждый из которых переносит нас в страшные события тех лет. Музей сделан в виде длинной дороги от мирных довоенных дней до последних, победных.

Каждый зал здесь особенный. Мне больше всего запомнились три зала: «Начало войны», «Воздушная тревога» и «Реальный холод». В каждом зале мы видим манекены. Мне особенно запомнились медсестры и врачи, оперирующие раненого.

В зале «Начало войны» мы попадаем в последние мирные дни. Вокруг лето, дети, счастье, детский смех и безоблачный день. Но в зале «Воздушная тревога» становится страшно. На экранах – пожары, разрушенные дома, воеет сирена и гудит вражеская авиация, совершающая налет на город. И кажется, ты сам переживаешь это страшное время... Зал «Реальный холод» погружал нас в условия холодной военной зимы. Везде снег, лед. И, даже

находясь в помещении, ты чувствуешь себя будто зимой на улице.

В последнем зале «Никто не забыт, ничто не забыто» звучит песня «Журавли». По стенам – образы наших защитников, как будто в полете. И каждый из пришедших может зажечь свечу в память о них.

София КРЫЛОВА, 13 лет,
Детская литературная мастерская
«СтихиЯ», ГБОУ г. Москвы
«Школа № 1286»

Долг мужчины

У некоторых моих одноклассников отцы или братья сейчас принимают участие в специальной военной операции. Я вижу, как ребята переживают за своих. Они не так уж часто говорят об этом. Но иногда очень откровенно, особенно если долго нет никаких вестей от отца или брата. А у одного моего одноклассника отец погиб на СВО. Когда это стало известно, мы всем классом старались поддержать нашего друга. Он вдруг стал всем другом, наш одноклассник. Наверное, мы еще не такие уж взрослые, чтобы понимать такие потери до конца. Но то чувство какого-то общего родства в классе я помню очень хорошо. Мы все чувствовали горе, у всех сжималось сердце, и каждый думал о своих родителях.

Я очень хочу, чтобы наш мир был мирным. Я очень надеюсь, что, когда у меня будет семья, дети, никаких войн не будет. Люди должны научиться договариваться за столом переговоров. Но, если все-таки надо будет защищать Родину, я, конечно, пойду ее защищать. Это обычный долг мужчины.

Марат САДАКОВ, 15 лет,
Тюменская область

Больно!

Я должна рассказать о Кате

Мир за окном больницы жил своей жизнью. Внутри же царил иной закон – хрупкости, несправедливости и тихого героизма самых маленьких. Мои две недели в онкологическом отделении стали уроком, который болит до сих пор, и памятью о Кате, чья стойкость и одиночество изменили меня навсегда.

Иногда кажется, что Фортуна слепа и жестока. Она может щедро одаривать тех, кто презирает мораль. Но может и обрушивать немыслимые испытания на тех, кто еще не успел согрешить. Отделение детской онкологии – это средоточие такой несправедливости. Здесь сталкиваешься с абсурдом мироустройства лицом к лицу.

Мне было пятнадцать. Небольшая операция, рутинная по меркам этого места, вынудила меня погрузиться в особый мир. Мир палат, запаха антисептика и фона из тихих стонов. Здесь дети учатся терпеть боль раньше, чем считать на пальцах.

Моей соседкой была Катя. Хрупкая, как тростинка, девочка чуть младше меня. К тому моменту она перенесла уже больше десятка операций. К соседке была привязана аппаратура – верный спутник, беспрерывно вводивший лекарство в ее истощенное тело. После операции, отходя от наркоза, меня накрыла волна жгучей боли. И именно Катя, сама вечно живущая с ней, нашла в себе силы шептать слова поддержки. Было мучительно стыдно перед ее мужеством. Как я смею стонать, когда рядом она?

Неделя пролетела в больничной рутине. За это время к Кате не пришел ни один родственник. По детской наивности и глупости я спросила: «А где твои родители? Почему они не приходят?» Катя потупилась, вжав голову в плечи, будто хотела стать невидимой. Ответ пришел сам, спустя пару часов, в лице ее отца.

Он ворвался в палату, как вихрь. Окропил углы святой водой, бормоча молитвы. С аппетитом съел половину скромного больничного ужина дочери. Вручил Кате нелепую, явно маленькую детскую шапочку. Подарок, больше похожий на насмешку

над ее выбритой головой. И ушел так же стремительно, как и появился. Радости его визит не принес. Только слезы и опустошение. Позже я узнала от других: мама Кати страдала тяжелой болезнью и лечилась в специализированном учреждении. Девочка была одна. Совсем одна.

Отделение гудело жизнью, полной боли. Здесь лежали те, для кого больничные стены были привычнее домашних. Помню самого маленького пациента – шестимесячную девочку, крошечное тельце которой уже боролось с раком. В палате напротив третий год жила женщина со своим маленьким сыном. Она, сама измученная, стала для Кати островком тепла и заботы, заменяя отсутствующих родителей.

Но самое страшное, что преследовало меня даже после выписки и снилось в кошмарах – это звук сирены. Ночная тишина разрывалась резким, леденящим душу воем. Он означал только одно – у кого-то из этих малышей критическое состояние. И ты лежишь, затаив дыхание, понимая, что завтра в отделении может стать на одного маленького воина меньше. Этот звук – голос абсолютной беспомощности и хрупкости человеческой жизни.

Я ушла из тех стен. Выздоровела. Вернулась к своей жизни. Катя... Я не знаю, что с ней. Но эта нелепая шапочка, образ ее сжавшейся фигурки после визита отца и воя ночной сирены – это осколки той реальности, что навсегда со мной. Они напоминают о несправедливости мира... Но также и о невероятной стойкости, которая живет даже в самых хрупких телах. О силе духа в глазах Кати, когда она утешала меня, забыв о своей собственной вечной боли. Эту историю я не хотела вспоминать, но должна была рассказать. Хотя бы ради нее...

**Софья КОСТИНА,
г. Липецк**

Как найти в себе героя?

“

У меня нет никаких особенных способностей. И учусь я так себе, с тройки на четверку, и три медведя потоптались на моих ушах, не умею ни петь, ни рисовать, ни делать ничего уникального. В общем, я самый обычный, и даже не могу понять, к чему у меня лежит душа. А хорошо бы уже определиться, чем я хочу заниматься. Помогите, «Путеводка»! Подскажите, как это сделать?

Миша, 16 лет.

На вопросы наших читателей
отвечает журналист
Любовь КОЖЕВНИКОВА

**Май – время пробуждения.
А с ним и вопрос: «Кто я?
И чем мне заняться?»**

Воздух наполнен ароматом цветущих деревьев, в траве уже слышны стрекозы, а солнце все чаще заглядывает в окна. Май – это время, когда природа расцветает во всей своей красе, пробуждая и нас от зимней спячки. И, конечно, в это прекрасное время года, когда душа просит чего-то нового, важного, встает вечный вопрос: «Кто я? И чем мне заниматься?»

Особенно остро этот вопрос может стоять перед теми, кто не считает себя обладателем каких-то особенных, выдающихся способностей. «Я не гений, не спортсмен, не художник. У меня нет каких-то особых талантов. Чем же мне заниматься? Как найти свое место в этом мире?» – эти мысли могут тревожить, навевая грусть.

Не ищи в себе супергероя, ищи человека, которому нужна помощь.

Прежде чем расстраиваться и считать себя «неуспешным», подумай. Ведь мир вокруг нас полон тех, кому нужна твоя помощь. Мир нуждается в твоих руках, в твоём сердце, в твоём времени. Может быть, ты просто привык считать себя «обычным», «неособенным»? Может быть, ты сравниваешь себя с кем-то, кто нашел свое призвание в блестящих достижениях? Но разве жизнь – это только соревнования? Да и потом, никогда не поздно открыть в себе новые таланты. Случается, что людей озаряет вдохновение, когда они уже довольно взрослые.

**Есть ли выход?
Конечно есть.**

Попробуй найти оптимальный вариант между желанием делать что-то важное и тем, что доступно каждому. Подумай о волонтерстве! Это не требует от тебя быть гением. Это требует лишь твоего желания помочь. Зато ты узнаешь замечательных людей, побываешь в разных интересных местах, станешь участником незабываемых мероприятий и испытаешь удовольствие от слаженной командной работы.

Какие существуют виды волонтерства?

1) Поддержи детей:

Помощь в детских домах, благотворительных организациях – это возможность подарить им немного радости.

2) Позаботься о животных:

Приюты для бездомных животных всегда нуждаются в руках, которые могут покормить, погулять, погладить.

3) Участвуй в экологических акциях:

Посади дерево, очисти парк от мусора – ты поможешь планете, которая дарит нам эту весеннюю красоту.

4) Помоги пожилым людям:

Простое общение, чтение книг, помощь с покупками – это может стать бесценным подарком для тех, кто одинок.

5) Можно помочь в чрезвычайных ситуациях!

К примеру, поддержать участников СВО и их родственников сейчас могут даже дети и подростки. Существует Российское движение детей и молодежи, и их акция #МЫВМЕСТЕ. Ребята отправляют бойцам подарки, сделанные своими руками, пишут стихи и песни, делают поделки, даже вяжут носки, школы могут сотрудничать с госпиталями, отправлять средства личной гигиены, перевязочные материалы и даже лекарства. Ребята собирают продукты и медикаменты, учатся плести маскировочные сети и делать окопные свечи. Для пострадавших детей всегда готовы поделиться книгами, игрушками, одеждой.

Через волонтерство дети и подростки могут не только обзавестись полезными навыками, но и найти друзей,

“ Когда ты делаешь доброе дело, ты чувствуешь себя нужным. Ты видишь, как твои усилия меняют жизнь других к лучшему.

перестать чувствовать себя лишними и одинокими. Необязательно обладать какими-то необыкновенными умениями – порой простая поддержка и участие могут творить чудеса.

Доброта – это та самая «особенная способность», которой не хватает многим.

Когда ты делаешь доброе дело, ты чувствуешь себя нужным. Ты видишь, как твои усилия меняют жизнь других к лучшему. И это чувство – ни с чем не сравнимое. В конце концов, чем бы ты ни занимался, главное – чтобы это приносило тебе радость и пользу.

Ничего страшного нет и в том, чтобы просто быть собой, быть хорошим человеком. Ведь когда ты можешь помочь кому-то, когда ты сам делаешь доброе дело, то начинаешь чувствовать себя совсем иначе – сильным и уверенным, настоящим героем.

Прислушайся к своему сердцу. Оно подскажет тебе, куда идти.

МОЛИТОВКА

В чистеньком классе сельской школы, где пахло мелом и старыми книгами, проходил обычный урок. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь окна, рисовали золотые узоры на деревянных партах. У доски стоял Витя – ученик первого класса. Его тихий, почти шепчущий ответ тонул в просторном классе. Учитель, мужчина средних лет с копной смолянисто-черных волос, склонил голову, внимательно вслушиваясь. Его взгляд, пронзительный и добрый, был прикован к ученику.

«Витя, не волнуйся, пожалуйста, я вижу, что ты подготавливался, только отвечай громче, – мягко произнес учитель. – Ты же знаешь, после контузии на войне у

меня не слышит правое ухо. Приходится напрягаться, чтобы разобрать каждое твое слово».

Эта фраза, сказанная так просто, словно открыла дверь в прошлое. Жизнь Якова Бережного, двадцатидвухлетнего сержанта, вчерашнего выпускника полковой школы, как и судьбы миллионов других парней, была перечеркнута одним роковым утром.

...Июньские дни стояли солнечные, наполненные предвкушением заслуженного воскресного увольнения и мирных радостей. Но сладкие грезы молодых ребят, мечтающих о свиданиях и походах в кино, на рассвете прервал истошный вой тревожной сирены.

«Бомбят Киев! Германские войска напали на нашу страну!» – эти слова, словно удар грома, потрясли всех до глубины души. Командование организовало митинг. Пламенная речь политрука, призывающая к мужеству и выдержке, звучала как набат.

Спустя пару недель сержант Бережной и его 5-я воздушно-десантная бригада, состоящая из таких же неопытных, но полных решимости ребят, героически противостояла неумолимому натиску оперативного плана «Барбаросса». Фашисты обрушивали на красноармейцев шквал огня из минометов, с воздуха не давала покоя авиация. Битва за Киев, впоследствии названная Йозефом Геббельсом «величайшей битвой на уничтожение всех времен», стала для Якова и его боевых товарищей настоящим адом.

В ночь на 7 августа, когда немецкие войска шли на главный штурм Киева, в направлении их удара была переброшена 5-я воздушно-десантная бригада под командованием полковника Родимцева. Контратака десантников позволила на какое-то время стабилизировать положение, но это были лишь полумеры. Пар-

ни, не имея боевого опыта и тяжелого оружия, могли противопоставить немецкой пехоте лишь свой высокий боевой дух.

В метре от сержанта Бережного разорвалась фашистская граната. Оглушающий взрыв, вспышка – и мир для Якова перевернулся. Жизнь молодого десантника балансировала на грани смерти. Раненого и контуженного парня на плечах выносили с поля боя сослуживцы, их лица были искажены отчаянием, но в глазах горела решимость спасти боевого товарища.

Врачи в госпитале боролись за жизнь Якова с такой же самоотдачей, с какой и он сам сражался за Родину. Среди суеты и запаха медикаментов пожилая полная санитарка с добрыми морщинками вокруг глаз частенько подходила к нему. Она осторожно щупала его горячий лоб, поправляла сбившееся одеяло, словно заботливая мать. «Молодой ты, красивый такой, тебе бы жить! – шептала она, и в ее голосе звучала искренняя скорбь. – Что же он творит, этот Гитлер?! Вот молитовка, сыночек, ни одна пуля тебя не возьмет! Ты только выкарабкивайся». С этими словами женщина засунула Якову под подушку маленький листочек с молитвой. Слова, обращенные к Господу, простые и искренние, врезались в память парня, став его оберегом на всю жизнь.

Два долгих месяца Яков провел в госпитале. Когда он наконец смог встать на ноги, выяснилось, что правое ухо сержанта Бережного навсегда потеряло слух – глухой звон в нем стал постоянным напоминанием о взрыве, едва не унесшем жизнь. А осколок гранаты, глубоко врезавшийся в кость ноги, остался там навсегда, став частью его тела. За проявленные мужество и стойкость сержант Яков Бережной был

награжден медалью «За оборону Киева». Эта награда, и поныне хранимая в его семье как священная реликвия, – зримое воплощение героизма. Но тогда времени радоваться медали не нашлось.

Безжалостные фашисты, одержимые все тем же планом «Барбаросса», неумолимо подступали к столице. Битва за Москву, ставшая переломным моментом войны, делится на два периода: оборонительный и наступательный. Именно туда, в этот адский котлован, где решалась судьба страны, была переброшена 5-я воздушно-десантная бригада, в состав которой вернулся сержант Бережной.

Оборонительное сражение в Вяземском котле было кровопролитным. 5-я воздушно-десантная бригада, оказавшись в фашистском окружении, несмотря на отчаянное положение, продолжала героически отражать наступление. 10 октября 1941 года бой был особенно ожесточенным и продлился весь день, превратившись в настоящую мясорубку. В этот день сержант Бережной попал в фашистский плен.

Сложно представить, что пришлось пережить молодому десантнику в ожесточенных лапах врага. Достаточно привести по этому поводу слова самого Гитлера: «Мы не будем жалеть советских военнопленных. Чем больше их умрет, тем лучше для Германии». Эта фраза, полная цинизма и жестокости, стала приговором для тысяч советских солдат.

«Побег, побег...» – крутилось в голове военнопленного Бережного, словно навязчивая мелодия. Это был единственный шанс остаться в живых, возможность вырваться из стальных объятий смерти. И молодой десантник, невзирая на врожденную кротость характера, которую он пронес через всю жизнь, отважился на побег.

Сердце бешено колотилось, тело пробивала дрожь. Вновь жизнь Якова повисла на волоске. Любое движение могло стать последним. Губы безудержно шептали слова, написанные на листочке пожилой санитаркой

пару месяцев назад. Слова, обращенные к Богу, сила молитвы вырвали парня из стальных лап смерти, дали возможность преодолеть страх и отчаяние. Он бежал, невзирая на боль от осколка в ноге, спотыкаясь, падая, но поднимаясь вновь, ведомый лишь инстинктом самосохранения и надеждой на спасение. Каждый шорох казался шагами преследователей, каждый луч света – прожектором, выхватывающим из спасительной темноты. Молитва звучала в его душе, придавая сил бежать.

После окончания войны Яков Бережной наконец обрел мир. Он женился, и в его доме зазвучал детский смех – родились две дочки. Младшая из них – моя бабушка Галя. Ветеран Великой Отечественной войны Яков Кузьмич Бережной посвятил свою жизнь воспитанию подрастающего поколения. Тридцать пять лет он работал директором сельской школы и учителем начальных классов. За эти долгие десятилетия мой прадедуска стал для многих не просто учителем, а настоящим наставником, другом и примером для подражания. Он воспитал огромное количество достойных людей, вложив в каждого частичку своей души, своего опыта и мудрости.

Мой прадедуска ушел из жизни на 92-м году. Проводить своего первого учителя в последний путь пришли его ученики. Седовласые мужчины произносили прощальные слова, не стыдясь слез. В их голосах звучала безмерная благодарность за все, чему научил их наставник, за счастливое детство, за мирное небо, которое он помог отстоять. И каждый из них верил, что Яков Кузьмич слышит их, ведь говорили они громко, отчетливо, как он всегда и просил. Даже с одним слышащим ухом прадедуска умел слушать сердцем, и ученики знали это.

**Алина НАДЖАФОВА,
14 лет, ученица МБОУ СОШ № 3,
г. Каменск-Шахтинский**

Дневник Вани, 8 лет. Блокадный Ленинград

5 декабря 1941 года

Сегодня я встретил Ладу. Она сидела у разбитой булочной. Худая, с облезлой шерстью, но глаза добрые. Я достал из кармана последний кусочек хлеба (30 г — целую дневную норму!) и протянул ей. Она не бросилась жадно, а посмотрела на меня, будто спрашивала: «Можно?» Я кивнул, и она осторожно взяла хлеб с моей ладони. Я присел рядом, погладил ее за ухом. Она прижалась ко мне, дрожа. Я понял: она такая же одинокая, как я. Теперь у меня есть Лада. А у нее — я. Теперь мы есть друг у друга, мы будем стараться жить, несмотря на то, что немцы придумали стереть с лица земли мой родной город: с людьми, домами, животными...

12 декабря 1941 года

Мы научились выживать вместе. Лада чувствует еду даже под снегом. Сегодня она нашла замерзшую картофелину возле мусорного бака. Я разбил ее камнем, сварил в котелке. Поделил на две части: одну — себе, вторую — ей. Ночью спим, прижавшись друг к другу. Ее тепло как маленький костер. Я шепчу со слезами ей сказки, которые мама рассказывала, а она лижет мне руку, будто говорит: «Все будет хорошо».

20 декабря 1941 года

Был обстрел. Мы прятались в подвале. Когда все стихло, я вышел первым, чтобы проверить — безопасно ли. Обернулся... Сердце упало. Друга нет рядом. Я звал ее, бегал между развалинами, кричал до боли в горле. Вдруг услышал скулеж из-под груды обломков. Пробрался... Здесь!!! Испуганная, но живая. Мы сидели в тишине, и я чувствовал, как ее страх постепенно уходит. Мы снова вместе.

30 декабря 1941 года

Сегодня случилось страшное. Мы шли по улице, искали хоть что-то съедобное. Лада вдруг остановилась, прижала уши... Я понял: она чувствует опасность. Из-за угла вышли двое мужчин. Один держал нож.

— Вот она, — сказал он. — Свежее мясо.

Я бросился вперед, закрыл Ладу собой.

— Не трогайте ее! — закричал я. Голос дрожал, но я стоял твердо. — Она моя!

Мужчина шагнул ближе, нож блеснул в тусклом свете. Я схватил камень, поднял его.

— Я буду драться! — крикнул я. — Она мой друг!

Он замер, посмотрел на меня. Я

видел его глаза — холодные, пустые. Но потом он вздохнул, опустил нож.

— Ладно, — пробормотал он. — Оставь себе свою собаку.

Они ушли. Я опустился на колени, обнял Ладу.

Она лизала мое лицо, а я плакал. Не от страха — от облегчения. Я спас ее. Я смог. Теперь я знаю: пока я есть у нее, а она — у меня, мы выживем.

7 января 1942 года

Сегодня Рождество. Я поделился с Ладой последним кусочком хлеба. Мы сидели у окна, смотрели на снег. Она положила голову мне на колени, а я гладил ее и думал: «Мы справимся. Мы должны. Мы есть друг у друга». Мой спаситель. Моя надежда. Я буду защищать ее. А она будет защищать меня. Вместе мы сильнее холода, голода и страха.

(Рассказ написан после прочтения книги «Блокадный Трезорка» Александра Смирнова и просмотра фильма режиссера Ивана Харатьяна «Каруза»).

**Анна ШАРКО, 13 лет,
Семейный центр досуга
и развития «АкадемГородок»,
г. Полевской Свердловской
области**

СРЕЗАЛ

Прототипов героев рассказа Василия Шукшина «Срезал» я впервые увидела, когда была школьницей.

В наш класс пришел новый учитель математики, хорошо знающий предмет, но мягкосердечный. Эта мягкость и помешала ему держать нас в узде. А мы, мгновенно почувствовав слабину, принялись доказывать свою взрослость самыми глупыми способами. Стоило учителю выйти из класса, рисовали в его конспектах. Подкладывали ему на стул листы, испачканные клеем. Прятали мел, жужжали, квакали... Владимир Анатольевич мягко ругал нас, а мы все больше распоясывались. И однажды решили срезать его по математике.

Наташа, которую за жесткий характер звали Екатериной Великой, подняла руку и сказала, что не поняла последнюю тему. Владимир Анатольевич объяснил еще раз и спросил, понятно ли теперь.

– Нет! – улыбаясь, сказала Екатерина и кивнула классу: мол, начинаем срезать.

– Непонятно! – поднялся гул. Учитель объяснил снова. Еще раз и еще. Но все дружно кричали, что ничего не поняли. Не участвовали в «срезании» только моя подруга Лена и я. Но и сказать хоть слово в защиту учителя тоже не посмели – тогда еще боялись «отколоться» от коллектива.

Владимир Анатольевич все больше терялся: вышло, что учитель он плохой, раз объяснять не умеет.

В завершение Екатерина обронила:

– А вы почему теорему Ферма не доказали? Способностей не хватило?..

Объяснять, что эта теорема никак не связана с геометрией и получается, что все математики мира люди неспособные, было бесполезно. Доказывать что-то глупым людям – все равно что дрессировать какую-нибудь амебу. Усилий много – толку нет.

А на следующий день по школе пополз слух, что наш математик – полный бездарь...

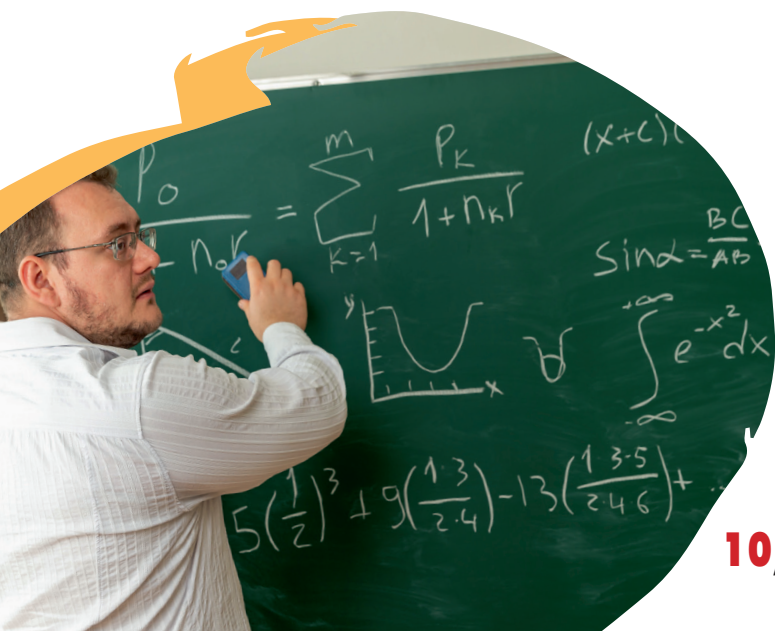
С тех пор прошло пятнадцать лет, но прообразы героев рассказа мне встречаются часто. Они разного возраста, как сейчас модно говорить, разных социальных групп, характеров, но всех объединяет точно подмеченное Шукшиным стремление выставить собственное «я» путем глупого унижения другого, действительно образованного человека. Познакомлю с героями рассказа «Срезал» и вас, дорогие читатели.

В деревню приехал из города сын одной сельянки Иван Журавлев, кандидат филологических наук. Чуть не все селяне пришли к нему в гости во главе с неким Глебом Капустиным, местным «авторитетом начитанности». Глеб стал задавать Журавлеву вопросы «научного» характера, а по сути перечислял наиглупейший набор терминов, которые и сочетать-то нельзя. Растерявшись от такой необразованности, кандидат наук сначала пытался объяснить, что Капустин несет полную чушь, потом растерялся. Но селяне-то ничего не поняли! Они приняли растерянность Журавлева за поражение. И посчитали, что «умный» Капустин срезал кандидата наук, доказал, что учиться «для корочки» десять лет – пустое дело...

В завершение расскажу анекдот, который, говорят, впервые рассказал своим домочадцам Лев Толстой. Русские люди, после смерти попавшие в ад, кипят в большом котле. Котел этот крышкой не закрыт, никаких ограждений рядом нет. Но никто из него еще не вылез. Потому что, даже если какому-то ловкому человеку удастся выбраться из огненного варева, его затолкают обратно завистники.

Но постойте: так ли уж все плохо у нас, дорогие читатели? Разве не тот же Толстой писал, что исконно русскому человеку свойственны широта души и благородство?..

Татьяна ЩЕДРИНА, г. Липецк

Как сказал Федор Достоевский!

**Тварь ли я дрожащая
или право имею...**

Вопрос, который задает себе
Р. Р. Раскольников в романе
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866 г.)

И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею?..

Вопрос, составлявший суть теории, которая может оправдать любое преступление.

О праве быть выше всех.

**Я не умею молчать,
когда сердце
во мне говорит.**

Слова Мечтателя, адресованные Настеньке, из повести
Ф. М. Достоевского «Белые ночи» (1848 г.)

Посудите, кто я! Ведь вот уж мне двадцать шесть лет, а я никого никогда не видал.

Ну, как же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вам же будет выгоднее, когда все будет открыто, наружу... Я не умею молчать, когда сердце во мне говорит. Ну да все равно... Поверите ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! и только мечтаю каждый день, что наконец-то когда-нибудь я встречу кого-нибудь. Ах, если б вы знали, сколько раз я был влюблен таким образом!..

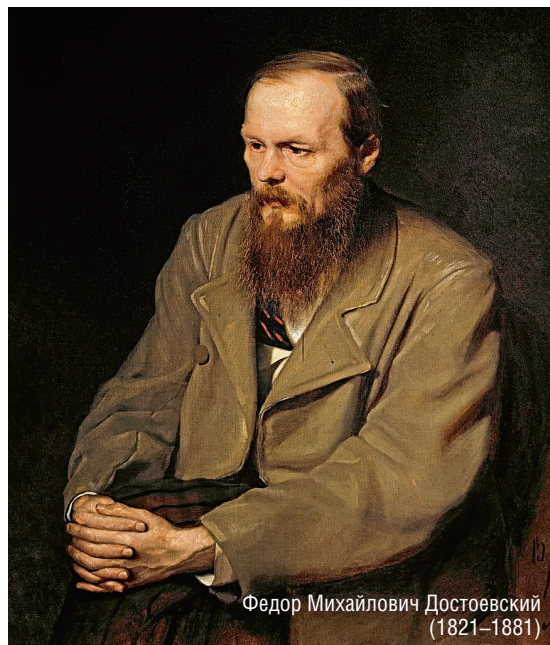
Слова главного героя характеризуют его как открытого, искреннего человека.

Используется в качестве объяснения желания высказаться в непростой ситуации.

**Сострадание есть
главнейший и, может
быть, единственный
закон бытия всего
человечества.**

Слова из внутреннего монолога князя Мышкина, героя романа
Ф. М. Достоевского «Идиот» (1869 г.)

Да, да! Нет, Rogozhin на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать. Когда он узнает всю истину

Федор Михайлович Достоевский
(1821–1881)

и когда убедится, какое жалкое существо эта поврежденная, полоумная, — разве не простит он ей тогда все прежнее, все мучения свои? Разве не станет ее слугой, братом, другом, провидением? Сострадание осмыслит и научит самого Rogozhina. Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества.

Устами героя романа Достоевский утверждает сострадание как главный закон человеческого существования.

О естественной потребности и необходимости человека сопереживать чужому несчастью.

Подготовил
Алексей ДУНЕВ,
писатель, филолог

В туманах, над сверканьем рос...

Есть на севере Подмосковья удивительно живописная местность — Клинско-Дмитровская гряда. С ее высоких холмов открываются необъятные дали с полями, лесами и реками. В этих местах жили, работали и творили несколько семей, чьи взаимоотношения обернулись блистательными взлетами в российской науке и культуре.

Русский Леонардо

Дорога из города Клина бежит через поля, петляет по густому лесу, который сменяется аллеей, и, наконец, приводит в уютную деревушку Боблово на вершине холма. Недалеко от нее стоит каменный дом, окруженный старыми вязами и невысоким забором, — все, что осталось от усадьбы, где когда-то жил Дмитрий Иванович Менделеев.

Известный большинству из нас по созданной им Периодической таблице химических элементов, которая стала фундаментом для современных химии и физики, Менделеев был фантастически разносторонним чело-

веком, ярко проявившим себя в разных отраслях знаний. Его уже при жизни называли русским Леонардо да Винчи. Талант его раскрылся в метеорологии и судостроении, медицине и астрономии, гидродинамике и сельском хозяйстве, философии и экономике.

Здесь, в Боблове, он более сорока лет отдыхал душой и вдохновлялся. Ставил различные опыты, писал труды, принимал гостей, в том числе и знаменитых, например, ученых Ивана Сеченова, Климента Тимирязева, Александра Попова, художников Архипа Куинджи, Николая Ярошенко, Илью Репина. Здесь он создал опытную сельскохозяйственную станцию, где изучал воздействие минеральных удобрений на полевые культуры и выращивал невиданные в этих местах урожаи.

Обо всем этом рассказывает его музей, где в первую очередь поражаешься тому, как много за свою жизнь может сделать талантливый человек. В его витринах химическая посуда и лабораторные приборы великого ученого, его рабочий стол и станок, на котором он ткал полотно из выращенной им крапивы и много других предметов, свидетельствующих о поразительном разнообразии интересов и умений хозяина усадьбы. В их числе переплетенные им книги, изготовленные им рамки для фотографий и созданный его руками добротный кожаный чемодан. Чемоданов, кстати, Менделеев смастерил немало, некоторые даже продавались в магазинах, где его считали первоклассным мастером.

В одной из музейных витрин — радиоприемник конца XIX века. В 1899 году Менделеев принял в Боблове сигналы, посланные одним из изобретателей радио Александром Степановичем Поповым из соседней деревни, а затем, вскочив в конную бричку, поспешил туда поздравить своего великого друга с удачным экспериментом.

Громоздкая корзина, в которой могут поместиться несколько людей, напоминает о смелом полете хозяина усадьбы на воздушном шаре 7 августа 1887 года. В этот день 53-летний Менделеев в одиночку поднялся в небо на высоту более трех километров, чтобы наблюдать полное солнечное затмение. По пути он делал измерения, вел записи, подробно описал очертания, размеры и цвет солнечной короны, а через несколько часов приземлился в окрестностях усадьбы Салтыкова-Щедрина Спас-Угол.

А еще в «Боблово» есть удивительной красоты ландшафтный парк с вековыми липами, созданный Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Прогуливаясь по его тропинкам, живо представляешь себе, как здесь когда-то бродили дочь ученого Любовь Дмитриевна вместе со своим возлюбленным — юным поэтом Александром Блоком.

Гамлет женится на Офелии

Предыстория их любви такова. В 1874 году известный российский ботаник, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов по совету своего друга Дмитрия Ивановича Менделеева купил имение в семи верстах от Боблова. Через много лет в менделеевской усадьбе стали устраиваться любительские спектакли, в которых принимал участие и соседский юноша Саша, внук Бекетова. В 1898 году в спектакле по трагедии Шекспира он сыграл роль Гамлета, а Люба Менделеева — роль Офелии. Это стало началом их сближения. А спустя еще пять лет, 17 августа 1903 года они обвенчались в селе Тараканове на полпути между Бобловом и Шахматовом.

...Желто-белая церковь Архангела Михаила с зеленым куполом, где это произошло, выглядит очень живописно в сочетании со старыми липами, кустами акacias и шиповника, березовой аллеей, прямоугольным прудом с заросшими берегами. Сейчас рядом с этим храмом — скульптурная композиция, изображающая знаменитую пару. И чуть ли не каждый день на этом месте звучат стихи Блока, которые вдохновенно чита-

ют перед приехавшими сюда туристами здешние экскурсоводы.

Конечно же, помимо подробностей о дне, когда затейливо украшенная тройка умчала молодоженов после венчания из Тараканова в Боблово, а оттуда — в Петербург, узнаешь здесь и об истории дальнейших отношений Блока и его Прекрасной Дамы — увы, далеко не безоблачных. Александр Блок безумно любил свою жену, называл ее Прекрасной Дамой, и при этом считал, что истинная любовь должна быть исключительно духовной, не опошленной физической близостью. А Люба Менделеева жаждала любви земной... В итоге их супружество получилось горьким, полным разочарований... Однако и в последние дни жизни поэта они были вместе. А стихи Блока, посвященные Прекрасной Даме, его возлюбленной, стали украшением мировой поэзии.

Небожитель в косоворотке

Удивительны все-таки повороты судьбы: если бы не купил Менделеев имение в Боблове, а потом не позвал в соседи своего друга Бекетова, то, возможно, Александр Блок и не состоялся бы таким, каким он видится нам сейчас: поэтом, олицетворяющим Серебряный век русской культуры.

Его привезли сюда младенцем. С тех пор он проводил здесь каждое лето, нежно любя этот «угол рая», в котором пережил лучшие дни, часы и минуты.

*В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.
Не погасал лесной пожар,*

*Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.
И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.
Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной...*

По замечанию Владимира Солоухина, в шахматовскую природу Блок был погружен как в купель, «это и было его как бы второе крещение — крещение Россией, русской природой, русской деревней, Русью». В самом деле, если Блок-человек родился в Петербурге, то Блок-поэт родился в Шахматове. Именно эта старая дедовская усадьба, духовный строй ее обитателей, ее природа, косматые ели, березы, липы и серебристые тополя вперемежку с кленами и орешником образующие кущи и аллеи, окружающие усадьбу холмы, поля и леса сформировали во многом его мировоззрение, отношение к России. «Малая Родина» определила лирическое вдохновение первых его поэтических сборников и других произведений, над которыми он здесь работал. И уже в самом конце, умирая, Блок думал о своем Шахматове, о «возлюбленной поляне» и слабеющей рукой набросал жившую в его воображении картину прошлого.

На всех шахматовских фотографиях он предстает русским мальчиком и юношей — в косоворотке и за частую в сапогах. По воспоминаниям домочадцев и современников, Блока с заступом и топором здесь можно

было увидеть столь же часто, как и над листом бумаги за рабочим столом. Он обожал работы в саду возле дома.

После революции усадебный дом сторел. Сейчас его восстановили, в нем теперь тоже музей, который раскрывает историю большой семьи, начиная с дедушки, выдающегося ученого Андрея Бекетова, и бабушки Елизаветы Бекетовой, талантливой переводчицы, состоявшей в дружеских отношениях с Гоголем, Достоевским, Толстым, Чеховым... Дом и обстановка довольно скромные. Обращает на себя внимание обилие книг и отсутствие тяги к грошовому украшательству; на этом фоне сказочно красивыми кажутся полукруглые цветные окна, обращенные на лужайку и в лес...

Мир Александра Блока — прежде всего здешний пейзаж, который, как сказал гостивший в Шахматове Андрей Белый, «веет строчкой Блока». По его же словам, здешние восходы и закаты — «стены рабочего кабинета Блока». Мир поэта — это высокий холм, где начаты стихотворение «Россия» и поэма «Возмездие». Это Рогачевское шоссе, которое, по слову Анны Ахматовой, помнит «разбойный посвист молодого Блока». Это Боблово, где жила Прекрасная Дама: «Ты горишь над высокой горою, недоступна в своем терему...»

Боблово. Тараканово. Шахматово... Редко на нашей земле найдешь место, где так тесно в пространстве переплелись бы магия уникального пейзажа, обаяние усадебной архитектуры, и великие имена. Тут зримо представляешь, как, путем переплетения судеб и трудов талантливых личностей, по крупницам создается великая культура.

Илья МЕДОВОЙ
Фото автора

ЛИТЕРИКИ

Один аксолотль из Москвы
Купил килограмм пахлавы.
Не успел ее съесть,
Как пришла к нему весть:
Больше нету в Москве пахлавы...

Настя МОРЕВА

Один крокодил из Каира
Купил себе пачку зефира.
Угостил двух друзей
И поехал в музей.
А потом он объехал полмира.

**Маруся
НОВОЖИЛОВА**

Один аксолотль из Китая
Считал, что коровы летают.
Но воскликнул жираф:
– Аксолотль, ты не прав!
И коровы, увы, не летают!

Настя МОРЕВА

Один папуас из Гвинеи
Решил заработать гиней.
Он пошел на работу –
Чистить хвост бегемоту.
И теперь у него есть гиней!

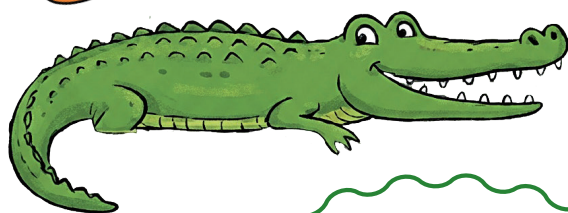
**Маша СОКОЛОВА,
Маруся НОВОЖИЛОВА,
Кирилл ФЕДОТКИН
и Тимофей ТУТУКИН**

На вершине вулкана Толбачик
Проживала смешная собачка.
Ей жилось горячо –
Она ела харчо.
Вот такая собачка богачка!

**Кирилл
ФЕДОТКИН**

С

Б

В

Т

Ш

ЛОГОПРИФЫ

Это есть у телефона,
Ноутбука и планшета.
Оторвите одну букву –
В ванной и на стройке
это.

**Настя Морева
и Маша Мисса**

Ответ: экран – кран

С буквой С
его измерим
Человеку или зверю.
А без буквы С – туда
Отправляется еда.

**Маша Соколова,
10 лет**

Ответ: Рост – рот

ШАРАДЫ

К последней букве в алфавите
Болезнь вы присоедините.
И получите предмет –
Без него и судна нет!

**Маша Соколова,
10 лет**

Ответ: якорь = я+корь

Возьмите сначала шестнадцать кило
И дерево – то, что в лесу подросло.
Получится милый и ласковый пес:
Пушистый, кудрявый, и кнопкой нос.

**Настя Морева
и Маша Мисса**

Ответ: пудель = пуд+ель

(Продолжение. Начало смотрите на странице 24.)

В детском доме все, и взрослые, и дети, пристально следили за событиями на фронте. Ежедневно на стенде перед столовой вывешивались свежие сводки Информбюро. Война была далеко, но ее дух пронизывал все: общее сиротство детей, воспоминания ребят о своих городах и селах, рассказы о родителях.

Все мероприятия посвящались будущей победе.

Материал Марго собирала в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Известия».

Как-то внимание Марго привлекла информация о заседании Президиума Верховного Совета СССР, принявшего важные указы для обороны страны. Также в газете сообщалось, что Ленинградский обком партии восстановил в членстве товарища Алексея Матвеевича Воронова. Давалась и его краткая биография.

Из рабочих, активно участвовал в Октябрьской революции, являлся членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Сообщалось, что в тридцать седьмом году по доносу однопартийца Полякова Н.Г. обвинялся в зиновьевском заговоре, был незаконно осужден, но советский суд восстановил справедливость. Газета сообщала, что товарища Полякова исключили из рядов Коммунистической партии и что доблестные органы НКВД раскрыли его шпионскую сущность, он понес заслуженное наказание, а товарищ Воронов восстановлен в должностях.

Марго помнила слова матери, они ей врезались в память, когда она, семилетняя девочка, спросила об отце.

— Ты никогда не говоришь о моем настоящем отце, — девочка пристально посмотрела в глаза матери. — Расскажи, я умею хранить тайны, — заверила дочь.

— Ты помнишь отца?

— Смутно, — призналась Марго.

— Запомни: ты не Полякова. Ты — Воронова. У тебя был очень хороший отец, но плохие люди его оболгали.

Марго запомнила слезы матери.

Голод напоминал о себе именно ночью. От его прихода туманилось сознание. За черным окном выл ветер. Ветка то и дело царапала оконное стекло — то осторожно и уныло, то назойливо и тревожно.

Гера не забыла, как пожилая соседка по комнате, тетя Вера, работавшая когда-то учительницей музыки, помутилась рассудком на почве голода. Ночами по всей коммуналке разносились невнятные крики и вой. Мама наказала каждое утро заходить к старушке не только проверить, жива ли она, но и заставить ее подняться. Первыми умирали те, кто отказывался

вставать и умываться холодной водой. Мама постоянно предупреждала всех: «Движение — это наша жизнь. Заставляйте себя и других... Заставляйте!»

Когда тетя Вера почти перестала реагировать на Геру, тем более вставать, ее взгляд не блуждал по потолку, как это было раньше. Гера вспомнила мамино «заставляй!», и девочка принялась кричать на застывшую тетю Веру. Но бесполезно. Вера безучастно смотрела куда-то мимо Геры.

— Я сейчас, тетя Вера, буду тебя бить, — голосила Гера. — Я этого не хочу, но я должна заставить тебя подняться, — по щекам девочки побежали слезы.

Гера подняла безжизненную руку старушки и принялась ее кусать... Никакой реакции.

— Ну пожалуйста, — взмолилась девочка.

Старушка не реагировала. Необратимая стадия голода, когда человеку уже не хочется есть, да он и не может: его организм ест сам себя. Человек умирает от истощения, сколько бы его ни кормили.

Гера, понимая свое бессилие, заскулила, как щенок.

Вера лежала с закрытыми глазами: лицо заострившееся и белое-белое, как школьный мел. И неожиданно она приподняла отекавшие веки... Гера уловила этот миг и громко зааплодировала.

— Тетя Вера, — шептала она, склонившись над старушкой, — ну хотя бы приподнитесь, — умоляла.

Геру удивила улыбка пожилой женщины — добрая, мягкая, словно на какой-то миг ее сознание вернулось к ней, словно оно преодолело большой путь и неожиданно увидело дорогу к свету.

Тетя Вера протянула руку и погладила Геру по голове, а потом ее рука бессильно опустилась навсегда...

Воспоминания вызвали слезы. Ей часто хотелось плакать, и она плакала, если рядом никого не было и ее слез никто не видел. Плакала о папе и маме, о брате и сестре, плакала о Ленинграде, из которого ей пришлось эвакуироваться.

Гера часто думала: как там те, кто остался?... Она прекрасно понимала, что они еле выживают. С болью представляла, сколько же сотен детей, стариков умирают от голода, и ей становилось не по себе — слезы сами выступали, но, когда кто-то подходил поближе к Гере, она их миглом утирала и делала вид, что ничего не произошло. Она запомнила слова Дмитриевны, которые у директора вырвались произвольно: «Никто не должен видеть нашу боль. Никто!»

Славка Заварзин гордился своим отцом, хотя тот перед войной ушел из семьи. Партия отправила его работать в далекую деревню, мать отказалась ехать с детьми в неизвестную глухомань. Иван Семенович Заварзин отправился добровольцем на фронт, хотя

имел бронь, будучи директором небольшой сельской школы.

— Как я буду в глаза детям смотреть?! — возмущался он в военкомате. — Их отцы воюют, а я...

И уговорил, убедил.

В газете «Правда» появился очерк о подвиге политука И. С. Заварзина, который поднял свое подразделение в атаку и не дал противнику занять выгодную стратегическую позицию. За решительные и смелые действия, сообщала газета, политука Заварзина И. С. наградили орденом Красной Звезды.

Славка ходил по детскому дому гордый. Ему все завидовали, кроме Ильи Лобова.

— Представляешь, у меня нет ни одной фотографии с родителями, — поделилась сокровенным Марго, когда Гера показала ей фото своей семьи.

— Все, что от нас осталось, — со слезами прошептала Гера. — Эта единственная наша семейная фотография, — голос подруги дрогнул. — Я даже помню день, когда отец пришел и объявил, что в воскресенье мы все торжественно одеваемся и идем в фотоателье Буллы на Невском.

Марго внимательно рассматривала снимок.

— Как ты его сохранила?

— Всегда носила с собой, — с готовностью ответила Гера. — Красивую рамку мама выменяла на рынке на крупу. Фотография долго лежала в серванте. Мама часто ее оттуда брала и, рассматривая, гладила. Потом, когда мамы не стало, я взяла фотографию и стала носить с собой. Боялась потерять, потому что мы все на ней.

Марго вздохнула.

— У меня нет фотографий с родителями. Я нашла несколько, но без второй половинки, где был отец. Неполное фото, — печально констатировала Марго. — В моей жизни не хватает той оторванной половинки.

— Кто это сделал? — с непониманием спросила Гера.

— Мать, — спокойно и рассудительно ответила Марго.

— Зачем?

Марго сделала вид, что не услышала вопроса, ее губы сложились в горькую улыбку.

— Большинство из нас живут с оторванными половинками.

— Почему? — допытывалась Гера.

Повисла тишина. Марго не хотелось отвечать на вопросы подруги, но и отмолчаться — не выход. Появились бы новые, на которые так же не захотелось бы отвечать.

— Потому что время такое, когда теряешь свои по-

ловинки. К этому привыкаешь, — Марго вновь натянуто улыбнулась.

Гера задумалась, на ее лбу появилась складка. Она подозревала, что подруга чего-то недосказала, но вслух она никогда бы свои догадки не произнесла — боялась.

— Ты сильная, — тихо произнесла Гера.

— Возможно, — согласилась Марго и посмотрела на подругу. — Ты тоже сильная.

— Я — трусиха.

Марго обняла ее.

— Мама меня учила, чтобы я никогда и никому не показывала своей боли, потому что это делает человека слабым и уязвимым. Мама говорила: больно — смейся, громко, нахально, и тебя будут бояться и уважать. Многие думают, что сила в кулаке, — Марго покачала головой. — Сила в другом, — она показала пальцами на голову. — Сила здесь, и сила здесь, — Марго приложила ладонь к груди, где находилось сердце.

Гера улыбнулась — улыбка была подкупающей, вызывающей ответную улыбку.

Славка Заварзин никак не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Он находился под впечатлением от встречи с Герой. Она сама предложила ему прогуляться.

— Зачем? — не понял Славка.

— Просто так.

Славка подумал и согласился.

Девчонки Заварзина мало интересовали, пока не появилась Гера. Первое время он не обращал на нее никакого внимания, а потом что-то изменилось. Тайной радостью стало ощущать, как зреет в сердце хорошее, теплое чувство, как заполняет оно все его существо, как рвется из груди песней, лаской и порождает то нежную грусть, то непонятный подъем. Все началось с того случая, когда Гера предложила Славке и Илье помочь с математикой. Когда она объясняла парням решение задачи, Славка не столько слушал девчонку, сколько ею любовался.

Неожиданно он стал мнителен на тему своей внешности. Ему казалось, что у него слишком длинный нос, чересчур ровные скулы, глаза слишком маленькие и светлые, волосы мрачно-черны. Славка изменил отношение к одежде, стал намного опрятнее. Это заметил даже его друг Илья.

В спальне было душно, Славка поднялся, открыл форточку, снова прилег. На соседней кровати беспокойно заворочался пятилетний Максимка. Малыш считал Славку родным братом. Он быстро привязался к Заварзину и однажды напрямик спросил:

— Будешь мне братом? Больше у меня никого нет.

— Буду, — уверенно ответил Славка.

В детском доме такие заботливые отношения между старшими и малышами становились нормой. Когда Славка сдружился с Ильей, Максим подошел к Лобову, протянул первым руку для приветствия и произнес:

— Ты тоже станешь моим братом!

Илюха не возражал. Так у Максимки появилось два брата, которые заботились о малыше.

— Слав, можно я к тебе приду? — заканючил Максимка. — Мне страшно.

— Залазь.

Максимка юркнул в кровать к Славке, прижался к нему. Заварзин чувствовал дыхание названного братишки на своем плече. Он сильнее прижал к себе малыша, заботливо укрыл одеялом.

— Слав, ты меня любишь? Мне так хочется, чтобы меня любили, — Максимка еще крепче прижался к брату.

— Конечно, — шепотом, смущенно выдавил из себя Славка.

Сна как не бывало, все перемешалось у Заварзина в голове. Трепетные воспоминания о вечере, проведенном с Герой, затопили его, а тут еще и Максимкино признание...

Наверное, подумал Славка, когда человеку хорошо, он способен лучше понимать других, чем, когда ему плохо. Максимка счастливо обнял Славку за шею.

— Хорошо, что вы с Ильей мои братья!

Максимка от радости не закрывал рта, его голос звенел волнением, и он так торопился, что проглатывал слова.

Славка слушал и улыбался. Он уже засыпал, а неутомимый Максимка все журчал и журчал, пока не уснул.

Ночь была темная и душная. Ни звезд, ни месяца. Казалось, что тьма становится густой и мохнатой, как шерсть. Даже далекая молния в последний раз мелькнула и исчезла.

Воскресенский детский дом мирно спал.

— 9 —

Орлова всякий раз напрягалась, когда в кабинет заходил майор госбезопасности Белов. Они познакомились сразу после назначения Марии Дмитриевны на должность директора. В отделе образования ее предупредили, чтобы перед отъездом в детский дом она обязательно зашла в управление НКВД.

Управление находилось в сером двухэтажном здании. Когда Орлова зашла в кабинет номер четыре, сидевший за письменным столом плотный мужчина даже не поднял головы. Дмитриевна стояла, словно просительница, не зная, как себя вести. Ее тело на-

лилось свинцовой тяжестью, когда майор на секунду оторвался от бумаги и сосредоточенно посмотрел на нее.

Похожий бугай пытал ее в тридцать седьмом в кабинете с прикрученным к полу столом на улице Урицкого.

— Твой брат организовал троцкистское гнездо в городе. Не смей лгать, будто ничего не знала, — и взгляд упитанного борова, в котором плескалось садистское предвкушение: сделаю с тобой все, что пожелаю. Бесконечные ночные допросы, счет которым Мария потеряла. — Все равно заговоришь! — самодовольно ухмылялся хмырь в капитанской форме.

Когда Орлову арестовали, она ждала первенца. Ему не суждено было родиться. Во время первого же допроса — сокрушительный удар в живот... и — тьма. Ломали ее долго и мучительно. Потом на допрос приволокли ее любимого восьмилетнего племянника.

— В твоих руках жизнь этого малолетнего выродка.

Мальчишку начали избивать, и его отчаянный крик навсегда врезался в память:

— Тетя Мария!.. Тетя Мария!

Она подписала все. Отреклась от всех. Ей дали десять лет. В лагере она продержалась чуть больше двух лет. Спасением стал Сандро — ее любимый Сандро. Именно его ребенка она так и не родила.

Сандро после окончания архитектурного института работал в мастерского академика Щусева, был одним из его самых талантливых учеников. В тридцать девятом году он вместе со своим учителем, возглавившим «Академпроект», на одном из рабочих совещаний представлял план построек зданий Наркомата внутренних дел. Хотя Лаврентию Павловичу предложенный проект пришелся не по душе (он высказал множество замечаний, и в конечном итоге проект заменили на другой), Берия покровительствовал Щусеву. Алексей Викторович в приватной беседе рассказал ему историю Сандро. Эта встреча решила все. Тридцатипятилетняя Мария Орлова вышла из Дмитровлага сломленной старухой. Сандро сумел выхлопотать ей комнатку, помог с работой. Потом посоветовал выйти замуж, чтобы сменить фамилию, но главное — нашел ее любимого племянника, томившегося в спецдетдоме Иркутской области, и перевел его в Кировский детский дом.

— Ни в коем случае не усыновляй — навредишь и себе, и парнишке. Просто будь рядом с ним.

Мария переехала в Киров, устроилась воспитательницей в детский дом, где жил ее племянник. Он, конечно, узнал тетю, бросился к ней, но она его остановила: «Никто не должен знать о нашей тайне!»

— Надеюсь, вы понимаете, насколько важно сотрудничество с нами, — Белов исподлобья посмотрел на посеревшее лицо Орловой и самодовольно

ухмыльнулся: «Бойтся — это уже хорошо».

— Конечно, — Орлова постаралась, чтобы ее голос прозвучал непринужденно.

Майор разглядывал Орлову, словно насекомое под микроскопом.

— Дети, которых вы привезли, нуждаются в тщательной проверке, — Белов продолжал буравить директора детского дома взглядом, который Дмитриевна выдержала. — Среди них могут быть дети, представляющие социальную опасность, — майор привстал. — Мы обязаны их изолировать, чтобы перевоспитать.

— Понимаю, — коротко ответила Орлова.

Майор Белов приезжал в детский дом почти каждый месяц и уезжал, увозя с собой кого-то из воспитанников.

Гера не говорила Марго, что плохо спит ночами. Бессонница развилась у нее еще в Ленинграде. Хотя город немцы ночью почти не бомбили, многие жили в ожидании. К утренним обстрелам как-то постепенно все привыкли. Гера вспомнила, как учительница в школе им говорила: «Полюбите свои страхи, и вы перестанете бояться».

Первые месяцы жители паниковали и цепенели при появлении немецких самолетов, но со временем свыклись с их ежедневными прилетами. Даже знали, какие районы чаще всего бомбят, в какое время, поэтому старались их избегать.

Днем в городе кипела жизнь: дети учились в школах, работали заводы, музеи. С утра народ отправлялся в очереди, чтобы отovarить карточки. Бурлила жизнь и на рынках. Ленинградцы поняли, что жизнь — это преодоление. Если ты сдался, уже никогда не поднимешься.

Совсем другим город становился ночью. Безлюдный Ленинград, принявший вахту у дневной суеты, погружался в сонную тревожную дремоту, наслаждаясь тишиной и гордым, величавым одиночеством, окутавшим его. Серебряная луна, как небесный страж, висела над спящим городом Петра. Ее яркий свет дробился в мутных водах Невы, отражаясь в окнах старых зданий и дворцов, благодаря чему сумрачный город приобретал четвертое измерение.

Идею разбить огород подала Владлена Морозова. Ее также удалось вывезти из блокадного Ленинграда, только попала в Воскресенский детский дом она зимой сорок третьего. Очень быстро она нашла со всеми общий язык и сдружилась. А еще любила рукодельничать. В феврале девочка заглянула в кабинет директора.

— Мария Дмитриевна, а где можно рассаду разводить?

Директор недоуменно уставилась на воспитанницу.

— Не поняла, о чем ты?

— Рассаду для огорода, — простодушно объяснила Владлена. — Скоро же весна, огород разбивать надо, а что сажать? — со всей серьезностью рассуждала воспитанница.

— Ну вот, — рассмеялась Орлова. — У нас что, каждый суслик — агроном?

— Я занималась в биологическом кружке, — с обидой произнесла Владлена.

— И где ты возьмешь рассаду?

— По бабушкам пойду, — уверенно заявила воспитанница, — дадут. Тетки могут не дать, а бабушки — они добрые. Когда у меня никого не осталось, меня бабушка из соседнего дома приютила. Я ей помогала рассаду высаживать.

— В Ленинграде были огороды? — удивилась Орлова.

— Везде! — с живостью воскликнула Владлена. — Без них бы не выжили. На площади Воровского вокруг Исаакиевского музея разбили огороды, вокруг памятника царю.

— Какому царю? — не поняла директор.

— Тому, что напротив Исаакиевского музея, — Владлена нахмурилась, пытаясь вспомнить, что за памятник стоит на площади Воровского. — Его хотели снести, но потом передумали. Вокруг него тоже разбили огород, засадили белокочанной капустой и турнепсом. Крошечный огородик устроили даже у подножия памятника Суворову перед Кировским мостом. Засадили цветной капустой, чтобы красиво было.

— Что еще сажали?

— Да все! — жизнерадостно рассказывала воспитанница. — Морковку, свеклу, картофель, укроп, фасоль. Все, что могло расти.

— А цветы? — поинтересовалась Орлова.

— Их тоже. Правда, немного, — бодро продолжала говорить Владлена. — Сажали, чтобы радовали глаз. На набережной разрыхлили газон для цветов.

— Господи! — вырвалось у Орловой. — Блокадный город, в котором выращивают цветы, победить нельзя!

Орлова безумно разгневалась, когда дежурная доложила, что Миненко явился к отбою пьяным, в грязной одежде.

Лицо директора напомнило темную грозовую тучу.

— Убью! — вырвалось у нее.

— Вы сейчас от него ничего не добьетесь, — глухо предупредила дежурная. — Он завалился на кровать и спит.

— Как спит? — опешила директор, проведя по лбу тыльной стороной ладони.

— Храпит, — повторила дежурная. — Громко храпит.

«Завтра, — пронеслось в голове Орловой, — но утром я ему покажу, как приходить пьяным домой...»

Гера вздрогнула, когда услышала голос Дмитриевны: она не заметила, как директор зашла в комнату. Ночью Орлова обязательно обходила корпуса детского дома.

— Чего не спишь? — спросила она, подойдя к кровати Геры.

— Вспомнила Ленинград.

— Я тоже часто ночами вспоминаю свой город, — доверительно произнесла Дмитриевна. — Пойдем в дежурку, попьем чайку, — предложила директор. — Я на час отпустила домой тетю Наташу.

Гера с радостью приняла предложение директора. Дмитриевна давно стала для нее близким человеком, внушающим доверие.

— Знаете, — Гера посмотрела на старшую собеседницу, — как-то я стояла в очереди в магазине, и к нам неожиданно подошла девчонка в военной форме с автоматом. Я еще подумала: какая она молодая, а уже воюет.

— Захотела сама на фронт? — в голосе директора послышались нотки доброжелательной иронии.

— Нет, — мотнула головой Гера. — На мне были младшие, я не могла их оставить.

— Думала, как взрослая, — похвалила Орлова.

— В блокаду мы не выросли, мы старели, — произнесла Гера спокойно, без надрыва.

Директор понимающе кивнула.

— И вот та девочка с автоматом, — продолжила Гера, — зашла в магазин и попросила продавщицу продать ей конфет. Та посмотрела на нее как на сумасшедшую и спросила: «Талоны есть?» Девушка ответила, что талонов нет, что она с линии фронта по делам и через час возвращается назад. Продавщица ей так грубо: «Вот когда будут талоны, будут и конфеты». И вдруг вся очередь как накинута на продавщицу, а та отбиваться, что не положено без талонов что-то выдавать. И бабулька, которая была ближе всех к продавщице, протянула этой девчонке свои талоны. «Возьми, доченька. Я потерплю!» И к продавщице требовательно: «Дайте ей конфет. Вырежьте у меня талон». И вся очередь загудела: «Дайте ей конфет. С нас возьмите талоны».

— Дала продавщица девчонке той конфеты?

— Да, — кивнула головой Гера. — Видать, стыдно

ей стало.

Мария Дмитриевна вздохнула, медленно покачала головой.

— Война, — директор задумалась, подбирала слова, — она ведь несет не только горе и смерть, она еще проверяет людей, шлифует их личности.

— Шлифует? — в недоумении переспросила Гера.

— Да, — спокойно подтвердила Орлова. — Война выявляет человеческие изъяны, показывает, кто есть кто. Обостряется все — и плохое, и хорошее, что есть в каждом. Война, как проверка на стойкость, на гуманность.

Орлова обняла Геру, понимая, как девочке нужна сейчас материнская ласка. «И разве только одной ей!» — мелькнуло в голове директора. И от осознания того, что всех не обнимешь, стало горько на душе.

— Знаете, — вспоминала Гера, — когда папа ушел на фронт, он попросил меня, чтобы я за него молилась. А я же не знала никаких молитв, я же атеистка. Какие молитвы, какой Бог?.. А папа мне: «Доченька, молись. Мне будет легче, если буду знать, что кто-то за меня молится».

— Молилась?

— Да, — призналась Гера. — Каждую ночь говорила какие-то самые простые слова... Очень простые: чтобы папа вернулся живым, чтобы никакая пуля его не тронула, а потом стала просить за всех — за маму, чтобы вернулась с работы, за братика и сестру. Никто не видел, как я молилась. Я тайно, украдкой молилась. Осторожно. Меня, наверное, за это не возьмут в комсомол.

— Возьмут, — успокаивала Дмитриевна. — Ты просто об этом никому не говори. Поверь, многие вот так же, как ты, молятся за своих близких.

— И вы?

— И я, — ответила Орлова, чуть помедлив.

— Спасибо вам за этот разговор, — прочувствованно произнесла Гера, сжав руку директора.

Собрание детсовета традиционно проходило после ужина в кабинете директора. Все заранее знали, что на заседании будут разбирать Вовку Миненко за то, что он явился домой пьяным.

Он явился на собрание, его еще штормило и потряхивало. Вовка старался скрыть волнение, но по тому, как он часто мигал и виновато взирал на Марго, все понимали: Миненко стыдно за свой поступок.

Собрание открыла председатель — Марго.

— В нашем Доме произошел вопиющий случай, грубейшее нарушение дисциплины, — начала она сухим, холодным тоном. — Владимир Миненко опозорил своим поступком детский дом.

Полякову слушали внимательно, но многие из ребят потупили глаза. Вовка краснел и теребил рукав.

— Миненко, расскажи всем нам, как ты дошел до такой жизни.

Все с интересом ждали, что же он скажет в свое оправдание. Вовка хмуро и неловко топтался на месте. Миненко никогда не стоял до этого на лобном месте. Других отчитывал, осуждал, а когда дело коснулось его — растерялся. Он и сам себе не мог объяснить, зачем выпил. Помогал сельчанину с баней, а когда работа была сделана, тот предложил отметить. Вовка отказался, но, услышав в ответ: «Это не по-мужски!», передумал, потому что всегда считал себя мужчиной в семье, даже когда остался без отца.

Самогон быстро ударил подростку в голову, а мужик все подливал и подливал в стакан из бутылки. Вовка не помнил, о чем говорили. Он все-таки нашел в себе силы подняться и решительно заявить: «Мне пора домой». Мужик предлагал остаться, но Вовка ответил: «Ночевать надо только дома» — и побрел, шатаясь, в детский дом.

— Так получилось, — Вовка старался придать лицу по возможности непринужденное выражение. Ему не хотелось, чтобы все видели его стыд. — Я не мог не выпить.

Измотанное лицо директора от неожиданности вытянулось, она вопросительно уставилась на воспитанника.

— Это почему же не мог? — фраза, произнесенная подобным тоном, ничего хорошего не предвещала.

— Потому что не выпил бы — не был бы мужчиной.

На какое-то время в кабинете повисла гнетущая тишина, как перед грозой.

— Железный аргумент! — вырвалось с издевкой у Орловой. Ее губы скривились, словно она выпила горькое лекарство. — Значит, в нашем Доме только ты один мужик, а все остальные — кто? — ее стальной взгляд вонзился в Миненко.

Вовка запнулся, понял, что сказал лишнее.

— Я не это имел в виду, — воспитанник начал оправдываться, но было поздно.

— Владимир, ты подорвал мое доверие! — в гневе воскликнула директор.

Она сняла очки, поискала платочек, не нашла, снова надела очки и продолжила:

— Я всегда считала, что могу на тебя положиться, но ты показал себя безответственным человеком. Предлагаю, — голос директора резко изменился, стал приказным, — Миненко вывести из состава детского совета — это раз. Второе, — Орлова перевела дыхание. — Я не подпишу тебе рекомендацию для вступления в комсомол. Алкоголики там не нужны, — этот вердикт прозвучал как взрыв бомбы.

Никто не ожидал, что Вовку так сурово накажут.

Отчитают, но вывести из состава детского совета и не дать рекомендации для вступления в комсомол — это чересчур строго.

Все молчали, надеялись, что Мария Дмитриевна все же смягчится.

— Допрыгался, — холодно прокомментировала решение директора Марго, обращаясь к поникшему Вовке.

— Тогда я сбегу на фронт, — с вызовом ответил Вовка, чем еще больше завел директора.

— Я тебе такой фронт устрою! — взорвалась Орлова. — Не забудь в военкомате рассказать о своей пьянке! — выпалила в сердцах директор, но все же чувствовалось, что она медленно успокаивается. — Голосуем. Кто за то, чтобы Владимира Миненко вывести из состава детского совета?

Орлова подняла голову и пристально наблюдала за членами детсовета. От ее наметанного глаза не ускользнула их нерешительность.

— Мария Дмитриевна, — поднялся Валерка Чижев. За небольшой росточек его нежно все звали Чижином. Он не обижался. — Я считаю, что Вовка заслужил наказание, но я против, чтобы его вывести из детсовета. Он же душа нашего совета.

— Душа, говоришь? — недовольно фыркнула директор. — Эта душа всех вас подвела.

— Мы возьмем его на поруки, — вмешалась Марго.

— Мы — это кто?

Марго собрала всю свою силу воли и, как только могла, твердо и непрекаемо промолвила:

— Конкретно — я!

— Хорошо подумала? — Орлова сверлила взглядом лицо Марго.

— Хорошо! — сдержанно ответила председатель.

— Что скажут другие? — директор обратилась к притихшему детсовету.

— Я за предложение Марго, — поднялся Славка Заварзин. — Вовку нельзя изгонять из детсовета. Если мы коллектив, то должны помочь другу, который оступился. Вовка — хороший парень, — заключил Славка.

Орлова не ждала, что Заварзин заступится за Миненко. Парни между собой не ладили, об этом в Доме знали все.

Поднялась Гера. Марго с тревогой посмотрела на подругу.

— Володя неправильно поступил, но я уверена, что ему стыдно за свой поступок. Ему надо дать возможность всем нам доказать, что он может исправиться. И я тоже против исключения Миненко из детского совета. Он нам нужен.

— Гера права, — поддержала выступление Катя Иволгина. — Оступиться каждый может. Если мы коллектив, то должны помочь Володе.

— Так что предлагаете? — Орлова с интересом наблюдала за тем, как детсовет всеми силами старался спасти Миненко.

В кабинете облегченно вздохнули, почувствовали по голосу, что директор смягчилась.

— Месяц работы в колхозном коровнике, — бескомпромиссно предложила Марго.

Орлова договорилась с председателем колхоза, что старшие воспитанники будут помогать убирать в коровнике, а за это детдом будет получать молоко для малышей. Работа в коровнике была тяжелой, дежурили там по очереди.

— Все согласны? — строго спросила директор.

— Все, — послышались голоса.

— Тогда голосуем, — предложила Дмитриевна. — И месяц Миненко не участвует в работе детсовета, — добавила она.

Проголосовали единогласно.

Ночью, работая с бумагами, Орлова прокрутила в голове прошедшее заседание, осталась им довольна. Ей понравилось, что детсовет не пошел на поводу у директора, что отстаивали товарища, как могли, и главное — смогли.

Уроки закончились. Учительница литературы попросила Геру задержаться, чтобы отрепетировать стихотворение для конкурса чтецов. Выбрали «Белет парус одинокий» Лермонтова.

Они репетировали больше часа. Когда Гера вышла из кабинета, в школьном коридоре никого, кроме уборщицы, не было. Гера подошла к окну, чтобы оценить погоду: с утра сыпал легкий снежок. Сердце ее екнуло, когда она увидела Славку Заварзина с Леней Истоминой. Они стояли у школьной беседки, прижавшись друг к другу. Голова у Геры закружилась. Она хотела отойти от окна, но доселе ей неведомое чувство не отпускало, командовало: смотри и делай выводы! Смех Славки и Истоминой невыносимо ранил девушку.

— Милуются голубки, — язвительно произнесла подошедшая уборщица тетя Тоня. — И не стыдятся ничего... Щас еще и целоваться начнут.

И в самом деле, Гера увидела, как Истомина обняла Славку за шею... Гера почувствовала, как медленно цепенеет. Ей показалось на мгновение, что она оглохла — ничего не слышала, только смотрела, как ее Славка... Предательство оглушает.

Больше наблюдать за ними у нее не хватило сил. Она машинально отошла от окна. Тетя Тоня смерила Геру насмешливым взглядом.

Вечером Вовка все же уговорил Марго выйти на

крыльцо корпуса.

Они молчали, Миненко не знал, что сказать любимой девушке.

— Вовка, еще раз появившись в доме пьяный, — Маргарита остановилась, осеклась. Она не знала, как правильно подобрать нужное слово. Ей не хотелось говорить, что она его разлюбит или что-то в этом роде, потому что знала — не разлюбит, но и не смирится, если вдруг Вовка снова напьется. — Перестану с тобой дружить, понял?..

Миненко задумался. Подошел к Марго, взял ее за руки.

— Любить тоже перестанешь? — спросил он.

— Ну тебя, Миненко...

Гера проснулась задолго до рассвета, сразу же вспомнила, что видела вместе Славку и Ленку, и снова заболело, защемило сердце в невыразимой тоске.

Еще вчера она решила, что Славка для нее больше не существует. Даже если попросит извинения, все равно она его не сможет простить. Измены не прощаются!

Гера сама себя убеждала, что любовь, приносящая страдания, ничего не стоит. И не надо сожалеть о друге, который пренебрегает настоящими чувствами. Ловила себя на том, что повторяет почти те же слова, которыми уговаривала Марго забыть Володьку...

Как же участился пульс, когда она встретила на школьном крыльце Славку! Догадалась, что он ждет ее. Да, он ее ждал.

— Гера! Гера!

Славка хотел взять ее за руку, но она спрятала обе руки за спину.

— Того, что было, — впопыхах промолвила, — уже не может быть между нами!

Славка что-то говорил, оправдывался, но Гера не слушала, быстро ушла, хлопнув дверью.

На уроке географии получила от Заварзина записку: «Нам необходимо поговорить».

О чем? Им уже не о чем говорить. Все прошло, ничего нет.

После уроков Славка пошел за нею.

— Гера, выслушай, — Заварзин остановился, — случилось недоразумение!

Он объяснял, что тогда пошел с Истоминой в учительскую, чтобы помочь ей отнести карты по истории. Потом ждал ее, Геру... Не дождался. Просто ошибка, разминулись.

Нет, Гера не верила. В конце концов, мог вспомнить и о ней. В прошлый раз, когда она относил карты в учительскую, Славка не бросился ей помогать, а здесь... Шли и не просто болтали, а смеялись... Им было весело...

— Простимся, Слава, — сказала она, ощущая, как разрывается у нее сердце. — Прощай! Будем, как и раньше: я — Гера, ты — Слава. Так будет лучше.

— Для кого лучше? — Заварзин уставился на Геру.

— Для нас, — тихо произнесла она.

— Да ничего у меня с Ленкой нет, — принялся снова оправдываться Славка.

Гера слушала невнимательно, она ушла в себя.

— Ты меня слушаешь? — Заварзин дотронулся до руки подруги. Она вздрогнула.

— Да, — машинально ответила Гера. Повернувшись к Славке, пристально вглядываясь в лицо любимого. — Может, это и в самом деле было недоразумение, но меня всегда будут мучить сомнения. И это станет отравлять нашу дружбу. Я сделаю все для того, чтобы забыть тебя, чтобы ты был для меня только товарищем, одноклассником. А если у тебя осталась какая-то капля чувства ко мне — развеяй ее по ветру! По ветру, как пепел...

— Гера, я докажу тебе, что это ошибка! Я докажу тебе! Поверь! Я тебе клянусь! Чем тебе поклясться?

— Не надо... Слава, я видела, как ты с ней целовался. Я все видела. Я не пожелаю тебе такой ночи, какая была у меня вчера.

— Это был дружеский поцелуй... Дружеский, — отчаянно доказывал Заварзин.

Он хотел еще что-то сказать в свое оправдание, но Гера решительно произнесла:

— Не надо! Не унижай себя враньем! Оставайся в моей памяти таким, каким я тебя любила... Прощай, Слава!

Вечером Гера плакалась Дмитриевне, та ее жалела.

— Первая любовь всегда несчастная.

— Почему?

— Потому что первая, — с грустью ответила Орлова.

После ужина Гера попросила у директора скрипку и сыграла «Грозу» из «Времен года» Вивальди. Играла взволнованно, с чувством, откинув назад голову, будто видела в эту минуту, как месяц заволакивался тучами в предчувствии ливня.

Когда под вечер в кабинет вошел майор Белов, у Орловой болезненно сжалось сердце.

— Приехал за вашим Миненко.

Дмитриевна и бровью не повела.

— Что он натворил? — уголки губ хозяйки тесно-го кабинета предательски подрагивали.

— Ничего, — надменно произнес энкакэгэбэш-

ник. — Надеюсь, что мы его, гаденыша, сына врага народа, не найдем, — выругался Белов.

Володю увезли.

Вечером в окно снова мягко постукивал дождик.

— За что его забрали? — ворвавшись в кабинет директора, с отчаянием спросила Марго.

— Его отец попал в плен к немцам. Теперь он сын врага народа, — жестко осадила воспитанницу Орлова.

— Он ваш племянник, и вы ничего для него не сделаете?

Директор стояла у открытой форточки, курила, не стесняясь воспитанницы. Нахмурилась, услышав вопрос, помолчала, потом горестно тряхнула головой.

— Прошное, — простонала Орлова. Отец Володьки ушел из семьи, когда сыну исполнилось пять лет. Когда умерла мать — у нее открылся туберкулез, — мальчишка попал в детский дом, из которого его и забрала тетка. — Проклятое прошное. Я надеялась, что от него избавилась...

За окном кабинета продолжал барабанить дождь.

— Время сейчас такое, — продолжила она неопределенно.

Орлова подошла к столу и села, взяла бумагу, сделав вид, что внимательно изучает. Ее пальцы, неправильно сросшиеся после того, как их на допросах переломал (не спеша, смакуя каждый удар, рукоятью пистолета) старший следователь капитан Березин, подрагивали.

— Какое?! — не сдерживая себя, закричала Марго.

— Терпеливых и ждущих!

— И вы ничего не сделаете? — истерила, заливаясь слезами, Марго.

Орлова снова поднялась и подошла к окну. Опять закурила, выпуская дым в форточку...

Марго застыла в ожидании. Орлова повернулась и холодно сказала:

— Все, что я могу сейчас сделать — это громко молчать, — директор отвела взгляд.

Темнота за окном, казалось, приблизилась и заполнила кабинет.

— Громко молчать? — не веря услышанному, переспросила потрясенная Марго.

Орлова внимательно посмотрела на воспитанницу, обдумывая, говорить или нет... «Кто ей это скажет, если не я?» — пронеслось в голове.

— Громко молчать, — начала она негромко, — это умение контролировать себя, свои эмоции. — Орлова посмотрела девочке в глаза. Лицо ее стало серьезным. — Со временем ты поймешь, как это помогает. Я директор детского дома. На моем попечении девяносто восемь детей. Я должна думать не только о Миненко, но и о них. Помнишь, ты рас-

сказывала мне о своей матери? Это был ее способ громко молчать, чтобы спасти тебя.

— Вы предали Вовку, — вспыхнула Марго, глаза ее сверкали.

— Предательство — это когда человека выбрасывают из своего сердца навсегда, — губы Орловой гневно сжались. — Володя, — у Орловой перехватило дыхание, она справилась, приложила руку к груди. — Он там навсегда. Он единственный, что у меня было на этом свете.

— У меня тоже, кроме него, никого нет! — крикнула в озлоблении Марго.

— Неправда, — холодно и жестко возразила директор. — У тебя есть подруга. Цени это! Быть не одной — это... — Орлова почувствовала, что не справляется с эмоциями. Быстро достала сигарету, закурила. Одна, две, три затяжки — дыхание выровнялось. Орлова глубоко выдохнула, оставила сигарету в пепельнице. — Быть не одной — это быть не одной, — произнесла она эмоционально, но абстрактно, и все-таки Марго поняла ее.

— Мария Дмитриевна, — глотая слезы, произнесла Марго. — Вы правы: у меня есть Гера, у меня есть Володя, и у меня есть вы.

Больше не сдерживая себя, Марго дала волю слезам. Плакала и Орлова.

После того, как увезли Вовку Миненко, Марго изменилась: словно подросла, стала суровее, глаза потемнели, сделались глубже, и под ними залегли синеватые тени.

Пятого августа тысяча девятьсот сорок третьего года Совинформбюро сообщило, что советские войска в ходе кровопролитных боев освободили город Белгород. Из кабинета директора детского дома послышалось громкое «Ура!».

Через несколько минут Мария Дмитриевна вызвала к себе весь детский актив. Такой счастливой директора ее воспитанники еще не видели.

— Наши освободили Белгород! — радостно сообщила директор. — Ребята, это мой родной город. Там остались мои родители. — Слезы мешали ей говорить. — Передали, что вечером будет салют! — торжественно объявила она.

— Что такое салют? — полюбопытствовал неугомонный Ромка Нехлюдов.

В детдоме все к нему с уважением обращались «Ромыч».

Когда немцы вошли в его село, всех жителей загнали в коровник. Ромка сумел сбежать и спрятаться в кукурузном поле. Издалека, глотая слезы, он наблюдал, как немцы со всех сторон подожгли деревянное здание, в котором оказались и его мама с се-

стренкой; как оно мгновенно загорелось. Он вернулся в деревню, увидев, что немецкие мотоциклы, две бронемашинны и несколько легковых машин уехали. Увиденное на пепелище враз состарило двенадцатилетнего мальчишку. Потом был партизанский отряд, медаль «За отвагу» и тяжелое ранение, после чего малолетнего героя отправили в госпиталь, а потом в детский дом...

Директор и сама ни разу в жизни не видела салюта.

— Это когда в небе много разноцветных огней, — сказала она.

— Надо, чтобы об этом событии знал не только детдом, — по-деловому предложила Марго, — но и школа, и село. Организуем концерт в клубе.

- 10 -

Максимке хотелось внимания, хотелось поиграть со старшим братом Славкой. Они часто проводили время вместе: воображали себя пиратами или строителями неприступных крепостей из старых одеял и подушек. К их играм присоединялся и Илья, когда выдавалась свободная минутка.

Но Славке было не до игр. Он сидел за столом в комнате самоподготовки, хмуро уставившись в учебник. Стол был завален разбросанными тетрадями и обгрызенными карандашами.

Максимка подошел к Славке и протянул потрепанного плюшевого медведя с оторванным ухом.

— Помоги зашить Мишке ухо, — попросил он.

Лицо Славки исказилось гримасой раздражения.

— Отстань! Не видишь, я занят!

Максимка замер, прижимая к себе медведя.

— Но...

Славка резко развернулся.

— Чего прилип, как банный лист? — голос его сорвался на крик.

Максимка испуганно отшатнулся. В глазах зацепило. Он не понимал, что сделал не так. Почему Славка так разозлился?

— Я же твой братишка? — тихо вскрикнул Максимка.

— Братишка! — Славка взорвался. Слова вылетали из него, как пули, ранив Максимку в самое сердце. Он кричал про ненавистную математику, про глупых учителей, про то, как устал от детдома и, главное, как ему надоел этот мелкий, вечно лезущий под руку, требующий внимания Максимка.

— Привязался... Не братишка ты мне, понял?! — продолжал захлебываться в истерике Славка. — Ты мне никто!

Максимка замер. Его цыплячья шейка, выглядывавшая из широкого ворота поношенной кофты, казалась особенно хрупкой и незащищенной. К влажно-

му лбу прилипли светлые волосы. Максимка молча повернулся и медленно пошел прочь, прижимая к себе потрепанного медведя. Впервые он видел Славку таким: таким злым, таким чужим. Когда Славка замолчал, в комнате повисла давящая тишина.

— Славка, ты чего? — Илья никак не мог понять, что вызвало такой гнев друга.

— Чего вы все ко мне пристали?! — продолжал неистовствовать Славка.

Максимка, вскочив, босиком рванул к двери.

— Макса-то зачем обидел? Он-то в чем виноват? — спросил Илья, глядя вслед убежавшему мальчику.

— Отстань! — завопил Славка, внезапно осознав, что напрасно обидел близких людей.

— Отстану, — обиженно буркнул Илья и вышел из комнаты.

Славка долго не мог уснуть. Максимка ночевал не в комнате парней. «Ну и пусть катится в свой малышатник!» — с остервенением подумал Славка, натягивая одеяло до подбородка, словно пытаясь спрятаться от собственной совести.

Утро принесло лишь усиление тревоги. Славка не находил себе места. Он бродил по детскому дому, ища глазами Максимку. Но братишки нигде не было. Илья, увидев его бледное, осунувшееся лицо, лишь покачал головой и отошел в сторону.

Наконец, Славка решился. Он подошел к воспитательнице и тихо спросил:

— А где Максимка?

— Разве не с вами? — удивленно ответила Гавриловна.

Сердце Славки сжалось.

Детский дом не получал похоронки, и поэтому, когда Орловой позвонили из военкомата и поинтересовались, есть ли в списке воспитанников Вячеслав Заварзин, у нее дрогнуло сердце. Первое, что пришло на ум — сбежал, но тут же она вспомнила, что видела Славку после обеда.

— Да, есть, — подтвердила Орлова.

— Похоронка пришла на его отца. Будете в районе — зайдите, заберите.

Орлова почувствовала, как у нее подкосились ноги.

— Ошибки не могло быть? — хриплым голосом переспросила она.

— Война не ошибается, — и в трубке послышались короткие гудки.

— Мария Дмитриевна, — осторожно обратилась к

директору Гера. — Когда вы в первый раз влюбились?

От неожиданного вопроса Орлова даже сняла очки. Гера осталась в кабинете после заседания детсовета. Дмитриевна сразу поняла: воспитанница чего-то от нее хочет, но вопрос все равно удивил ее и застал врасплох.

— В шестнадцать лет.

— Как у вас все произошло? — продолжила расспрашивать Гера.

— Что все? — Дмитриевна с непониманием уставилась на воспитанницу.

— Ну, — Гера замялась, — любовь...

Орлова не удержалась, рассмеялась, отчего Гера почувствовала себя неуютно.

— Когда я училась в старших классах, за мной ухаживали два кавалера. Мама моя заметила, что один из них, когда приходит к нам домой, дарит мне конфетку, яблочко, а другой робко преподносит кулек конфет или пакет яблок. Я спросила маму, кто ей больше нравится. И она с иронией мне ответила: «Ты еще думаешь? Первый так и будет тебе выделять по одной конфетке и яблочку, а другой — все отдаст!» Когда я заболела, первый быстро забыл про меня — зачем ему обуза, да еще больная, а другой всегда находился рядом. Всячески меня и маму мою поддерживал. Даже с ложечки кормил, — с теплотой вспомнила Орлова.

— Как романтично, — вздохнула Гера.

Директор поняла: расспросы неспроста. Она надела очки и пристально принялась изучать лицо Геры.

— Заварзин? — тихо произнесла Орлова, догадавшись обо всем.

Сердце Геры забилося быстрее, она почувствовала, что краснеет.

— Он очень хороший парень, — заверила воспитанницу Дмитриевна. Она старалась, чтобы ее голос звучал как можно нежнее. — Со стержнем. Я смотрю на него, и мне иногда кажется, что внутри у него свеча горит.

— Ему нравится Истомина, — чуть ли не со слезами произнесла Гера.

— Уверена?

— Я видела, как они обнимались, — с болью ответила Гера.

Последовало длительное молчание. Наконец Мария Дмитриевна произнесла:

— Не торопись с выводами!

Новость о том, что на отбое не досчитались Максима Вершкова, мгновенно разлетелась по детскому дому. Старшим по поиску директор назначила Илью.

— Почему не я?! — возмутился Славка.

— Как ты можешь быть старшим, если не уберег братишку! — отрезала директор.

Славка попытался оправдаться, но Орлова прервала его суровым взглядом:

— Потом разберемся, — директор сурово посмотрела на Заварзина. — Главное — найти малыша.

Ребята разбились на шесть групп по четыре человека, четко согласовали маршруты с директором, но поиски не дали результатов. Все снова собрались в кабинете Орловой. Илья побежал в корпус проверить, все ли в порядке, принять дежурство у Славки. Никто не собирался расходиться, все гудели, как встревоженный улей. В кабинет вбежал запыхавшийся Илья.

— Я с малышкой поговорил, — выпалил он. — Они говорят, Макс к Спящему Рыцарю пошел.

— Зачем? — Славка почувствовал, как у него подкосились ноги.

— Сказали, что жаловаться.

— Жаловаться? — не поняла Орлова.

— Здесь легенда ходит, что, если обиды рассказать Спящему Рыцарю, он накажет обидчика.

— До сопки этой еще через речку идти, на тот берег...

Славка первым вылетел из кабинета, за ним побежали остальные.

Орлова накинула что-то на плечи и бросилась следом.

Максимка лежал на скамейке у подножия сопки и уснул. Он решил, что перейдет речку утром, а если утонет — что ж, смерти он не боялся. Мальчонка вспомнил, как забежал в бабушкину комнату. «Бабушка! Бабушка! Ты спишь?» — крикнул он. Ответа не было. В темноте он подошел ближе. Глаза бабушки были полуоткрыты. Маленький Максимка положил руку ей на лоб — так она всегда делала с ним, а потом говорила деду: «Тепленький». Лоб у бабушки был холодным, как гранит на морозе... Не помня себя от ужаса, Максимка вернулся к деду: «Она умерла!» В ответ — едва слышный шепот: «Ей теперь лучше. Не бойся, скоро и мы все умрем». Дед из последних сил дошел до райкома партии. Зашел к секретарю. Максимка не знал, о чем они говорили. Вышел седовласый мужчина в военном френче и приказал тетке за столом: «Ивановна, выпиши путевку в детский дом».

Всклипнув во сне, Максимка перевернулся на другой бок. Холод пробирал до костей. Он пожалел, что не послушал Илью и не остался в корпусе. Но обида была сильнее страха. Славка накричал на него, обзвал, сказал, что он ему не брат. А ведь Максимка так хотел, чтобы у него был настоящий брат.

Максимка проснулся от того, что его кто-то настойчиво тормозил. Он приоткрыл глаза. В свете

луны он увидел силуэты людей, бегущих к нему. Первым он узнал Славку.

— Живой! — неистово кричал обезумевший Заварзин. — Не утонул!!

Максимка непонимающе уставился на Славку.

— Какое тебе дело, утонул я или нет? Ты мне не брат! Не хочу тебя знать!

— Братишка, ну что ты такое говоришь? — взмолился Славка.

Максим был непреклонен.

— Ты сам кричал, что я тебе не братишка!

— Братишка, еще какой братишка! — отчаянно доказывал Славка. — Был бы не братишкой, стал бы я ночью тебя искать?!

Макс недоверчиво задумался. Славка опустил на колени перед братишкой.

— Даю тебе слово, что больше никогда не скажу, что ты мне не братишка — клянусь!

— Хорошо, — сдержанно ответил Максим.

— Пойдем, братишка, домой, там все наши волнуются.

К речке подбежали остальные ребята, окружили их. Все радовались, что маленький Максимка нашелся, жив и здоров.

Славка нес Максимку на руках домой, как самое дорогое на свете сокровище.

Марго с Герой отправились встречать закат на Хилке. Золотые лучи, пронзая кроны сосен, багрянцем разливались по речной глади. В прохладном воздухе, настоящем на хвое и полевых травах, чувствовалась свежесть. Они устроились на поваленном бревне, замороженно наблюдая, как солнце медленно погружается за горизонт.

— Марго, — Гера, погруженная в свои мысли, нарушила тишину, — иногда мне кажется, что закаты — это клавиши фортепиано. Каждый оттенок — отдельная нота, каждая тень — пауза, наполненная глубоким смыслом.

— В закатах есть тоска по уходящему дню, — тихо отозвалась Марго.

— А знаешь, кто из музыкантов умел это передать лучше всего? — Гера загадочно взглянула на Марго. — Шопен. Его ноктюрны — это закат, переложенный на музыку. В них есть и свет, и тень, и та самая тоска, от которой сжимается сердце.

— Вот что значит быть музыкантом, — улыбнулась Марго.

— Мне еще далеко до музыканта...

— Ты обязательно станешь первой скрипкой, как мечтал Коля.

— Почему ты так этого хочешь?

— Чтобы ты поверила в себя, в свой талант, чтобы

поняла, что музыка — твое призвание.

Они помолчали, наблюдая, как закат разгорается всеми оттенками красного и оранжевого, постепенно уступая место наступающей ночной прохладе. Тишину нарушал лишь легкий шелест листьев.

— Если хочешь знать, я — мамина копия, — Марго выдавила из себя улыбку, и Гера почувствовала, что подруга готова открыться.

— Твоя мама, должно быть, была очень красивой.

Марго пристально посмотрела на подругу.

— Ты права, моя мама была невероятно красива. Мне так жаль, что она... что она застрелилась.

— Застрелилась?! — Гера вздрогнула от неожиданности.

— Да, — после долгой паузы спокойно повторила Марго. — Она застрелилась. Сказала, что не вынесет Соловков... За ней должны были прийти.

— Кто? — прошептала Гера, словно боялась, что их разговор подслушают. Она вспомнила, как однажды пожаловалась маме на несправедливую оценку по математике, и та одернула ее: «Никогда не спорь с учителями, тем более громко. Учись говорить шепотом».

Марго хмыкнула и, помолчав, ответила:

— Те же, кто забрал Вовку, — мрачно выдавила она, опустив голову.

— За что твою мать должны были отправить на какие-то Соловки? Кем она была?

— Дело не в том, кем была моя мать, — Марго посмотрела на подругу. — Думаю, вся проблема была в том, что она была женой моего отца.

— И за это отправляют на Соловки? — ужаснулась Гера.

Марго не ответила. Она не знала точного ответа, но в голове эхом звучали слова Марии Дмитриевны: «Это ее громкое молчание, чтобы спасти тебя».

После трагедии Марго спросила у отца, почему мама так поступила. Его ответ озадачил ее еще больше: «Чтобы освободить меня от страха!»

Гера крепко сжала руку подруги. В этом коротком прикосновении было заключено все ее сочувствие и поддержка. Она понимала, что сейчас слова будут лишними. Марго нуждалась не в утешениях или советах, а в понимании и принятии. И Гера была готова дать ей это.

— Когда мама застрелилась, отец отправил меня к тетке в Сестрорецк. Мы с ней не ладили, и я сбежала. Вернулась домой. Отец открыл дверь, посмотрел на меня с раздражением и недовольно сказал: «Не приходи сюда больше!» Я долго сидела на ступеньках в парадной, единственным живым существом рядом был кот...

Марго умолчала о том, что пыталась пробиться к отчиму на работу, в Смольный, но ее не пустили. Не

рассказала, как мать, перед тем как выстрелить, позвала ее к себе, обняла и прошептала: «Всегда помни: ты не просто Марго, ты королева Марго! — мать засмеялась, но смех был полон горечи. — Соответствуй этому, чего бы тебе это ни стоило. Будь сильнее меня, моя девочка».

Марго не сразу поняла смысл этих слов, но после того, как отчим выставил ее из дома, они всплыли в памяти и помогли ей. Помогли стать сильнее, помогли выжить.

Не рассказала Марго, как больше месяца скиталась, не находя приюта, и что ее спасла война. Она просто прибилась к одной семье и тихо сказала незнакомым людям: «Пустите меня к себе. Я сирота». И люди пустили, обогрели ее, делили с ней свой скудный паек.

— В семье, приютившей меня, жила бабушка. Каждый вечер, обходя всех в нашей большой коммунальной квартире, она повторяла: «Никогда не теряйте веру. Живите с ней, и все получится». Она целовала нас, детей, и шла успокаивать других. Я выжила, потому что верила: немцы не возьмут Ленинград, я не умру, я выстою. И ты не теряй веры. Твое письмо товарищ Сталин обязательно прочитает, даст команду отпустить твою маму, потому что она не воровка.

Они сидели молча, глядя на закат, раскрашивающий небо в багряные и золотые тона. Тишина не была тягостной, напротив, она позволяла Марго собраться с мыслями, а Гера чувствовала, как постепенно рассеивается напряжение, сковывающее подругу.

— Пойдем домой, — тихо предложила Марго. — Дмитриевна будет волноваться.

— Пойдем.

Они медленно побрели по тропинке, освещенной лишь бледным лунным светом, унося в сердце тепло и умиротворение, подаренные душевным разговором и прекрасным закатом на Хилке.

В ночной тишине детского дома было нечто трогательное. Казалось, спят не только дети, но и сами домики, уставшие за сутки от энергии своих обитателей — щедро источаемой, заполнявшей собой не только детский дом, но и все пространство вокруг.

Старый Гром выполз из будки и неторопливо ползл в сторону кухни. Там теплее, и он унюхал запах еды.

Славка ухаживал за Громом, вместе с Ильей они подкармливали его. Увидев собаку, он подбежал к ней. Обнимал, ласкал, приговаривал: «Громушка, Громушка». Собака нежно поскуливала от радости. «Скоро, Громушка, я сбегу на войну, буду бить фашистов, как мой отец. Ты только дождись меня, хо-

рошо?» — и Славка еще раз прижал к себе Грома.

— Я вместе с тобой.

Славка вздрогнул от неожиданности. Он вышел на минуту по нужде и никак не ожидал встречи с Ильей.

— Нет, я один, — категорично заявил Славка.

— Не получится, — не уступал Илья.

— Почему? — удивился Заварзин напористости Лобова.

— Потому что я твой друг.

— Друг, — подтвердил Славка.

— Максимку на кого оставишь? — озабоченно спросил Илья.

— На Геру. Я ей записку напишу.

— Может, помиришься с ней? — предложи Илья.

— Если помирюсь, — рассуждал Славка, — не смогу сбежать на фронт.

— Да, — согласился Илья. — Трудно идти на фронт, когда есть подруга.

— Значит, вместе на войну? — уточнил Славка.

Илья кивнул. Так крепла дружба парней.

Шелест сухих опадающих листьев, которые ветер кружил, гнал и сбивал в кучу, казался мучительным предсмертным вздохом, нагонял на территорию детского дома глубокую, безысходную тоску. В октябре намокшие листья тяжело падали вниз, дождь немилосердно прибавал их к земле. Им уже было не дано вспыхнуть в небе последним золотым блеском.

Илья зашел в избу и ошеломил Ефросинью известием о том, что собрался сбежать с другом на фронт. Старушка трижды перекрестилась.

— Зачем ты спешишь на войну? — сурово спросила она. — Война не даст тебе успокоения, — Ефросинья еще надеялась, что сможет отговорить от отчаянного шага парня, к которому прикипела душой, но в глубине души понимала — не получится.

— Вы, бабушка, часто говорили мне про душу, — начал Илья, с трудом подбирая слова. — Так вот, там у меня внутри — пустота.

В его голосе звучала усталость, та самая, что приходит, когда человек упирается в стену. Так бывает, когда человек заходит в тупик, когда мир сужается до размеров гроба. Илья осознал свой тупик, и внутри него произошел взрыв — тихий, почти неслышный для окружающих, но оглушительный для самого себя. Илья почувствовал потребность выговориться, излить накопившуюся горечь.

Он вспомнил, как однажды, еще в Ленинграде, пришел в поликлинику с начинавшейся цингой и невыносимой зубной болью. Врач велел ждать в

регистратуре. Илья терпеливо ждал. За это время принесли нескольких человек, найденных на улице. Вокруг них суетились люди, но стоило появиться его врачу, как все расступались. Спокойно ощущая пульс одного из принесенных, доктор тихо, но так, чтобы слышали все, произнес: «Уносите. Не жилец». Толпа возмутилась, но врач жестко пресек их негодование: «Его нужно много кормить, а кормить нечем». Прибыли санитары, погрузили тело на носилки и унесли. Голод исказил его лицо, сделав его темным. Илье стало так жаль его, что он был готов поделиться припрятанной за пазухой пайкой хлеба. Но медсестра остановила его: «Ему легче умереть голодным, чем поест. Если поест, случится заворот кишок».

— Говоришь как старик, — тихо произнесла Ефросинья, и тень печали скользнула по ее лицу.

— Я и есть старик в шестнадцать лет, — огрызнулся Илья. — Война даст отмщение, — рассудительно ответил подросток.

— Это дорога в ад, — обреченно прошептала Ефросинья.

— Значит, мне надо ее пройти!

— Все мы в руках Господа нашего, — смиренно произнесла старуха.

Ефросинья вздохнула, поднялась. Подошла к образам в красном углу, пошарила за иконами, зажала что-то в кулак, потом осенила себя крестным знаменем, кратко помолилась.

— Это тебе, — и открыла кулак.

Лицо Ефросиньи оживилось. Илья увидел маленький крестик на шнурке.

— Он уберезет. Я буду молиться за тебя, — пообещала старуха.

— Я не верю ни в какого Бога, — разозлился Илья.

— И не верь, — через силу, медленно произнесла Ефросинья. — Не заставляю. Буду истово за тебя молиться перед Богородицей. Мой младшенький вот так же отказался надеть крестик и не вернулся. Вместо сына принесли мне казенную бумажку. Трех сыновей схоронила.

— Жестокий Бог!

— Не суди! — гневным хрипловатым голосом оставила она Илью. — Мал ты еще такое говорить. Никому и никогда не испытать чужую боль, каждому суждена своя. Война — она ведь не только для сильных, она и для слабых.

«Господи, прости нам прегрешения наши...», — прошептала она слова молитвы, будто отгоняла от себя нечистого. — Надень крестик, не перечь.

В голосе Ефросиньи звучала такая мольба, что Илья не мог ей противиться.

— И не снимай.

— Хорошо, — смиренно ответил Илья.

Он нагнул голову, и Ефросинья трясущимися руками надела ему на шею крестик.

— Спрячь его так, чтобы никто не увидел.

— А если увидят?

— Скажешь, бабушка Ефросинья надела.

Илья увидел, как по лицу старушки побежали слезы. Он еле сдерживался, чтобы не заплакать вместе с ней...

Орлова вдалбливала в головы воспитанников, что детский дом — это Дом, в котором живет большая семья. Ее отчаянные крики «Как ты мог так поступить со своей семьей?» и «Ты плюнул нашему Дому в душу!» доводили ребятню до иступления.

На все протесты детей, что детдом им не семья, она терпеливо объясняла:

— Вы просто этого еще не прочувствовали. Нужно время. Но, когда поймете, будет поздно.

Постепенно до всех стало доходить, что эти деревянные бараки, эти вековые ели, речка, Спящий Рыцарь — это их Дом. Их семья.

— Максимка, — позвал Славка, и в голосе его звучала непривычная серьезность. — Есть мужской разговор.

Сердце Максимки радостно забилося: старший брат решил поговорить с ним о чем-то важном.

— Дай слово, что никому не расскажешь, что я сейчас скажу.

— Клянусь! — торжественно, с придыханием, пообещал братишка.

Вечерний сумрак за окном лениво окрашивал небо в нежно-розовый цвет. Славка помолчал, собираясь с мыслями.

— Мы ночью с Ильей уходим на войну.

— Я с вами! — радостно выдохнул Максимка, предвкушая подвиги.

— Взяли бы с радостью, да ты еще мал, — Славка запнулся, подбирая слова. — Ну, не то чтобы мал, просто... — Он хотел объяснить, чтобы не обидеть, но подходящего объяснения не находил. — Одним словом, тебя не возьмут.

— А вас... вас точно возьмут?

— Да. Без разговоров.

— А я? Что же... что будет со мной?

— Ты останешься... с нашей сестрой.

— С сестрой? — Максимка недоуменно вскинул брови. — Разве... разве у нас есть сестра?

— Теперь есть. Ты знаешь Геру?

Максим кивнул.

— Она тебе нравится?

— Она хорошая.

— Вот и славно. Завтра ты тайно — слышишь? — Тайно передашь ей вот эту записку, — Славка показал сложенный вчетверо листок. — Только так, чтобы никто не видел. Военная тайна. Она прочтет... и станет тебе старшей сестрой.

— Обязательно передам, — поспешно заверил Максимка. В его глазах отражался отблеск подвига.

— Запомни: теперь у тебя два брата... и сестра Гера.

— Еще бы маму и папу...

— Мама у тебя тоже есть — наша Мария Дмитриевна. Она нас всех любит.

Максимка притих, прижимаясь к брату. Война... Он столько раз представлял себя героем, сражающимся с врагами, но реальность казалась совсем иной. Славка уходит, а он остается здесь, с сестрой, о которой только что узнал.

Славка ласково потрепал его по взъерошенным волосам и отстранился.

— Ладно, братишка, иди спать. Завтра важный день. И помни: никому ни слова.

Максимка кивнул, чувствуя, как подступает комок к горлу. Он выскользнул из комнаты и, добравшись до своей кровати, уткнулся лицом в подушку. Слезы сами собой потекли по щекам. Ему было страшно и одиноко. Война забирает Славку и Илью, а он, маленький и беспомощный, ничего не может сделать.

Утром, как и было велено, он украдкой, словно опытный шпион, подсунул Гере сложенный листок. Она, быстро пробежав глазами текст, не изменилась в лице. Лишь губы чуть плотнее сжались.

— Теперь... теперь ты моя сестра? — тихо спросил Максимка, замирая от волнения.

Гера наконец улыбнулась. В ее глазах вспыхнул теплый, успокаивающий свет.

— Конечно, теперь я твой старшая сестра. Не волнуйся, все будет хорошо.

Ее слова немного успокоили Максимку, но тревога никуда не делась.

Ночью мальчишка долго не мог уснуть, прислушиваясь к каждому шороху. Потом все стихло, и он провалился в беспокойный сон, полный тревожных сновидений. Когда он проснулся утром, Славки уже не было. В доме царила тишина, а в воздухе витала какая-то гнетущая пустота. Теперь он не один. У него есть Гера. И война, которая забрала на время его братьев.

Орлова держала в руке письмо Заварзина и не знала, что ей предпринять. «Мария Дмитриевна! Простите меня и Илюху Лобова, но терпеть, когда наши родные погибают на фронте, больше сил нет. Мы должны отомстить за их смерть. Мы доберемся до

фронта. Не посылайте искать нас, все равно не найдете. Мы все продумали заранее. Доберемся до фронта и будем бить фрицев с нашей доблестной армией. Не обижайтесь на нас. И большая просьба. Передайте Гере, что она очень и очень дорогой для меня человек и что ничего у меня не было с Истоминой. Мы вернемся с Илюхой после Победы домой и будем вам во всем помогать. Вы наша мама, а мы ваши сыновья. Так надо, мама, отпусти нас. Мы вернемся!»

Орлова с ничего не выражающим лицом смотрела в одну точку перед собой и мерно покачивалась взад-вперед. Так длилось несколько минут, после чего Орлова подошла к сейфу, открыла его и положила в него письмо Заварзина. Закрывая сейф, она прошептала: «Господи, мальчики, только вернитесь живыми!»

На Геру накатила хандра — состояние, когда все казалось бессмысленным.

— Мы сироты войны, — прошептала Гера, делясь своей печалью с Марго.

— С чего это вдруг? — Марго настороженно посмотрела на Геру, недолюбливая ее меланхоличное настроение.

— Ленинград был нашим домом... и где он? Вместо него — детский дом.

— Это временно наш дом.

— Медсестра сказала, когда нас эвакуировали... от дома остались руины.

— Я о своем ничего не знаю, но меня и не тянет туда.

— Вот поэтому я и говорю... мы — сироты.

— Все наладится, вот увидишь. Лишь бы война скорее закончилась.

— Я только думаю... сколько же таких, как мы, разбросано по всей нашей стране?

— Не счесть, — согласилась Марго. — После войны у всех нас будет много работы. Столько нужно восстановить, построить заново!

— Лишь бы поскорее закончилась война... — прошептала Гера.

— Закончится, — твердо сказала Марго. — Мы уже сломали хребет фашистской гадине. Осталось только добить.

Подруги молчали, погруженные в свои мысли. Их детские жизни, словно хрупкие лодочки, швыряло по бурному морю войны, и не было видно ни берега, ни спасительного маяка.

За окном детского дома шумел ветер, напоминая Гере о ленинградских зимних вьюгах. Она вспомнила родные улицы, занесенные снегом, запах свежеспеченного хлеба из булочной на углу, мамыны теплые руки... Все это теперь казалось далеким и нереаль-

ным сном. В голове Геры роились вопросы, на которые она не знала ответов. Почему война забирает дома и семьи? Зачем она обрекает детей на сиротство и скитания? Где справедливость? Она чувствовала себя маленькой песчинкой, брошенной в огромный безжалостный мир.

Марго прервала молчание.

— Знаешь, Гера, а я вот думаю, что бесприютность — это не про стены, а про душу. Главное, что мы есть друг у друга. А дом... он у нас будет, мы его обязательно построим. Сами.

Гера посмотрела на Марго, и в ее глазах мелькнула слабая надежда. Может быть, Марго права. Может быть, главное — это не потерять себя, не дать отчаянию поглотить душу. Может быть, из руин прошлого они смогут построить новое будущее, вместе.

- II -

Почтальонша на стареньком велосипеде отъехала от сельсовета и принялась кричать так громко, насколько ей хватало сил:

— Товарищи! Председатель сельсовета просил всем передать — война закончилась. Победа! В два часа все собирайтесь у сельсовета на митинг!

Весть, словно эхо, прокатилась по Воскресенску. Открывались покосившиеся окна, из домов выбегали люди — сначала робко, не веря своим ушам, а потом с ликующими криками: «Победа! Победа! Ура!» Лай собак и плач от радости сливались в единый гул. Женщины, черные от полевой работы, роняли серпы и обнимались, рыдая. Старики, крестясь дрожащими руками, прислушивались к новостям. Дети, еще не до конца понимая, просто прыгали и кричали, подхваченные всеобщим ликованием.

Обрушившаяся на село новость о победе докатилась до детского дома.

— Ваня! — голос Орловой был силен и привычен к командам.

В сенях зашуршали шаги. Ванька Демин, лучший горнист Дома, вбежал в кабинет Дмитриевны.

— Труби сбор, Ваня. Всеобщее построение. На площади.

Глаза мальчишки загорелись. Он выхватил трубу, висевшую на гвозде у двери, и, не теряя ни секунды, вылетел обратно. Звонкие, торопливые звуки горна разорвали тишину Дома. Детвора выбегала во двор, на ходу застегивая рубашки. Воспитатели торопили их, сами возбужденные и взволнованные. Построение среди дня? Давно такого не было.

К двум часам площадь перед сельсоветом была полна. Измученные горем и лишениями лица светились надеждой. Председатель, с трудом сдерживая слезы, произнес короткую речь о павших героях, тяжелых испытаниях и долгожданном мире. И снова над пло-

падью взметнулось победное «Ура!», сливаясь в порыве счастья и благодарности. Война закончилась. Жизнь продолжалась.

После митинга люди не спешили расходиться. Обнимались, вспоминали погибших, делились надеждами. Кто-то достал гармонь, и под ее нестройные звуки начались первые танцы — женщины с женщинами, мужчины с мужчинами, дети кружились рядом. Забыв усталость и голод, они отмечали долгожданную Победу.

Солнце клонилось к закату. Возле сельсовета быстро сколотили столы. К вечеру собрались все. Мужики принесли самогон, женщины — соленые грибы и картошку. Дружно сидели, вспоминая войну: страх, голод, смерть, но главное — надежду и веру в Победу. Постепенно веселье стихало.

Утомленные, но счастливые, люди расходились по домам. В этот вечер даже звезды казались ярче, словно приветствуя вернувшихся и оплакивая погибших.

Война закончилась. Жизнь продолжалась.

В ноябре сорок пятого года в Дом прибыла новенькая. Коротко стриженная девочка, в штанах, подвязанных веревкой, в безразмерной рубашке, скрывающей щуплость. Она без стеснения вышла в центр столовой.

— Я хочу, чтобы меня все звали Элизой, — решительно заявила она. — Я буду откликаться только на это имя.

Мария Дмитриевна в замешательстве спросила:

— Почему Элиза, если по документам ты...

Она не успела договорить, ее бесцеремонно перебила новенькая:

— Остановитесь! Или я сбегу!

Директор понял: не надо переходить линию доверия.

— Это правда, что ты была в немецком концлагере? — поинтересовался Ромка Нехлюдов.

Слух, что новенькая якобы была в концлагере, быстро распространился по Дому. Никто не знал, верить или нет.

— Да, — коротко ответила девочка. — За то, что я жива, мне надо благодарить мою приемную мать. — Она остановилась, от волнения у нее сперло дыхание. — Ее звали Элиза. Она спасла меня там, в концлагере.

— Значит, ты просто взяла имя своей приемной матери? — уточнил Ромка.

Элиза сурово взглянула на собравшихся.

— Я больше не скажу ни слова, — отрезала она и скрестила руки на груди.

Стало ясно — из Элизы больше ничего не вытя-

нешь. Ситуацию спасла Гера.

— Элиза, не уходи, прошу тебя. Я сейчас приду и... — она замялась... — Дождись меня. Пожалуйста.

Гера подошла к директору, что-то ей шепнула.

— Не расходитесь! Сейчас мы придем.

Через несколько минут Гера вернулась и вышла на середину столовой, держа в руках скрипку.

Зазвучала знакомая всем в Доме мелодия. Услышав ее, Элиза изменилась в лице, закрыла уши руками...

— Остановись! — закричала она. — Только не это... Только не «Сентиментальный вальс»! — требовала Элиза.

Столовая потрясенно молчала. Все в оцепенении ждали продолжения.

— Прошу! — взмолилась новенькая. — Перестань играть эту мелодию!

Элизе понадобилось время, чтобы успокоиться и продолжить рассказ.

— В концлагере был большой детский блок. Из детей-музыкантов они создали оркестр и заставляли беспрестанно музицировать. Пляц, на котором нас принуждали играть, они называли танцплощадкой. Особенно коменданту нравился «Сентиментальный вальс». Для него заранее выносили стул, стол, он приходил, важно садился и слушал, как мы играли. Ему приносили чай, булочку. Он ее ел, а у нас желудки сводило судорогой от голода. Если ему что-то не нравилось — он указывал другому немцу рукой на оркестранта, того выводили... Мы его больше не видели. Стоило кому-то из детей перестать играть, с вышки тут же звучал выстрел. Они, — плечи Элизы сотрясались от рыданий, но слез не было, — расстреляли всех. Осталась одна девочка. Ей было тринадцать лет. Девочка играла, уже не чувствуя пальцев, но не опускала смычок. — Элиза с трудом перевела дыхание.

— Дай скрипку, — обратилась она к Гере.

И заиграла. Скрипка плакала в ее руках. Все поняли: той единственной девочкой была Элиза.

Она перестала играть. Отдала скрипку плачущей Гере.

— Немцы вошли в наш тихий белорусский городок утром. Все знали, что они придут. Кто смог, тот эвакуировался, кто не смог — остался. Мы не уехали: мама болела, нуждалась в уходе. На следующий после их прихода день возле каждого дома останавливалась большая грузовая машина. Пришли и в нашу квартиру. Увидели, что мама лежащая и не может подняться — расстреляли, меня же за косы выволокли на улицу. Я сопротивлялась. Удар прикладом автомата по голове, я не помнила, как меня забросили в машину, вечером всех загрузили в деревянные вагоны и повезли. Куда — никто не знал.

Элиза перевела дыхание.

— Неделю везли. Ни еды, ни воды. Ничего не было — только слезы и стоны детей и женщин. Мужчин загрузили в другой поезд.

Воспоминания давались Элизе нелегко.

— Привезли к какой-то немецкой станции. Там нас снова перетаскивали в грузовики. Ехали часа три и еще несколько часов плелись по грязи, пока не пришли в лагерь. Там всех распределили по блокам. Вечером меня с другими детьми загнали в огромный барак. Нас, детей, сразу разобрали по своим углам. Ко мне подошла женщина.

— Как тебя зовут? — спросила она меня.

— Не помню, — ответила я.

— Хорошо, что не помнишь, потому что здесь небо без Бога. Я — Элиза, — представилась она и протянула мне руку. — Если ты не против, я буду о тебе заботиться.

Я не возражала. Элиза до войны работала врачом-хирургом. Когда ее пригнали в концлагерь, немцы, зная, что она врач, заставили лечить своих. Говорили, что ее возили даже в город, в тамошнюю больницу, чтобы она делала операции, а немецкие врачи просто наблюдали за ней, всякий раз ожидая, что больной умрет. Элиза добилась того, что ей разрешили лечить по ночам и всех лагерных. Когда меня взяли в оркестр, Элиза обняла меня и попросила: «Только не опускай смычок. Представь, что там, на небесах, тебя слушает твоя мать». Я как-то Элизу спросила, как ей удастся делать невозможное: спасти тех, кого уже и за живых-то не считали. И она с неизменным юмором ответила: «Бог мне улыбается».

Ближе к ночи в нашем бараке слышалось тихое пение. Это мамочки укладывали нас, девочек, спать. Звучали колыбельные на разных языках: русском, украинском, польском, французском. Среди мамочек были учителя, которые по вечерам учили нас математике, языкам. Я выучила польский, чешский, французский. Элиза никогда не пела, лишь гладила меня по волосам и шептала: «Только выживи им назло».

В ноябре сорок четвертого я сильно заболела, но немцы выводили меня каждое утро на плац, заставляя играть с оркестром. Дождь ли, холод ли — их это не волновало. Мы должны были играть или... выстрел с вышки. В какую-то ночь мне стало совсем плохо. Я горела. Какие примочки Элиза ни делала — жар не проходил. Неожиданно в барак вошел немец и приказал Элизе идти с ним. Кого-то снова привезли из города, Элизе надо было спасти очередную сволочь, чтобы она сама могла уцелеть и дальше лечить нас, лагерных. Элиза вернулась только к утру. За мной.

— Пойдем, — коротко сказала она.

— Куда? — испуганно спросила я.

— Не бойся.

Элиза привела меня к коменданту лагеря. Я этого жирного немца часто видела. Рядом с ним стояла женщина, хорошо одетая. Потом узнала, что это была жена коменданта.

— Фрау, это моя дочь, — обратилась Элиза к немке.

Та подошла и изучающе посмотрела на меня. Сказала:

— Генрих, эта лагерная спасла нашего мальчика. Отблаговари ее. Пусть ее никто не трогает.

— Она сейчас болеет, разрешите ее в лазарет.

Немка кивнула головой.

— И у меня к вам фрау, последняя просьба.

Немка недовольно скривилась.

— Что еще?

— Пусть ваш муж даст команду, чтобы она больше не играла в оркестре.

Немка не сразу ответила, но все же что-то сказала мужу. После этого я попала в лазарет и больше никогда не играла в оркестре, но и Элизу больше никогда не видела. Потом пришли американцы. Они нас освободили. Элизу я так и не нашла. Поэтому я — Элиза, — новенькая нервно слотнула.

Орлова, бледная, как полотно, обняла новенькую.

— Ты для всех нас будешь только Элизой. Правда, ребята?

И толпа детей хором ответила:

— Правда!

— 12 —

Тонкие сучья потрескивали под ногами Марго. Слева от тропинки она наконец-то нашла Геру, которая, обняв руками мощную сосну, прижалась ухом к стволу дерева. Марго не удивилась, она уже не раз замечала странности в поведении Геры. Однажды она даже назвала подругу «тепличным цветком».

— Что ты делаешь? — осторожно подойдя, почти шепотом, чтобы не спугнуть, спросила Марго.

— Слушаю дыхание дерева, — блаженно ответила Гера.

— И какое оно? — недоуменно поинтересовалась подруга.

— У кедра пульс ровный, спокойный, а у сосны — напротив, запыленный.

— Сама, что ли, измеряла?

Гера серьезно посмотрела на подругу:

— Просто вслушайся в их сердцебиения!

Марго подозрительно посмотрела на отрешенное лицо Геры.

— И часто ты приходишь слушать деревья?

— Когда плохо, тогда и прихожу. Здесь тихо и спокойно. Постою, обниму дерево, и мне кажется,

что все куда-то уходит, нет никого... Понимаешь? Никого. Только я одна и природа. Она не обидит, не сделает больно, не предаст. Знаешь, я могла услышать звук немецких самолетов задолго до их появления, — неожиданно призналась Гера.

Марго удивленно вскинула на подругу глаза:

— Как это?

— Не знаю. Остановлюсь, закрою глаза, и у меня невероятно обостряется слух. Мне даже канонада не мешала, — возбужденно говорила Гера. — Я специально проверяла. Забиралась на крыши, слушала и почти всегда угадывала, куда самолеты полетят и где сбросят бомбы.

— Правда, что ли? — Марго разглядывала подругу, словно в первый раз ее видела.

— Я об этом даже рассказала зенитному расчету, — как ни в чем не бывало продолжила свой рассказ Гера. — Они тогда сбили три самолета, а мне дали хлеба и сахара и велели снова приходить. Я еще два раза приходила.

— А потом что случилось?

— Того дома, где находились зенитчики, не стало, а дальше... — Гера замолчала, — дальше я попала в госпиталь, — У нее перехватило дыхание. — Мне тяжело жить среди людей, наверное, поэтому меня так тянет в лес. Блокада все время будет во мне. Разве ее можно забыть? — с укором произнесла Гера. — Знаешь, там, во время блокады, я обожала читать поваренную книгу. Мне ее соседка наша подарила. Она топила печку книгами из своей огромной библиотеки. Мы сожгли почти всю мебель, стали жечь паркет. Когда кончился свой, пошли по пустым квартирам, отдирали у них. Я как-то зашла к соседке, потому что она не отзывалась на наш стук. Мы все друг другу стучали в стенки, чтобы знать: живые или уже нет. — Гера перевела дыхание. — Пришла, а тетя Тома плачет. Говорит, скоро книги закончатся, а она замерзнет, и дарит мне поваренную книгу. Возьми, говорит, она очень хорошая и тебе непременно пригодится. Будешь меня вспоминать. Ты, говорит, обязательно выживешь. Я, когда стала читать эту книгу, представляла, что наступит мирное время, в магазинах появятся продукты, и я непременно приготовлю для своей семьи все эти чудесные консоле, жульены, печенья и варенья, торты и пирожные, — Гера грустно улыбнулась.

— Все почему-то считают, что моя любимая книга — «Королева Марго», — сказала в ответ подруга. — Это не так. Я не помню, как эта книга оказалась со мной в больнице.

— А какая же твоя любимая?

— «Робинзон Крузо». Он научил меня выживать.

— Знаешь, Марго, я часто думаю, это хорошо, что мои родные не от голода умерли, а от бомбежки...

Девчонки надолго замолчали. Они вообще-то избегали разговоров о Ленинграде. Пережитое они укрывали в сердцах, но боль не спрячешь, она выползала, и такие разговоры оказались для них целительными. Раны необязательно остаются лишь после пуль и осколков; раны глубокие, незаживающие остаются от самого страшного оружия. Это оружие — сама война с ее жестокостью и отсутствием милосердия.

— Тебя Мария Дмитриевна ждет, — Марго вспомнила, зачем искала подругу.

— Для чего?

— Там из города приехал Белов, — осторожно говорила Марго, словно боясь спугнуть подругу.

— Это за мной, — произнесла Гера.

— Успокойся, нужна ты им...

— Если приехали — значит, нужна, но я же тебе сказала — уже ничего не боюсь. Папа учил, что неизбежное надо встречать достойно. Сейчас успокоюсь, соберу себя в кулак, и пойдём...

В директорском кабинете, похожем на каморку, куда влезли стол, шкаф для бумаг и три стула, сидели Мария Дмитриевна с напряженным бледным лицом, глаза чернее обычного, и военный — высокий, крупный, с двумя глубокими залысинами.

— Вот и наша Гера пришла, — выдохнула директор.

Прищуренным недобрым глазом майор изучающе уставился на вошедшую в кабинет девочку-подростка.

— Это не Гера, это — Генриетта Филиппова, — отчеканил Белов.

Гера жутко смутилась, покраснела. Ее давно никто не называл по фамилии. Она временами ее даже забывала. Папа всегда мягко звал Герочкой, мама более требовательно — Гера, но по фамилии — никогда. В их семье такое было не принято. Папа маму всегда ласково звал Наденькой, она его так же нежно — Бронечка.

— Да, это я, — тихо произнесла она.

— Зачем, думаешь, я приехал? — мужчина силился улыбнуться, но у него это получилось плохо.

— Меня забрать, — без обреченности ответила Гера, чем поразила Белова.

Девочка совсем не испытывала страха.

— Зачем?

— Вам лучше знать, — с тем же простодушием произнесла Гера.

— Значит, ты чувствуешь себя в чем-то виноватой?

— Я ничего плохого не сделала.

Офицер прекрасно помнил то безобидное письмо, которое ему доставили с почты.

Все письма на имя Сталина проходили через него, лишь очень редкие единицы продолжали свой путь. Среди них посчастливилось быть и письму Геры. Оно бы осталось в отделе, но вечером за ужином, в семейном кругу, он, весело ухмыляясь, поведал об

этом письме, будто рассказал анекдот, и старшая дочь неожиданно спросила: «Папа, а если бы это было мое письмо? Если бы на месте этой девочки была я? Она ведь просит только об одном — отпустить ее маму, которая украла какие-то граммы, чтобы спасти свою семью, да еще в блокадном Ленинграде».

Ужин не задался, но на следующий день Белов отдал команду: «Отправить по назначению. Оно неопасно и вряд ли дойдет».

Дошло... до самого...

На какое-то время в кабинете установилась тишина.

— Значит, не можешь даже предположить, зачем я приехал к тебе?

— Могу, — неожиданно произнесла Гера. И снова посмотрела прямо в глаза майору Белову.

Блокада, война научили ее суевериям. Нельзя проносить заветное — оно не сбудется, а несбывшаяся надежда — это тяжкий удар и, значит, потеря сил. Лучше никогда ничего не загадывать, но продолжать верить, жить в ожидании чуда. Так легче.

— Вы привезли новости о моей матери, — Гера ощутила легкое головокружение.

Белесые брови майора Белова поползли вверх. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем девочка услышала:

— Как ты догадалась?

— Не знаю, — ответила Гера. — Почувствовала...

Офицер ухмыльнулся.

— Отменная чуйка, — он с недоверием уставился на девочку, буравя ее своим колючим взглядом. — Кто надоумил тебя написать письмо товарищу Сталину?

— Сама! Честное пионерское! — твердо и непоколебимо ответила Гера.

— Значит, сама... — с нескрываемым сомнением подытожил Белов, стуча пальцами по столу. — Может, кто-то все же надоумил? — он выжидательно посмотрел Гере прямо в глаза. Она выдержала взгляд.

— Я написала товарищу Сталину, потому что он самый великий защитник детей. Кому еще мне было писать? Моя мама не воровка, она просто хотела нас хоть как-то прокормить.

— Ясно! — Белов помолчал. — Товарищ Сталин, — официальным тоном начал он, — получил твое письмо и дал указание разобраться в истории с твоей матерью.

— Я знала... я верила... — прошептала Гера, поднявшись со стула, на глазах у нее появились слезы.

Белов никак не отреагировал и сухо продолжил:

— Проверкой был установлен факт бессовестного лживого доноса на гражданку Надежду Филиппову.

— Это моя мать, — губы Геры задрожали. Она перестала сдерживать слезы.

Это подействовало на офицера, голос его смягчился.

— Скоро ты ее увидишь.

— И вот тебе, — и Белов достал из сумки-планшета конверт.

Гера застыла и не могла верить.

— От товарища Сталина? — еле выдавила она.

— Ишь чего захотела, — незлобно усмехнулся Белов, покачав головой. — Письмо от твоей матери.

Офицер передал письмо Гере.

— И еще, товарищ Орлова, — официально обратился майор. — Вы написали нам запрос, просили узнать фамилию одного юноши. Мы выяснили — это Николай Стеблов. Мать его жива, вот вам от нее письмо. Она просит указать, где захоронили сына. Уверен, вы дадите женщине ответ.

Когда Гера вышла из кабинета, она увидела большую красивую радугу над Домом. Оказывается, прошел легкий дождик...

Тихо и без происшествий наступил февраль, снега на территории детского дома выпало столько, что малышня с удовольствием рыла норы, переходы, старшие с радостью каждый день сражались в постоянно отстраиваемой крепости. Очень часто с ними на снежные баррикады становились воспитатели, особенно потешно было, когда играл сторож дядя Яша. Каждый старался обстрелять его снежками от души, уж больно заметная была мишень, промахнуться невозможно. Дядя Яша никогда на это не обижался, напротив, с каким-то радостным неистовством обзывал детвору «истребителями», и всем это нравилось.

Жизнь продолжалась, била ключом, но случались и мрачные дни.

Проблема с Элизой возникла с самого начала, как только девочка попала в Дом. Ее никак не удавалось снять с учета как социально опасную. Это же клеймо, с ним — никуда.

— Какая от нее социальная опасность? — спрашивала Орлова у майора Белова. — Девочка через такое прошла...

— Она потенциально неблагонадежная, — сухо ответил Белов.

— Потому что ее освободили американцы? — не выдержали нервы у Орловой.

— Проблема не в том, что они ее освободили, — майор Белов важно, как подобает хозяину положения, постучал пальцами по директорскому столу. — Она у них пробыла почти полгода, и

как она там себя вела, нам неизвестно. Вдруг она шпион?

Орлова не сдержалась и хмыкнула, чем вызвала раздражение Белова.

— Что я такого смешного сказал? — осканился он, его лицо исказилось в гримасе злости.

— Что шпионке делать в детском доме?

Орлова увидела хмурое лицо Белова, его напряженную челюсть и поняла, что представителям органов лучше лишнего не говорить.

Белов побарабанил пальцами по столу, обдумывая ответ. Тишина в кабинете стала давящей, Орлова чувствовала на себе его пристальный взгляд. Наконец, майор произнес, стараясь сохранить невозмутимый тон:

— Вы мыслите слишком прямолинейно, товарищ Орлова. Подросток, переживший войну, особенно восприимчив к влиянию. Вашей Элизе, как вы ее все здесь называете, могли промыть мозги, дать задание, которое она даже не осознает.

Орлова молчала, хотя внутри все кипело от возмущения. Она знала, что спорить бесполезно. Майор Белов продолжил, словно читая ее мысли:

— Мы не говорим, что она точно шпионка. Но мы обязаны проверить все возможные варианты. Это наша работа — обеспечивать безопасность страны. И мы не можем рисковать, закрывая глаза на потенциальную угрозу. Я могу вам сказать, почему Екатерина Мальцева, она же ваша Элиза, представляет социальную опасность? — разоткровенничался майор. — Потому что она видела то, чего ей видеть не положено. Она видела не только лагерь, она после освобождения видела другой мир — американский мир. А это... это совсем другая история. Вот почему мы обязаны быть бдительными, — майор Белов замолчал, словно ожидая понимания.

— Что конкретно вы хотите от меня? — наконец спросила Орлова, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вы прекрасно знаете, — ухмыльнулся майор. — Нам нужна полная информация о ней: все ее контакты, привычки, увлечения. С кем она общается, что читает, куда ходит после школы. Любая мелочь может оказаться важной.

— Я устала, — тихо произнесла Орлова, надеясь, что в ее голосе не прозвучит страх.

Белов вскинул бровь, словно не поверил ее словам, его ухмылка стала еще шире.

— Товарищ Орлова, не стоит усложнять. Мы все делаем общее дело, ради безопасности нашей страны. Вы ведь патриотка, не так ли? К тому же подумайте о последствиях. Не стоит рисковать своей репутацией и карьерой из-за пустых сантиментов. И потом: мы же прекрасно знаем, кем вам приходится Владимир Миненко...

Только в апреле сорок шестого года пришла информация, что Славка Заварзин доблестно погиб у Берлина.

Заплаканная Гера ворвалась в кабинет Орловой, увидела распухшее от слез лицо директора.

— Это правда?

Гера еще надеялась на чудо, она никак не хотела верить...

— Да!

Гера осела. В глазах у нее потемнело, грудь словно стиснули железными обручами так, что она не могла вздохнуть, в голове появился жуткий нарастающий шум, глаза словно вдавило внутрь. Странное чувство охватило Геру: будто ее пропихнули через тугую резиновый шланг. Она постаралась сделать глубокий вдох, и внезапно жгучая, дикая боль пронзила тело и навечно застряла в сердце.

Гера встала.

— Можно мне скрипку?

— Да, конечно, — Орлова с сочувствием уставилась на воспитанницу. Поднялась и достала скрипку из сейфа.

Гера открыла футляр, извлекла инструмент, трясущимися руками погладила гриф.

— Я во дворе сыграю? — заторможенным голосом попросила она. — Славе нравился «Сентиментальный вальс».

— Конечно, — Орлова судорожно сглотнула.

Все уже знали, какое горе пришло в их Дом, и старшие сочувственно смотрели на Геру. Подошла Марго. Коснулась руки подруги.

— Ты сильная, — прошептала она.

Гера взяла скрипку в руки. Никто не слышал, как она ей прошептала: «Люблю тебя».

И полились первые звуки «Сентиментального вальса» Петра Ильича Чайковского. Она исполняла творение великого композитора как никогда, с исключительным вдохновением. С каждым тактом лицо Геры становилось все суровее. Он ощущала свои руки легкими и хрупкими, словно крылья бабочки. А глаза ее были очаровательными, как улыбка ребенка, но жестокими, как горечь жизни.

Дмитриевна тщательно готовилась к разговору с Марго. Личное дело воспитанницы было прочитано и переосмыслено не единожды.

— Маргарита, — начала Орлова, нарочито выдержав тягучую паузу. — В личном деле указано, что твой отец... умер.

Марго потупила взгляд, погрузившись в молчание. Орлова терпеливо ждала, не желая торопить, но и не ослабляя взгляда. Неожиданное, подчеркнуто офи-

циальное обращение обезоружило девушку. В стенах детского дома она была для всех просто Марго, особенно для Дмитриевны.

— Я знаю, что он жив, — призналась Марго, решившись на откровенность.

Зачем скрывать то, что, возможно, и так известно Дмитриевне? Раз спрашивает... значит, неспроста. Дмитриевна кивнула, словно подтверждая давнюю догадку, но во взгляде ее не было ни тени осуждения, ни проблеска удивления — лишь тихая, почти печальная констатация факта.

— Когда ты узнала, что он... — Орлова снова замедлила речь, давая Марго время собраться с духом, подобрать нужные слова.

— Еще в сорок третьем.

— Маргарита, ты знаешь, какую высокую должность сейчас занимает твой отец? — почти шепотом, с придыханием спросила Орлова.

Марго хранила молчание.

— Мария Дмитриевна, помните, что вы мне сказали, когда Белов забрал Вовку?

— Помню! — тихо ответила Орлова, не поднимая головы. — Что сейчас время такое — время терпеливых и ждущих!

— Я отца дождусь! — Марго вытерла тыльной стороной ладони внезапно набежавшие слезы. — И Вовку дождусь. Я буду ждать столько, сколько потребуется.

— Ты сильная, Марго, — тихо сказала Орлова. — И Вовка у нас тоже сильный. Он справится. Мы егождемся!

— 13 —

Подруги не раз думали, что им делать, когда они окончат десятилетку. Они мечтали вернуться в Ленинград, но, погрезив и повитав в облаках, спускались на землю. «Кто нас ждет в Ленинграде? У нас там никого нет! — доказывали они себе и друг другу. — У нас даже нет денег на дорогу». Правда, Марго иногда предполагала, что деньги можно бы попросить у Марии Дмитриевны, почему-то она была уверена, что директор одолжит, но она натыкалась на новые и новые сложные вопросы.

«Как же обидно, что мы из-за войны стали чужими для родного города!», — однажды вырвалось с обидой у Марго. На что Гера коротко ответила: «Скажи спасибо, что живые!»

Всех выпускников детского дома после семилетки ждал кирпичный завод, и только Гера, Марго и Элиза, благодаря стараниям Орловой, были переведены в городской интернат, где могли окончить десять классов. На каникулах приезжали в родной детдом, помогали Орловой по хозяйству. В этот раз они приехали на день рождения директора.

Проблем у Эльзы меньше не становилось. Она продолжала оставаться на учете как социально опасная, потому что из концлагеря ее освободили американцы. Иногда девушке казалось, что это клеймо на ней будет пожизненно. Так что же ждет ее в будущем? Неизвестно, как долго бы длились мытарства Элизы, если бы не внезапное появление отца Марго.

Девочку вызвали в кабинет директора городского интерната.

— Полякова, в личном деле у тебя написано, что отец твой умер.

Марго замаялась.

— Да, так все вокруг мне говорили, что он умер, — она испытующе посмотрела на директора интерната, — но позже я узнала, что это не так.

— Маргарита, ты знаешь, какую высокую должность сейчас занимает твой отец? — с благоговейным придыханием произнес директор интерната. — Мне позвонили из обкома партии, — нервно проинформировал он. — Через час у нас будут гости и вместе с ними — твой отец.

Марго молчала. Это выводило директора из себя.

— Маргарита! — воскликнул директор. — У тебя папа... — у Виктора Кирилловича сперло дыхание, — а ты в нашей глуши?! Невероятно!

— Вам какое дело? — буркнула Марго.

Первое сообщение о том, что отец жив, она получила от майора Белова. Это случилось в декабре сорок четвертого. Белов приказал позвать Марго, а Орловой велел подождать за дверью.

— Маргарита Алексеевна Воронова, — обратился он официально к Марго.

— Я — Полякова!

На что Белов лишь хмыкнул.

— По матери, — важно поправил он. — По отцу вы Воронова, — майор пристально уставился на Марго. — Ничего не хотите мне сказать?

— Нет!

— Вы в курсе, что вас разыскивает отец? — Белов еще раз взглянул на Марго, ему хотелось уловить ее реакцию, понять, о чем думает девочка, но на лице воспитанницы не дрогнул ни один мускул.

«Однако! — восхитился человек в военной форме. — Не зря ее зовут королевой Марго».

Когда из центрального аппарата пришел запрос на розыск и за короткое время было установлено, что Воронова Маргарита Алексеевна, она же Полякова, находится в Воскресенском детском доме, Белов дал негласное задание подчиненным собрать максимум информации об этой воспитаннице.

— Если он хочет, чтобы я вернулась в Ленинград, — нет!

Такой резкий ответ еще больше вверг в замешательство Белова.

— Почему — нет? — откровенно спросил он.

— Вы этого не поймете, — Марго посмотрела на упитанное лицо майора. — Я люблю этот Дом, благодаря ему я жива, у меня есть подруги, у меня есть Мария Дмитриевна, — решительно ответила Марго. — Я не хочу уезжать из Дома. Если уеду, буду считать себя предательницей.

Они долго молчали.

— Ваше решение окончательное и бесповоротное?

— Да!

— Достойно уважения! — кивнул офицер.

Редкий случай, когда майор Белов проникся уважением. И к кому? Девочке-подростку!..

Он старался быть предельно вежливым и даже искренним.

— Маргарита Алексеевна, — Белов даже смутился. — Может, у вас есть какие-то просьбы? Если это в моих силах — обещаю помочь.

Марго не сразу ответила, прокручивая в голове разное.

— Да, есть, — нерешительно произнесла она. — Мария Дмитриевна не может выбить нам путевки в городской интернат, чтобы мы учились в десятилетке.

У Белова были четкие рекомендации от начальства — вести себя с девчонкой корректно: «Товарищ Воронов из ленинградской партячейки, а ленинградцы сейчас в фаворе, так что надо говорить культурно, почти по-отечески».

— Ваша просьба решаема. Похвально, что у вас есть желание учиться.

Белов еще раз внимательно оглядел Марго.

Через полтора месяца Орлова радостно сообщила девочкам, что ей удалось выбить им направления в городской интернат. Ее девочки будут учиться в десятилетке.

Когда на территорию городского интерната въехала обкомовская машина, высоких гостей встречал секретарь райкома, позади него бледной тенью маячила фигура директора.

Как выглядит отец, Марго знала лишь по редким фотографиям из центральной газеты «Правда». Она знала, чувствовала, что он незримо ей помогает, по крайней мере, хотела в это верить. Как любой ребенок, Марго соскучилась по отцу, хотя и помнила его очень смутно.

Им дали возможность вдоволь наговориться.

— Может, вернешься в Ленинград?

— Папа, я бы с радостью, — Марго замялась. — Когда мама застрелилась, отчим сказал: этим она избавила тебя от страха. Я долго думала над этими словами, — Марго пристально посмотрела на отца. — Я не хочу, чтобы у тебя появилось чувство страха из-за меня.

Мужчина понял, о чем говорит ему дочь, тяжело вздохнул:

— Отчасти ты права, Маргарита.

— Меня все называют Марго.

— Я в курсе, что иногда и королевой Марго.

Мужчина прижал дочь к себе. Они больше часа говорили, иногда даже смеялись, но время прощания неумолимо приближалось.

— Что я могу для тебя сделать, дочь?

Марго почувствовала, как на глаза набегает слезы, но она справилась.

На мгновение закрыла глаза, понимая — неизвестно, когда вновь получится повидаться с отцом.

— Для меня ничего не надо, я всего добьюсь сама — я же королева Марго, — Маргарита засмеялась. — Помоги Элизе избавиться от этого клейма: «СО».

Просьба эта, такая искренняя, ни капли не смутила и не озадачила партийного функционера.

— Ты вся в мать, — он с пониманием и гордостью посмотрел на дочь. — Все будет хорошо с тобой подругой, вот увидишь! — заверил отец.

Всего этого ни Мария Дмитриевна, ни Элиза, ни Гера не знали, да и не должны были знать. Правда, однажды Гера сказала, глядя в лицо подруге:

— Я знаю, что у тебя много секретов от меня, понимаю, что с тайнами непросто жить, но я тебе полностью доверяю.

Марго не сразу ответила:

— Мария Дмитриевна научила меня громко молчать — держать язык за зубами, взаперти.

— Зачем?

— Очень боюсь потерять то, что имею, — искренне призналась Марго.

Гера серьезно посмотрела на подругу.

— Разве королева Марго может себя потерять?

— Королева — нет, а вот Марго — да!

— Тогда всегда будь королевой Марго.

Марго обняла подругу.

— Мы — это сила!

Гера прекрасно поняла, что этой фразой хотела сказать подруга.

— Мы — это сила! — тихо, но отчетливо, с воодушевлением повторила она, как клятву, слова Марго.

В августе сорок шестого дверь кабинета директора детского дома открылась. Орлова подняла голову и застыла...

Она с нежностью смотрела на бравого солдата, на гимнастерке которого блестели ордена и медали.

— Я вернулся, мама! — воскликнул он.

Дмитриевна кинулась на грудь Ильи Лобова: пла-

кала, обнимала, радовалась.

— Живой! — повторяла она.

— Крестик бабушки Ефросиньи оберегал, — скромно ответил Илья. — Максимка в Доме? — чуть погодя спросил солдат.

— Да, он ждет тебя, — со слезами счастья ответила Мария Дмитриевна.

— 14 —

В сорок седьмом году, после окончания средней школы, получив благословение, три молодые грации, как с любовью называла их директор Воскресенского детского дома Мария Дмитриевна Орлова, — Марго, Гера и Элиза — поехали поступать в Свердловск. Педагогические институты были во всех крупных городах, но именно в этом городе находилась еще и знаменитая Уральская консерватория.

Марго с Элизой подали документы в пединститут на разные факультеты, Гера же поступала на оркестровый факультет консерватории.

Самое обидное граций ждало позже: Элизе и Марго не хватило одного балла для поступления.

Вечером в комнате общежития состоялся совет.

— Девочки, я одна, без вас, учиться не буду, — Гера говорила быстро.

— Ты это серьезно? — переспросила удивленно Марго. — Ты ведь поступила, — в последнем слове сквозили горькая досада и обида.

— Я без вас учиться не буду, — серьезно повторила Гера. — Я не хочу быть в этом городе одна. Или все вместе, или...

Договорить ей не дала Элиза.

— Значит, возвращаемся домой, в Воскресенское.

— Да, — кивнула головой Марго. — Будем маме по Дому помогать, а на следующий год... — Марго украдкой посмотрела на Геру, ожидая ее одобрения.

— Мама сначала нам устроит нагоняй, — логически рассуждала Элиза. — Потом обнимет и скажет, как соскучилась, — она посмотрела на приунывших подруг. Вдохнула. — Она так надеялась, что мы первые ее студентки, а мы ее подвели, — в голосе чувствовалась горечь.

— Мама все поймет, — Гера силилась улыбнуться.

— Значит, возвращаемся, — решительно подытожила Элиза.

— Да!

— Завтра на поезд — и домой, — с облегчением произнесла Марго.

Директор детского дома, как девчонки и предполагали, встретила их, объятиями, радостными причитаниями, а вечером, за чаем, не удержалась и отчитала.

Первый год Гера работала библиотекарем в селе. Элизу взяли в школу даже без образования — учителем французского, потому что немецкий все отказались учить, приезжей учительнице пришлось вернуться в город. Марго помогала воспитателям с малышами, не ожидая, что ей так понравится с ними работать.

— Они как цыплята, — со смехом рассказывала она подругам.

— А ты себя курицей чувствуешь? — подтрунивала Элиза.

— Я чувствую, что нужна им.

Летом сорок восьмого года Мария Дмитриевна тяжело заболела, слегла.

— Раньше работала, теперь же скриплю, как несмазанная телега, — жаловалась она с кровати. — Слабость, разбитость в теле, будто отпахала на рудниках, а ведь ничего за день такого не сделала. Встать — и то нет сил.

— Закрыть бы эти рудники, — посочувствовала мать Геры, хлопоча в доме.

Когда в детдом приезжали из других областей, директор Орлова уговаривала своих работников приютить новеньких.

— Закроют, — проворчала Мария Дмитриевна. — Только вместе с рудокопами, — добавила она с горькой иронией, устало закрыв глаза.

Узнав о болезни наставницы, девочки наотрез отказались ехать на учебу летом сорок восьмого.

— Останемся с мамой, мы нужны Дому, — за всех произнесла Элиза, и подруги с ней согласились.

Орлова к весне сорок девятого справилась с болезнью, ее хозяйский голос снова разносился по всему Дому.

Летом того же года «три грации» поступили в педагогический институт в Свердловске: Элиза — на иностранные языки, Марго — на математику, Гера — на музыкальный факультет, который только открылся.

УЧИТЕЛЮ И УЧЕНИКУ

Вопросы к обсуждению повести

Анатолия Валевского «Первая скрипка не умирает...»

В конце практически каждого номера «Путеводной звезды» редакция предлагает вопросы для обсуждения прочитанного произведения — в классе, библиотеке или в кругу семьи. В журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение» № 5 за 2026 год опубликована повесть «Первая скрипка не умирает...» известного современного писателя Анатолия Валевского. Герои этого произведения — подростки, которые во время Великой Отечественной войны на своем опыте познали, что такое бомбежки, потеря близких, голод и холод. Но они выжили и оказались в тыловом детском доме. И теперь пытаются там обрести точку опоры, но это не так просто, испытания идут за испытанием... Повесть, основанная на реальных событиях, помогает современным юным читателям глубже осознать тяготы военного лихолетья и ценность каждой жизни человека.

Надеемся, эти вопросы помогут вам составить интересный разговор о повести «Первая скрипка не умирает...»

1

Какие произведения о Великой Отечественной войне вы читали? Какие из них произвели на вас особенно яркое впечатление? Почему?

2

Как меняются отношения между героями повести Анатолия Валевского «Первая скрипка не умирает...» в критические моменты (голод, холод, бомбежки, утраты)?

3

Почему автор дал название повести «Первая скрипка не умирает...»? Какие смыслы в нем скрыты?

4

Если бы вы оказались на месте Марго (или Геры), какие поступки вы бы считали возможными/нужными в экстремальной ситуации? Почему?

5

Что вас удивило в жизни детдомовцев? Кто из них вам наиболее запомнился и почему? Расскажите об этих ребятах.

6

Врач Марк Соломонович однажды говорит: «Анатомия силы... Она есть у каждого: у кого-то больше, у кого-то меньше, но есть. Ее надо в себе развивать». Детдомовец Илья понимает, что анатомия силы — это человеческая «жажда жизни». Как вы понимаете эти слова?

7

Составьте интервью с Марией Дмитриевной или Марком Соломоновичем: какие пять вопросов вы бы задали им?

8

Предложите альтернативный конец повести: что могло бы измениться в судьбах героев?

Журналы Российского детского фонда

Став инициатором создания и учредителем нескольких журналов, Российский детский фонд считает их своей нравственной программой защиты детей, программой помощи взрослым — учителям, врачам, родителям, вообще — защитникам детства. Поэтому, привлекая внимание взрослых к этому своему

проекту, прежде всего губернаторов, глав территорий, руководителей органов образования, здравоохранения, социальной защиты, иных госструктур, в полномочия и задачи которых, безусловно, входит духовная защита детства, Российский детский фонд надеется на партнерство и сотрудничество.

Наши координаты для связи:

101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.

Тел. (495) 625 82 00, факс (495) 624 24 90. E-mail: izdatelstvo@defond.org

Журнал «Путеводная звезда. Школьное чтение» (с 1996 по 2000 год — «Школьная роман-газета») рекомендован Министерством образования РФ для программного и внеклассного чтения всех средних учебных заведений. «Путеводная звезда» — это еще и помощь учителю литературы, истории и иных гуманитарных дисциплин. В конце каждого номера публикуется конспект учительских вопросов ученикам, которые позволяют провести содержательный диалог по обсуждению каждого опубликованного произведения. Внутри номера — журнал в журнале «Большая перемена», постоянно публикующий письма, стихи и прозу детей, публицистику, обращенную к ним, юмор, а также другие материалы.

Подписной индекс журнала «Путеводная звезда. Школьное чтение»: в каталоге «Почта России» — П 1953, П 5924 (годовой).

Ярко иллюстрированный журнал для детей и юношества. Издается по благословию Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Его цель — православное воспитание и просвещение. В увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории Русской Православной Церкви, о нашем Отечестве — его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» могут быть использованы на занятиях в православных гимназиях, в школах — воскресных и общеобразовательных, для чтения в семейном кругу. Выходит 6 раз в год.

Подписной индекс журнала «Божий мир»: в каталоге «Почта России» — П 5266.

«Дитя человеческое» — это журнал для родителей, учителей, врачей — всех, кому дороги дети и детство. А еще у него есть подзаголовок: взрослым о детях. Журнал публикует законы Российской Федерации, а также наиболее значимые законы регионов на тему детства. Публикует материалы об образовании и здоровье детей, постоянно специальные свои номера он посвящает положению детей в России — как независимые доклады общественной организации взрослых в защиту детства — Российского детского фонда. Публикуются репортажи и иные материалы о работе общественных организаций страны, Российского детского фонда, Международной ассоциации детских фондов. Цветное иллюстрированное издание. Выходит 6 раз в год.

Подписной индекс журнала «Дитя человеческое»: в каталоге «Почта России» — П 5192.

Общероссийский общественный благотворительный фонд «**РОССИЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД**»

**QR-код
для финансовой
поддержки**

Российский детский фонд – это организация взрослых в защиту детства. Является правопреемником Советского детского фонда им. В. И. Ленина, учредительное собрание которого состоялось 14 октября 1987 года в Колонном зале Дома Союзов.

Российский детский фонд – это первая и самая крупная в стране благотворительная организация.

Отделения Фонда работают в 67 регионах.

Почти 40 лет помощь получают страждущие дети – сироты, инвалиды, ребята из многодетных семей, те, чьи родители погибли, выполняя служебный долг... Все те, кто остро нуждается в поддержке.

Работа активно ведется по 30 программам, среди которых «1 июня – Международный день защиты детей», «Дети Донбасса», «Панда», «Начеку!», «Духовная защита», «Детский туберкулёз», «Детский диабет», «За решёткой – детские глаза», проекты «Мили доброты» и «Звуки жизни»...

Девиз Фонда:

«Ни дня без доброго дела!»

Главный принцип:

**«Дети вне политики, вне
национальности»**

Во времена трудных испытаний Детский фонд всегда был вместе со страной. И всегда – на переднем крае.

Вы можете стать Волонтером
Российского детского фонда!
Присоединяйтесь к нам!

Российский детский фонд

Адрес:

101990 Москва, Армянский пер. 11/2а

Телефоны:

+7 (495) 625-82-00 (приёмная Председателя Фонда)

+7 (495) 623-10-95 (секретариат)

Электронная почта:

info@detfond.org